

БЕККИ АЛЬБЕРТАЛЛИ
& АДАМ СИЛЬВЕРА

ЗА НАС

Продолжение "ЧТО, ЕСЛИ ЭТО МЫ"

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БЕН

Суббота, 16 мая

А что, если так и будет?

Этот вопрос звучит в моей голове всякий раз, когда я думаю о нем.

Мне кажется, что я давно потерялся, как коробка с оторванной в пути этикеткой. Но, кажется, кто-то наконец нашел меня.

Он прорвал тяжелую клейкую ленту коробки и вскрыл ее.

Там свет и воздух.

Смски с добрым утром и ночевки.

И испанский язык, и поцелуи.

Марио Колон.

Перед самым выходом на вокзал, Марио прислал мне фотографию, на которой он запечатлен в кресле дантиста. Он одет в белую футболку и джинсовый комбинезон, один ремень болтается, как пуэрториканский Супер Марио, которого заслуживает этот мир.

Его оливковая кожа гладкая, потому что у него, видимо, не растут волосы на теле, что его иногда раздражает, потому что он считает, что с бородой Лин Мануэля Миранды он выглядел бы отлично. Его темные волосы выются, и этот яркий свет очень привлекает внимание к его ореховым глазам. Его язык высовывается из уголка губ, и даже когда он ведет себя глупо, мне хочется его поцеловать, как в тот первый раз, когда мы вместе работали над домашним заданием по творческому письму.

И еще сорок раз с тех пор.

Я застенчиво пролистываю фотографию, которую отправил ему в ответ. Обычно я делаю дюжину снимков, прежде чем сочту один из них достойным Марио, ведь он явно не из моей лиги, но мне нужно было спешить, когда подъезжал мой поезд. Я наклонил телефон над собой, чтобы футболка, которую он мне сделал, была видна. На школьный выпускной родители Марио подарили ему принтер для печати на футболках, потому что он хотел придать своей одежде изюминку. На прошлой неделе он подарил мне футболки с надписью «Война злых волшебников», которая повторяет надпись на обложке, которую Саманта создала для меня на *Wattpad*. Футболка была таким заботливым подарком. Благодаря ей я даже стал оценивать себя и свои фотографии гораздо меньше, чем обычно.

Мы с Марио познакомились в начале первого курса на занятиях потворческому письму, и сначала я был уверен, что он окажется очень серьезным писателем-фантастом или потрясающим слэм-поэтом. Ничего подобного. Марио - сценарист, который пишет сценарии с одиннадцати лет, а в средней школе часто попадал в неприятности за то, что оформлял свои домашние задания как телеэпизоды.

Он был первым человеком после моего бывшего, Артура, на которого я положил глаз. Я замечал, когда он не приходил на занятия, восхищался тем, как он натягивает комбинезон, и мне очень нравились водолазки, которые он носил зимой. И он относился к своей работе так, что я не мог понять, как это - всегда гордый, но в то же время не самоуверенный.

В то время в моей голове было еще слишком много «что-если» в отношении Артура, чтобы я мог даже попытаться сблизиться с ним. Теперь эти «что-если» касаются Марио.

Что, если мы станем официальными бойфрендами, а не просто друзьями, которые целуются и проводят время вместе?

Я направляюсь в Центральный парк, чтобы встретиться со своим лучшим другом Диланом и его девушкой Самантой. Я впервые вижу их вживую после каникул, поскольку они не вернулись из школы на весенние каникулы. Вчера мы должны были устроить вечер игр, но Дилан заявил, что чувствует сильную усталость, из-за смены часовых поясов хотя разница, между Чикаго и Нью-Йорком составляет всего один час.

Я смирился с этим, потому что Дилан всегда драматизировал. Остаток пути в поезде я провожу, записывая в карманный блокнот идеи для предстоящей главы моего фэнтезийного романа «Война злых волшебников». Я закончил работу над книгой давным-давно, но стало ясно, что в моем сюжете много лишнего. Слишком много захватывающих моментов было припасено для сиквелов, которые, возможно, никогда не появятся, а все персонажи, вдохновленные моими друзьями и бывшими бойфрендами, должны быть более проработанными и доступны людям за пределами моего круга.

Мое вечное настроение: писать трудно.

Однажды Марио спросил меня, есть ли что-то, чем я когда-либо хотел заниматься, кроме писательства. Писательство - единственное, что у меня хорошо получается. Даже если бы какая-то другая мечта звала меня, я не знаю, что бы я делал без той любви, которую мои друзья и незнакомцы проявляют к моим злым волшебникам. Артур говорил о персонажах так, будто они были общими друзьями. А Дилану так нравится этот мир, что он фантазирует о настоящем драг-баре, где все драг-королевы одеты как разные фэнтезийные расы, такие как эльфы и тролли, а я никогда даже отдаленно не проявлял к этому интереса.

Я люблю общаться с людьми через слова. И мне очень нравится общаться с Марио через слова как на английском, так и на испанском. Он такой же белый пуэрториканец, как и я, но его родители, в отличие от моих, воспитывали его на двух языках. Он включил много испанского в сценарий своего фильма и сказал, что надеется, что ни одна студия не заставит

переводить его для людей; он хочет, чтобы другие проделали ту работу, которую его родителям пришлось проделать самим, когда он рос. Это очень вдохновило меня, и я практически закричал «¡Sí, por favor!», когда он согласился стать моим личным учителем.

Я очень хочу его увидеть.

Сегодняшняя тусовка с Диланом и Самантой будет немного жонглировать, поскольку к нам присоединится и Марио. Он не мой парень, но и не просто друг. В таких ситуациях все становится очень сложно. Например, когда я просыпаюсь с мыслями о нем и хочу пожелать ему доброго утра просто так, но иногда это может показаться слишком интимным. Или когда я размышляю, как лучше представить его своим друзьям, хотя они знают суть наших отношений. Или даже когда такие слова, как «отношения», кажутся слишком сильными, незаслуженными, если сравнивать их с реальными отношениями.

Я не знаю. Это проблема для Бена из «Часа в будущем».

Но мне нужно выкинуть из головы красивое лицо Марио, потому что я собираюсь пропустить свою остановку. Я вскакиваю со своего места и перехожу на платформу как раз в тот момент, когда двери закрываются. Я должен быть уверен, что не опоздаю. Я оставляю эти дни в прошлом. На уроках творческого письма миссис Гарсия называла это «ростом характера».

Я выхожу из здания вокзала и иду к входу в Central Park West на Семьдесят второй. Мне не требуется много времени, чтобы заметить Дилана и Саманту. Они сидят на скамейке в парке и играют в игру, в которой нужно смотреть друг другу в глаза и шлепать по рукам собеседника, прежде чем он сможет их убрать.

Саманта шлепает Дилана по рукам. «Попался! Четыре-один. Ты отстой».

«Эй», - говорю я, обходя скамейку. «Можно мне поучаствовать?»

Дилан улыбается. «Для тебя всегда найдется место в нашей кровати».

«Я ничего не говорил о твоей кровати. Я-»

Дилан отстраняет меня, встает и обнимает, поглаживая по макушке. «Скучал по тебе, приятель».

«Я тоже скучал. Я уже истосковался по тебе».

Волосы Дилана отросли до такой степени, что он наконец-то смог сделать прическу, над которой работал, и она ему очень идет - и если вы спросите его, он единственный, кому она идет. На нем новая футболка Koool Koffe и голубые джинсы. «В парке есть милое маленькое кафе. Приготовься выпить все порции эспresso, мой маленький кобелек». «Кофе Бен? Бен Бин?»

«Я голосую ни за что из вышеперечисленного», - говорит Саманта. Ее сине-зеленые глаза поразили меня сегодня так же, как и тогда, когда я впервые встретил ее за прилавком в Koool Koffe. Ее темные волосы заплетены в корону, готовую для Pinterest, которую я должен

включить в свою книгу. Она одета в темную рубашку, заправленную в белые шорты, а на шее у нее висит серебряный ключ. «Привет, Бен, - говорит она, обнимая меня».

Я радуюсь, что Дилан не превратил ее в ту, кто агрессивно обзывает меня.

«С возвращением, ребята».

Глаза Саманты расширяются при виде моей рубашки. «О мои греческие богини, мне это нравится!»

Дилан ухмыляется, когда замечает это. «Однажды волшебники разберутся с этими злобными колдунами».

С тех пор как Дилан прочитал книгу прошлым летом, до колледжа, произошло много изменений, но его поддержка так и не угасла. Время от времени я получаю от него сообщение с вопросом, как обстоят дела с Дюком Диллом, персонажем, которого я взял за основу. Дилан подбадривает меня, чтобы я уже нашел литературного агента, но в последнее время я стал немного перфекционистом.

Я не хочу никого подвести.

Эта любовь - тот вид давления, который действует на меня.

«Я тоже хочу рубашку», - говорит Саманта, ощупывая мой рукав. «Это ты сшил?»

«Марио сделал», - говорю я.

«Супер Марио!» говорит Дилан. «Надеюсь, ему не надоело, что люди называют его так, потому что ты знаешь, что я должен это сделать».

«На самом деле ему это нравится».

Меня бы это раздражало через какое-то время, но только не Марио. Ближе всего я видел, как он расстроился, когда наш одноклассник Спайки дал Марио несколько резких критических замечаний по поводу его сценария, но Марио в итоге отмахнулся от этого, потому что Спайки просто жаждал крови после того, как миссис Гарсия назвала его рассказ о Гражданской войне «исторически невозможным», и все посмеялись.

«Так когда же Супер Марио выскочит из канализационной трубы?» спрашивает Дилан.

«Скоро. Он идет от дантиста. До этого времени вы остаетесь со мной».

«Фантастика», - говорит Саманта, переплетая свою руку с моей, и мы начинаем прогулку по Центральному парку. «Значит, у вас с ним все хорошо?»

«Думаю, да?» Я чувствую себя немного глупо, говоря о Марио с Самантой и Диланом. В их отношениях нет никакой путаницы. В то время как мы с Марио больше похожи на вопросительный знак в паре с восклицательным - здесь есть неопределенность и волнение.

«Нам нужно придумать название для пары», - говорит Дилан. «Я думаю, что «Барио» звучит неплохо, но «Мужчины» - это просто идеально. Потому что вы оба парни и...»

«Как прошел ужин?» перебиваю я, поворачиваясь к Саманте.

«Хорошее спасение», - говорит она. «Было весело. Спасибо, что спросила. Думаю, мы оправились после Рождества».

Родители Саманты очень любят Дилана, но когда во время зимних каникул О'Мэлли узнали, что их дочь живет с ним в одной комнате в Чикаго, все пошло кувырком.

«Дилан вел себя лучше... ну, лучше, чем обычно», - говорит Саманта.

«Мне снова жаль, что нам пришлось отменить поход в комнату для побега.»

«Не беспокойтесь об этом. У нас есть все лето».

Дилан обхватывает меня за плечи. «Большой Бен, мы знаем, что комната для побега- это твоя уловка, чтобы запереться со мной в комнате на час. Тебе не нужны оправдания, хорошо?»

«Чувак, твоя девушка здесь».

«О, пожалуйста, заberi его от меня на час», - говорит она.

Дилан подмигивает. «Видишь, хозяйка не против».

Я останавливаюсь у тележки с кренделями, потому что все, что я ел этим утром, - это кусочек поджаренного рогалика с желе, который Ма приготовила для меня по дороге из квартиры. Как и подобает Бену Алехо, я уронил его на рельсы метро, когда снимал селфи для Марио, и с ним пробежала крыса; если бы мне было наплевать на TikTok, я, наверное, смог бы стать вирусным.

«Ребята, хотите?» спрашиваю я.

«Я наелась фруктов», - говорит Саманта. «У Дилана на завтрак были остатки утки».

«Ш-ш-ш», - говорит Дилан. «В парке есть утки».

«Как ты думаешь, утки нападут?»

«Да, старая добрая атака кряканьем».

Саманта качает головой. «Почему я... почему я что-то делаю с тобой?»

«Потому что машина Ди слишком неотразима».

«Мерзость, чувак», - говорю я.

«О, это просто означает «Машина Дилана». Я называю своего друга внизу...»

Саманта закрывает ему рот рукой. Настоящий герой нашего времени.

«Дилан, хочешь кофе?» Дилан оглядывается по сторонам. «Откуда?»

Я указываю на тележку с крендельками.

«Очень мило, Бен. Ты же знаешь, что я не буду пить этот ублюдочный кофе». Дилан поворачивается к продавцу. «Я не хочу сказать ничего плохого вам, добрый сэр, и очень

плохого тем клоунам, которые нагрузили вашу тележку этой гадостью».

Продавец смотрит на Дилана так, будто тот говорит на другом языке.

«Ты и так достаточно гиперодарен», - говорю я.

«Мы предварили это двойным эспрессо от Dream & Bean».

«Утка и кофе на завтрак. Фигушки.»

«Перестань вести себя так, будто это первый день знакомства со мной».

Это точно не первый день. Мы были лучшими друзьями с начальной школы, но с тех пор, как Дилан уехал в колледж, расстояние сказывается на нас.

«Лучше бы тебе не устраивать заварушку перед обедом с Патриком», - говорит Саманта.

«Патрик», - говорит Дилан и сплевывает на землю. «Найди себе лучших друзей, детка.

Ты видишь, как Бен все время рассказывает о том, как он плавает с дельфинами и обнимается с обезьянами?»

«Я не делаю таких вещей», - говорю я.

«И Патрик тоже», - говорит Саманта с укором. «Патрик взял отпуск, чтобы путешествовать со своим кузеном».

Промежуточный год - это здорово. Промежуточные *годы* звучат еще лучше.

«Присоединяйся к нам за обедом, Бен. Ты увидишь, насколько этот парень необычный».

«Ты действительно называешь кого-то необычным, Ди?»

«Это должно дать тебе представление о том, насколько он необычный!»

«Я не могу. У меня работа через пару часов».

«Скажи своему боссу, что в городе члены королевской семьи».

«Ты же знаешь, что я не могу».

Мой босс - это мой отец. Папу повысили до менеджера в Duane Reade во время сезона отпусков. Он нанял меня в апреле, чтобы я работал на кассах и помогал убирать товар на полки. Начало работы прямо перед выпускными только усложнило занятия, но я не получил от родителей, которые работали полный рабочий день во время учебы в колледже, ни капли сочувствия.

«С Патриком ты познакомишься в другой раз», - говорит Саманта. «Он будет дома следующие два месяца. Может быть, мы сможем вместе устроить комнату побега».

«Ты же не закроешь меня в комнате с Патриком на час», - говорит Дилан.

«Еще больший стимул для тебя решать головоломки раньше». Саманта игриво подталкивает меня локтем. «Мы можем пригласить и Марио».

«Может быть». Мой телефон жужжит. «Кстати, о Супер Марио». Я читаю его сообщение, в котором говорится, что он уже идет к нам. «Он уже в пути. Может, разобьем лагерь здесь, чтобы нас было легче найти?»

Дилан смотрит вдаль и указывает на террасу замка Бельведер. Это место всегда выглядит так, будто его вырвали из фантастического романа и перенесли в Центральный парк.

«Скажи своему мальчику, что мы будем там».

«Он не мой мальчик.»

«Пока».

Забавно, что в последний раз мы с Диланом были в Бельведере вскоре после того, как я встретил Артура на почте. Мы не успели узнать имена друг друга, как нас разделила толпа пепла, но я не мог перестать думать о нем, поэтому Саманта разыграла Нэнси Дрю, используя некоторые детали из моего разговора с Артуром, чтобы придумать лучший способ найти его. Она обнаружила встречу студентов Йельского университета в замке Бельведер, и, поскольку Артур упоминал, что хотел бы учиться там, я решил попробовать. Дилан решил, то нам нужны вычурные кодовые имена для посещения этого мероприятия, и выбрал для себя Дигби Уитакер, которое я помню до сих пор только потому, что дал это имя ученому в TWWW.

Два года назад я пришел сюда в поисках одного мальчика, а теперь прошу другого найти меня здесь.

Даже не глядя, Дилан берет Саманту за руку, и они вместе поднимаются вверх. Держаться за руки - это простое действие, я понимаю, но очень приятно видеть пару, которая спустя два года все еще любит друг друга. Лично я такого никогда не испытывал. Это дает мне надежду, что кто-то будет чувствовать то же самое по отношению ко мне.

Мы поднимаемся на террасу и останавливаемся на месте. Обычно здесь довольно прохладно, просто люди позируют на фоне парка. Но сегодня здесь проходит свадьба. Она интимная, всего дюжина небрежно одетых людей и группа, играющая мягкую инструментальную версию «Marry You» Бруно Марса. Я уже собираюсь оттащить Дилана и Саманту подальше, чтобы мы не устраивали фотобомбу, когда невеста начинает выходить.

Я застываю на месте.

Кажется, я знаю эту невесту...

Когда я познакомился с Артуром на почте, тот пепельный моб был на самом деле предложением для кассирши, которая помогала мне отправить моему первому бывшему, Хадсону, коробку с его вещами. Это было слишком дорого, и эта женщина не испытывала ко мне симпатии. Но сейчас она сияет, обмотав плечи своего простого белого платья черным шелком, и улыбается большим кольцом в губах.

Сначала замок Бельведер, а теперь эта женщина. Вселенная словно высекла имя Артура Сьюза в неоновых огнях Бродвея. Я не разговаривал с Артуром уже несколько месяцев, но я должен ему рассказать. Я быстро снимаю на телефон видео, как невеста идет к жениху. Дилан и Саманта прижимаются друг к другу, наблюдая за происходящим. Я открываю чат с Артуром - последнее сообщение я получил от него в мой день рождения, 7 апреля. Я не ответил, потому что... ну да. Мне было не до этого, потому что у него все так хорошо складывалось с его новым парнем, и я не пытался притворяться, что мой день рождения был счастливым. Но я должен был что-то сказать, потому что сейчас я чувствую себя странно, когда что-то говорю.

Как будто мы больше не знаем друг друга.

Я захожу в Instagram, где для собственного спокойствия отключил звук его сообщений. Было слишком больно заходить в интернет и видеть фотографии счастливого Артура и счастливого Майки, которые были счастливыми Артуром и Майки. Мне нужно было освободить пространство для себя; жизнь и так была напряженной из-за школы, дома мне было тесно и одиноко без Дилана или собственного парня.

Прийти к Артуру - все равно что сорвать пластырь.

Его голубые глаза пронзительны, как всегда, на его круглой фотографии в профиле. Среди последних фотографий в его ленте - коробка в его комнате в общежитии, затем цитата Стейси Абрамс («Неважно, где мы окажемся, мы выросли из того, с чего начали»), ретроспективный снимок молодого Артура с мамой, Артур и Майки держат афишу в театре их колледжа, от чего у меня кровь бросается в голову. Затем моя грудь сжимается, когда я вижу селфи Артура с открыткой Центрального парка, которую я подарил ему, когда мы прощались два года назад; на обороте написана сексуальная сцена между нашими героями «Войны злых волшебников», Бенджамином и королем Артуро, только для его глаз.

Зачем он с этим фотографируется?

Я прочитал сообщение:

Предстоящая гастрольная остановка Артура Сьюза - Нью-Йорк! 17 мая

Он возвращается.

Завтра.

Он использовал открытку из нашего прошлого, чтобы объявить о своем будущем.

В комментариях много любви от Майки и его лучшего друга Джесси, а также его бывшей коллеги Намраты. Я единственный засранец в Нью-Йорке, который не выказал никакого восторга. Странно, что мне это нравится. Хотя что, если это лучший первый шаг к воссоединению? Если нам повезет, мы обязательно столкнемся в какой-то момент. Единственный раз Нью-Йорк разлучил нас, когда я был здесь, а он — нет.

Мне нравится этот пост. И хотя я стою на месте, мое сердце колотится, как будто я бегу. Прежде чем я успеваю оставить комментарий, Дилан выхватывает у меня телефон.

«Любовь продолжается, Бен!»

«Мы даже не слышим их...»

«Почувствуй любовь, Бен, почувствуй любовь».

«Я действительно видел, как это предложение было сделано».

«Правда?» спрашивает Саманта.

«В тот день, когда я встретил Артура. Помнишь ту толпу пепла, о которой я тебе рассказывал? Это все было ради этих двоих».

Во время хаоса, царившего в тот момент, я ушел. Мой разрыв с Хадсоном был очень свеж, и, хотя мы с Артуром весело поспорили о Вселенной, я не ожидал, что из этого что-то выйдет. Я ни разу не подумал, что влюблюсь в мальчика в галстук с хот-догом.

«Вот это удача - наткнуться на их свадьбу», - говорит Саманта. Больше похоже на работу Вселенной.

«Они такие молодые», - говорю я. «Сколько им, около двадцати?»

«Помолвлены два лета», - шепчет Саманта, словно пытаюсь расслышать клятву. «Должно быть, все по-настоящему».

«Мои родители поженились молодыми», - говорит Дилан. «Все обошлось».

«Твоя мать ненавидит твоего отца», - говорит Саманта.

«Она ненавидит, что он жует с открытым ртом, никогда не заменяет рулон туалетной бумаги, врет о своих налогах и будит ее посреди ночи, чтобы рассказать о своих снах, пока он их не забыл. Но она его не ненавидит».

Я знаю его родителей - там есть немного ненависти.

Я не могу поверить, что являюсь свидетелем свадьбы женщины из Post Office Woman. Когда они обмениваются первым поцелуем как женатые люди, мы болеем за них, как за старых друзей, хотя она была очень груба со мной. Я никогда не думал, что это будет первая свадьба, на которой я побываю. Может быть, когда-нибудь я смогу использовать это в рассказе.

И вдруг все вокруг потемнело, руки закрыли мне глаза, и знакомый голос сказал: «Угадай, кто, Бен Хьюго Алехо».

«Кто-то очень суперский», - говорю я.

Марио убирает руки. «Не забывай об этом».

Я поворачиваюсь и беру его под руку. Это один из тех дней, когда у меня перехватывает дыхание от того, насколько он бесконечно красив. Он не просто фотогеничен, он прекрасен и

в реальности. Его лесные глаза такие красивые, хотя они не сразу привлекли мое внимание, как голубые глаза Артура. Но чем ближе мы с Марио становились за последний месяц, тем больше они меня поражали. Некоторым аттракционам требуется больше времени, чтобы вырасти, и от этого они не становятся менее замечательными.

«Марио - Луиджи Бена», - говорит Дилан.

«Герцог Дилл - Бенджамин», - говорит Марио и тут же обнимается, как будто они с Диланом уже знакомы. Мы уже говорили о том, что наши родители-пуэрториканцы учили нас быть вежливыми даже с незнакомыми людьми, и мы стараемся следовать этому принципу, проявляя уважение к личному пространству окружающих. Хотя эти двое, кажется, как магнитом притянуты друг к другу. Марио поворачивается к Саманте. «И ты, всемирно известный дизайнер обложек книг».

Саманта улыбается. «Это я».

Дилан смотрит на нее. «Слава Богу, ты не краснеешь. Но еще, любовь моя, как ты смеешь? Посмотри на этого красавца. Покрасней за него! Не позволяй этой красоте остаться без румян».

Марио поворачивается ко мне. «Он такой, каким ты его описала».

«Я умею говорить».

«Еще как умеешь».

Как он может сделать так, чтобы три слова воспламенили меня? Я хочу быть так близко к нему прямо сейчас. Такой близости, которая не допускается в общественном парке. Сейчас я думаю только о том, что не получил от Марио даже поцелуя, когда он приехал. Или обнять. Это маленькое напоминание о том, что мы не бойфренды, заставляет меня чувствовать себя гораздо более автоматически. Я хочу быть с кем-то, кто не может оторваться от моих губ или чья рука всегда держит мою, как будто они никогда не должны были расставаться. Но с Марио я не всегда могу понять, хочет ли он вообще целовать меня и держать за руку. Иногда он указывает мне на симпатичных парней на улице, словно подбадривая меня. Как будто это его не беспокоит. Мне было бы совершенно некомфортно, если бы он заигрывал с кем-то еще у меня на глазах.

Бывают моменты, когда энергия между нами смещается. В эти моменты мы можем забыть, что нам не нужно быть бойфрендами, чтобы наслаждаться друг другом.

«Что там со свадьбой?» спрашивает Марио. «Твои друзья?»

«Друг Бена», - говорит Дилан.

«Правда?»

«Долгая история», - говорю я.

«Расскажешь мне потом?»

«Расскажу позже».

«Отлично». Марио хлопает. «Я принес подарки. Но ни одного для жениха и невесты». Он лезет в рюкзак и достает две футболки «Война злых волшебников».

У Саманты отпадает челюсть. «Ты лучший!» Она надевает футболку поверх своей.

«Я должен был подарить тебе такую, чтобы ты не подал на меня в суд». Марио поворачивается к Дилану. «И я не хотел, чтобы ты думал, что я не думаю о тебе». Он подмигивает, но как-то неловко. Больше похоже на то, что у него что-то в глазах. И почему-то это очаровывает меня даже больше, чем идеальное подмигивание.

Дилан надевает рубашку. «Боже мой, я покраснел. Смотри!» Его щеки краснеют, когда он разражается смехом. «Марио, есть что-то невероятное в том, что кто-то, похожий на тебя, делает одежду, когда ты должен быть голым каждый день».

«Теперь ты пытаешься заставить меня покраснеть!» говорит Марио.

«О боже», - говорит Саманта. «Кажется, мы их потеряли, Бен».

«Думаю, да».

Марио достает свой телефон. «Я должен сфотографировать вас троих в рубашках».

«Только если ты будешь в ней с нами», - говорит Дилан.

«Да!» говорит Саманта.

«У тебя получится», - говорит Марио.

Я обхватываю его за плечи, пока Дилан и Саманта прижимаются к нам. Мне очень нравится держать его, и даже после того, как он забрал фотографию, я прижимаюсь к Марио еще немного. Мы все вместе смотрим на фотографию, и солнечный свет работает в пользу каждого, как самый щедрый в мире литер.

Все выглядят такими счастливыми, и я надеюсь, что это первое из многих задокументированных воспоминаний этого лета. И, возможно, чем больше я буду делиться с ним своим миром, тем больше он захочет стать частью моего и впустить меня в свой. Таковы все отношения. Вы начинаете ни с чего, а заканчиваете всем.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АРТУР

Суббота, 16 мая

Моя одежда на веранде, а Майки в моей кровати. Точнее, *он* на моей кровати. Он прислонился к моей подушке, на нем пижамные фланелевые штаны, очки и ничего сверху, а на лице - недельная щетина. Не то чтобы я жаловался. Скрюченный Майки - мой любимый Майки.

Тем не менее, он — эталон порядка и симметрии, и с первого взгляда можно определить, какие из моих коробок он упаковал. Это те, что ровными рядами стоят у изножья моей кровати, заполненные аккуратными стопками полотенец и простыней, каждое из которых помечено карандашом. *Постельное белье Артура. Учебники Артура.* Прямо сейчас он убирает мои фотографии, собирая все мои голубые плакаты в одну огромную кучу размером с яйцо.

Я опускаюсь рядом с ним. «Знаешь, на что это похоже?»

«На замазку для постера?»

«Давай я сделаю ему отверстие для глаза». Я тыкаю пальцем в замазку и выжидающе смотрю на него.

«Замазка для постера с дыркой для глаза?»

«Майки! Это парень из «Монстров против пришельцев»!

«А-а.» Он намазывает еще одну маленькую пачку шпаклевки на голову, как парик.

«Да, теперь он похож на Трампа». Я быстро сворачиваю его в блинчик и бросаю на тумбочку.

«Намного лучше».

«Такая активность», - говорит Майки.

«Тише.» Я наклоняюсь, чтобы поцеловать его.

«Угадай, что».

«Что?»

«Мне скучно».

«Собирай вещи», - говорит он.

«За упаковку». Я убираю челку с его лица и снова целую его.

«Знаешь, мы никогда не закончим, если ты будешь продолжать в том же духе».

Я просто улыбаюсь, потому что Майки - это такой Майки. Он все еще возбуждается, когда я его целую. Иногда он прочищает горло и говорит: «*Ну что ж*». Или он проверяет время или

спрашивает, заперта ли дверь, и несколько недель я думал, что это означает, что он ищет оправдания, чтобы не целовать меня. Но теперь я понял. Майки - один из тех людей, которые получают то, что хотят, а потом паникуют.

Я кладу голову ему на плечо и осматриваю комнату: горы книг, разбросанные бумаги. Обычный беспорядок. Майки, конечно же, собрал всю свою комнату четыре часа назад.

«Спасибо, что ты здесь», - бормочу я.

Если бы он хотел, он мог бы уже быть в Бостоне. Но мы оба знаем, что не было такой вселенной, в которой Майки не остался бы рядом, чтобы спасти меня. Я сворачиваю желтую полосатую рубашку-поло, которую нашел в коробке со старыми школьными вещами моего отца, и запикиваю ее в свою нью-йоркскую сумку - большую, туго набитую рубашками, джинсами и книгами. Перетащить все в поезд завтра будет настоящим испытанием, но сейчас я просто надеюсь, что доберусь до Нью-Йорка. А этого не случится, пока я не уберу тридцать тонн дерьма из этой комнаты в общежитии.

Я ногой отодвигаю картонную коробку в сторону, запустив руки в волосы. «Что я забыл? Зарядные устройства, рубашки, джинсы...»

«Нижнее белье?» говорит Майки.

«Нижнее белье».

«Рабочую одежду? Костюм и галстук?»

«Костюм и галстук? Чтобы я выглядел как Чед из корпорации?» Я качаю головой.

«Майкл Маккоуэн, это квир бродвейского театра! Я буду смеяться над сценой».

«Над сценой?» Майки прищурился. «Ты стажер ассистента».

«Стажер ассистента режиссера. Ты хоть знаешь, сколько человек проходило собеседование на эту работу?».

«Шестьдесят четыре».

«Именно. Шестьдесят четыре», - говорю я, чувствуя себя немного виноватым. Так что, возможно, я раз или два, а может, и несколько сотен раз проболтался Майки о своей стажировке. Но разве можно меня винить? Это моя самая лучшая работа мечты. Думаю, я еще даже не до конца осознал это. Меньше чем через неделю я буду работать на Джейкоба Фрикинга Демски, драматурга, удостоенного премии Лямбда, и двукратного лауреата премии New York Innovative Theatre. Как я могу не прыгать от радости, хотя бы немного?

Я надеялся, что Майки тоже немного попрыгает от радости. Или просто, знаете, постарается не выглядеть как Иа, когда я упоминаю об этом.

То есть, я понимаю. Конечно, я понимаю. Все наше лето было спланировано идеально: жизнь в Бостоне, остановиться в свободной комнате сестры Майки, работа в дневном лагере. Не совсем то, что нужно для резюме, но я был здесь не ради резюме. Я был здесь ради мороженого «Эмак и Болио», пончиков на Юнион-сквер и однодневных поездок в Салем и

Кейп-Код по выходным. Я был здесь ради Майки.

Но потом Джейкоб Демски объявил о своей стажировке, и я не мог выбросить это из головы. Да, стипендия была меньше половины того, что я зарабатывал бы, работая вожатым в лагере. Но я всегда мог сэкономить, живя в квартире дяди Милтона.

Пропустить время, проведенное с Майки, было бы неприятно, но я же не собирался переезжать на Луну. И это было только на лето. Более того, не было необходимости даже рассматривать другие варианты, поскольку Джейкоб не собирался выбирать меня. Каждый любитель квир-театра в стране будет бороться за эту возможность, и у некоторых из них, возможно, будет еще более впечатляющий театральный опыт, чем у Борегара и Бельведера в «подвале Итана».

И все же. Я вложил в это письмо всю душу и нажал кнопку «Отправить». Потом я постарался выбросить все это из головы. Я сосредоточился на Бостоне и Майки, а также на том, чтобы неистово учить себя делать моток пряжи, потому что, надо же, я не родился с навыками вожатым в лагере. Но я собирался стать вожатым в лагере. В Бостоне. Потому что Бостон был настоящим, а Нью-Йорк - бессмысленным секретным электронным письмом, отправленным в бездну.

Еще две недели назад.

Я никогда не забуду, как Майки застыл, когда я сказал ему, что меня пригласили на собеседование в Zoom.

Сейчас я изучаю его с минуту. Майки Филлип Маккоуэн, мой бледнолицый нервный парень. Он сидит с подтянутыми коленями, обняв их, и не смотрит на меня.

«Майки Маус», - быстро говорю я. Включи «Don't Lose Ur Head». Если какой альбом и может вызвать улыбку у Майки, так это оригинальная запись «Шестерки». Он берет мой телефон с зарядного устройства и набирает мой пароль, чтобы разблокировать его. Но потом его лицо как бы... замирает. Он молча смотрит на экран моего телефона.

Он явно не улыбается.

Мое сердце замирает. «Все в порядке?»

«Да. Да.» Он несколько раз нажимает на экран, и голос Анны Болейн перескакивает на мой беспроводной динамик. Обычно Майки подпевает себе под нос, но сейчас его рот представляет собой угрюмую прямую линию. Как будто изменилось давление воздуха. Я провожу рукой по краю одной из картонных коробок, помеченных для хранения в доме моей бабушки.

«Наверное, мне стоит отнести это в машину».

«А что, если ты просто... не пойдешь?»

«В машину?»

«В Нью-Йорк».

Я смотрю на него, а он смотрит в ответ сквозь очки, его глаза очень серьезные.

«Майки». Я качаю головой. «У меня есть работа...»

«У тебя была работа и в Бостоне», - мягко говорит он.

Мой желудок скручивает. «Я должен был сказать тебе раньше. Майки, я так...»

«Прекрати. Тебе не нужно снова извиняться». Он качает головой, щеки покраснели.

«Я просто не готов к завтрашнему дню».

«Я тоже». Я опускаюсь на кровать рядом с ним.

«Я бы хотел, чтобы ты все еще приезжал в Бостон».

Песня переключается - «Каменное сердце». Я беру Майки за руку и переплетаю свои пальцы с его.

«Ну, к счастью, это всего лишь два месяца».

«Десять недель».

«Хорошо, десять недель. Но они пролетят так быстро, обещаю. Мы даже не успеем соскучиться друг по другу».

Он грустно улыбается. «Я уже вроде как скучаю по тебе».

Я поднимаю на него глаза и так удивляюсь, что на секунду теряю дыхание. *Я уже вроде как скучаю по тебе.*

Я имею в виду, я знаю, что Майки увлечен мной. Я никогда в этом не сомневался. Но обычно он не говорит об этом так прямо.

«Я тоже. Но, по крайней мере, я верну тебя через две недели». Я подталкиваю его в бок.

«И я свожу тебя во все мои любимые места. Центральный парк, Таймс-сквер, пекарня «Левайн», да все, что угодно».

Майки нахмуливает брови.

Я сужаю глаза. «Что?»

«Я ничего не говорил».

«Ты наморщил брови».

Майки расцепляет наши руки. «Просто...» Он делает паузу, потирая затылок.

«Ты ходил в те места с Беном?»

«О. Ну, да». Я внезапно чувствую себя неловко. «Но это было два года назад. Мы с Беном даже не разговаривали целую вечность. С февраля». Майки пожимает плечами, словно не совсем мне верит. Но это правда. Мы с Беном уже несколько месяцев не разговариваем и даже не переписываемся. Я даже попытался зайти в FaceTim на его день рождения в апреле, но он не ответил. Он даже не ответил на сообщение, которое я отправил позже. Майки

смотрит на меня своими глазами бассет-хаунда. «Ты собираешься с ним встретиться?»

«Ты имеешь в виду Бена?»

«Вы будете в одном городе».

«Майки, серьезно. Я не разговаривал с ним с февраля. Он даже не знает, что я приеду».

«Думаю, он знает».

Что-то есть в том, как Майки это сказал.

«Что ты имеешь в виду?»

Песня снова переключается. «Мне не нужна твоя любовь». Клянусь, я слышу, как меняется темп биения сердца Майки. Он наклоняется в сторону, нащупывает мой телефон и передает его мне. Как только я нажимаю на экран, высвечивается уведомление из Instagram.

@ben-jamin понравилась ваша фотография. Это первый раз, когда Бену понравилась одна из моих фотографий за последние месяцы.

Мое сердце подскочило к горлу. Я старался не обращать внимания на то, что меня беспокоит Instagram. Это нормально, когда люди дрейфуют, верно? Особенно если это твой бывший парень. Я просто не думал, что это случится с нами. Со мной и Беном. Я думал, что мы несокрушимы.

И поначалу так и было. Я никогда не забуду ту первую неделю, когда мы вернулись домой после отъезда из Нью-Йорка. Мы с Беном разговаривали каждый вечер, пока не сели батареи наших телефонов. И весь выпускной год мы ни разу не обходились без смс. Я так часто выходил в FaceTime, что мои родители стали кричать: «Привет, Бен», когда видели мой телефон. Потом иногда Диего и Изабель кричали в ответ, и они вчетвером переходили на какую-то другую тему. Мы с Беном постоянно жаловались на это, но, думаю, нам обоим втайне нравилось, что наши родители втайне одержимы друг другом.

То есть мне нравилось думать, что мы с Беном тоже втайне одержимы друг другом. И я думал, что в колледже будет то же самое. Или даже лучше. Однозначно лучше, потому что, по крайней мере, мне не придется сталкиваться со знающими взглядами мамы каждый раз, когда я выхожу из своей спальни. К вашему сведению, это бочка смеха: пытаться не влюбиться в своего бывшего парня, когда он восхитительно рассказывает о структуре сюжета по FaceTime, а ваши родители видят все отрицания насквозь. Все родительские подколы, связанные с парнем, без самого парня.

Итак. Конфиденциальность - это хорошо. А близость Уэслиана к Нью-Йорку была еще лучше. Чуть больше трех часов на поезде - два, если я оставлял машину у Баббе и ехал на поезде из Нью-Хейвена. Не то чтобы я ожидал, что наши отношения возобновятся с того момента, на котором мы остановились, - не обязательно. Но Бен, похоже, был очень рад, что я переехал поближе. Он постоянно говорил об этом в течение нескольких месяцев.

Конечно, как только я оказался в Коннектикуте, все очень быстро стало странным. Мы по-прежнему постоянно общались, и Бен постоянно говорил, что скучает по мне. Или я просыпался от бессвязных сообщений «*Помнишь, когда*». Но когда я упоминал расписание поездов, он менял тему так быстро, что у меня голова шла кругом.

Однажды он прислал мне скриншот моего собственного Instagram, а затем один эмодзи в виде сердечка. В результате я провел два часа в FaceTime с Итаном и Джесси, пытался найти наиболее непринужденный и в то же время эффективный способ сказать: «*Я думаю, ты шутишь, но на случай, если ты действительно флиртуешь, могу я напомнить тебе, что у меня одноместная комната в общежитии*».

Это сбивало с толку и приводило в ярость, и я снова превратился в одержимого Беном. Я думал о том, чтобы заблокировать его номер. Я думал о том, чтобы появиться у него на пороге. Меня окружали симпатичные мальчики с громкими взглядами, которые любили целоваться, так что я пробовал и это. Но в итоге я всегда оставался один в своей комнате в общежитии, просматривая сообщения Бена.

Пока Майки.

@ben-jamin понравилась твоя фотография.

Я не могу перестать смотреть на уведомление. Конечно, там не сказано, какая именно фотография ему понравилась. Конечно, это мог быть мой пост про день упаковки. Но это могла быть и графика с цитатой Стейси Абрамс, которую я перепостил вчера вечером, или воскресная фотография ко Дню матери, или вообще что угодно. Я так хочу зайти в приложение, что у меня подергиваются желваки, но не могу сделать это в присутствии Майки.

Этот маленький значок сердечка.

Хотел бы я знать, что он означает.

Наверное, ничего. Может быть, у него соскользнул нерв во время прокрутки. Может, он даже не знает, что ему понравилось. Интересно, понравится ли ему это, как только он поймет? Я не знаю, исчезнет ли при этом уведомление, или я получу новое уведомление, или...

Я вдруг понимаю, что Майки только что заговорил. А я не слышал ни слова.

«Подожди, извини». Я виновато сглатываю. «Что ты сказал?»

Майки смотрит на меня. «Я сказал, что если ты хочешь его увидеть, ты должен его увидеть».

«Майки, я даже не разговаривал с ним с...»

«С февраля. Я знаю». Он часто моргает. «Ты говорил это. Несколько раз».

Я краснею. «Ну, это правда».

12 февраля, если быть точным.

И я ненавижу это. Ненавижу, как далеко мне приходится прокручивать страницу, чтобы найти сообщения Бена. Ненавижу, когда не знаю, закончил ли он свою последнюю ревизию TWWW, или родители заставили его найти работу, как они угрожали. Ненавижу не знать, что он ел на завтрак сегодня утром.

Ненавижу, что это моя вина. Это из-за меня все стало странным. Наверное, это началось, когда мы с Майки снова были вместе, на Новый год. Но я не могу винить Майки - он же не просил меня не дружить с Беном. Просто он всегда становился каким-то раздражительным и отстраненным, когда речь заходила о Бене.

Поэтому я перестал упоминать его имя. И, наверное, из-за этого Бен стал казаться мне вещью, которую я скрываю.

«Майки, то, что Бену понравился один пост в Instagram, не означает, что мы вдруг снова стали лучшими друзьями», - говорю я, стараясь найти что-то среднее между непринужденностью и весельем. Но даже я слышу оборонительные нотки в своем голосе.

Я оглядываюсь по сторонам, а Майки иногда сжимает переносицу за очками. В первом семестре он часто так делал. Кажется, до меня не доходило, что он перестал. Он на мгновение закрывает глаза.

«Могу я быть с тобой по-настоящему честным?»

«Конечно». Я придвигаюсь еще на дюйм ближе.

Музыка затихла, и тишина кажется безграничной и густой. Когда Майки наконец заговаривает, его голос звучит так.

«Я знаю, что ты с ним не разговаривал. А даже если бы и говорил, я доверяю тебе, Артур. Ты никогда не изменишь. Я знаю это. Я просто боюсь».

Я прижимаюсь бедром к его бедру. «Чего?»

«Не знаю. Наверное, я чувствую себя немного под угрозой из-за него. Он был твоей первой любовью. Твоя большая бродвейская история любви».

«Два года назад. И с тех пор я его не видел. Ты же знаешь».

Он быстро кивает. «Просто, что будет, если ты увидишь его снова?»

«Но зачем мне это? Я даже не думаю, что он считает нас друзьями на данный момент».

Майки странно смотрит на меня. «А ты думаешь, что вы друзья?»

Мои щеки становятся теплыми. «То есть, мы были ими? Не знаю. Он мой бывший. Мы встречались несколько недель, миллион лет назад. Но сейчас я с тобой. И, Майки, ты мне очень, очень нравишься. Мы мне очень нравимся».

И правда. Он мне действительно нравится. Мне нравится лицо Майки, его голос, его странный ботанический мозг, и бывают моменты, когда он настолько очарователен, что я почти не могу этого вынести. И нам так хорошо вместе. Мы почти не ссоримся. Да, он был

немного угрюм из-за Нью-Йорка, но я знаю, что мы справимся с этим. Мы всегда справляемся с этим. Потому что мы взрослые зрелые люди в зрелых взрослых отношениях, и все хорошо, спокойно и надежно. И я счастлив.

«Мы мне тоже нравимся», - говорит Майки.

Я снова беру его руку и сжимаю ее. Дело вот в чем. Бен был моей большой бродвейской историей любви. Но мне было шестнадцать. Вот что значит влюбиться в шестнадцать лет. То, что сейчас все по-другому, не делает это чувство менее реальным.

Я некоторое время изучаю лицо Майки. «Ладно, я хочу тебе кое-что показать. Я собирался подождать, чтобы сделать тебе сюрприз в Нью-Йорке, но...»

Я встаю, потягиваюсь и быстро стягиваю с себя футболку, вызывая у Майки улыбку. Моя сумка стоит на краю книжного шкафа, собранная и готовая. Я беру ее и возвращаю на кровать, расстегивая небольшой передний кармашек.

Майки с любопытством наблюдает за мной.

«Подожди...» Я роюсь в карманах, пока не нахожу короткую пачку бумаги, сложенную втрое. Затем я передаю ее прямо Майки, который колеблется. Я подталкиваю его.

«Открой».

Он открывает, а затем подтягивает бумаги ближе, чтобы прочитать, его глаза становятся огромными за очками.

«Подожди, это правда?»

«Через две недели. Это дневной спектакль. Но места ужасные, чтобы ты знал».

Майки смотрит на меня, ошарашенный. «Мы увидим Сикс?»

«Мы увидим Шестого!»

«Артур, это... это слишком дорого. Ты не должен был этого делать».

«Я хотел извиниться за то, что испортил нам лето...»

«Ты его не испортил».

«Испортил». Я прислоняюсь головой к его плечу. «И я хотел сделать что-то особенное, понимаешь? Для нас».

«Артур». Его голос звучит придушенно.

«И это было не дорого», - быстро говорю я, поднимая голову, чтобы встретиться с ним взглядом.»

«То есть стоило, но я получил скидку. Привилегия стажера».

«Почему бы им не пропустить скидку и не повысить твою стипендию?»

«Так не бывает». Я целую его в щеку. «Извини, но тебе придется смириться и посмотреть лучшее шоу на Бродвее вместе со мной. И знаешь что?»

Его губы подрагивают. «Что?»

«Ты был прав. Мне действительно нужен галстук. Чад из корпорации собирается на Бродвей».

Я снова встаю, осматривая комнату. «Теперь осталось выяснить, куда я их упаковал».

«Картонная коробка у вашего стола. На этикетке написано ««Arthur: Fancy»».

Я прижимаю руки к сердцу. «Ты сделал мне модную коробку?»

«Да». Он смотрит на меня мгновение, слабо улыбаясь. Затем он встает, хватая свою рубашку с веранды. «Ладно, как насчет того, чтобы закончить? Я схожу за ключами, а на обратном пути захвачу нам еды?»

«Майки Маус, ты мой герой». Даже когда он уходит, я не могу удержаться от улыбки, глядя на дверь.

Но мгновение спустя я достаю свой телефон.

@ben-jamin понравилась твоя фотография.

Очевидно, мое сердце хочет вырваться из грудной клетки. Из-за уведомления в Instagram. Это самая нелепая вещь.

Но я нажимаю на уведомление, и несколько мгновений спустя передо мной появляется мой официальный пост с анонсом Нью-Йорка с прошлой недели. На нем я держу в руках открытку с изображением Центрального парка, которую Бен подарил мне в последний раз, когда мы виделись лично. На обороте даже есть написанная от руки сцена Бенджамин и Артуро. Но, конечно, единственный человек, который мог бы узнать открытку, проигнорировал ее полностью, как он всегда и делает.

Сообщение было отмечено @ben-jamin и другими. До сих пор. За день до моего отъезда Нью-Йорк.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЕН

Воскресенье, 17 мая

Самое лучшее в том, что Па стал моим боссом, - это то, что теперь я получаю деньги, когда он говорит мне, что делать.

Я смог вложить свои чеки из Duane Reade в то, что, как я надеюсь, станет моей следующей работой - стать мега-бестселлером, автором «Войны злых волшебников», - купив программу для письма, которая поможет мне упорядочить все мои мысли по созданию мира, и приобрести доменное имя для сайта серии. Я мечтаю о многом, но Марио оказался отличным рекламщиком, заявив, что моя серия может стать следующей большой вещью. Было бы эпично иметь франшизу фильмов, а я смогу писать комиксы и играть в видеоигры, действие которых происходит в моем мире. И, конечно, Папа и Мама больше не будут работать, если не захотят, хотя я бы с удовольствием командовал Па в моем будущем парке развлечений.

А пока папа протягивает мне корзинку с тестами на беременность и презервативами.

«Вот еще немного для этого прохода».

«А разве презервативы не должны лежать в другом месте? Давайте создадим раздел «Планирование несемейных отношений».

«Конечно, давайте. Я уверен, что корпорация хочет, чтобы все их планы перестроил девятнадцатилетний сын их нового менеджера».

«Непотизм в выигрыше».

Я до сих пор не могу поверить в то, что моя первая работа в компании - это работа на папу. Я думал, что это будет что-то вроде распаковки посылок в книжном магазине. Но когда Па сказал мне, что они набирают сотрудников, я подал заявку, потому что был уверен, что все, что мне придется делать - это убирать полки, слушая музыку. Не-а. Приходится как можно быстрее запоминать, где в магазине находятся разные товары, потому что покупатели ненавидят, когда ты не можешь выдать ответ со скоростью поиска в Google. И оказалось, что работа на кассе меня напрягает. Однажды я не выдал покупателю правильную сдачу, и он попросил поговорить с моим боссом. Я по глупости назвал своего отца Па в присутствии покупателя, который набросился на Па за то, что тот не научил меня считать лучше. Я покраснел, а Па прикусил язык, и мы оба были расстроены до конца смены.

Теперь понятно, почему я предпочитаю распаковывать вещи в подсобке, когда есть такая возможность. Никаких покупателей плюс бонусное время, чтобы подумать о своих мирах - реальном и воображаемом.

Я достаю свой телефон.

«Никаких телефонов во время работы», - говорит Па.

«Я просто проверяю время. Lo siento.»

«Хорошо. Ты встречаешься с тем мальчиком позже?»

Он говорит о Марио. «Просто Дилан», - говорю я.

«*Это никогда не просто Дилан*», даже когда это просто Дилан. Его много».

Па одобряет Дилана гораздо больше, чем Марио. Он считает, что я заслуживаю больших обязательств, но мы с Марио играем в романтические отношения всего чуть больше месяца. Мы с Марио еще о многом не поговорили. Например, о его истории с прошлыми парнями или о том, ищет ли он вообще новые отношения. Мне не нравится, что Па осуждает Марио за то, что он не является моим настоящим парнем.

Па трогает меня за плечо. «Если я буду давать тебе пенни за твои мысли на испанском, ты уже поймешь это?»

«Нет», - говорю я.

«Это было английское» нет «или испанское нет?»

Я еще немного смотрю на коробки с презервативами.

Па щелкает пальцами. «Бенито, поговори со мной».

«Мы на работе».

«Я твой отец, а не начальник. За исключением тех случаев, когда ты хочешь уйти пораньше или тебе нужен внеплановый день».

Он не понимает, что это одна из проблем. Он мой отец и мой босс. Может, он и хотел бы поговорить с ним прямо сейчас, но я очень устал и мне нужно отдышаться. Все было бы совсем по-другому, если бы у моей семьи были деньги, как у Дилана, и я мог бы уехать учиться. Я не собираюсь выкладывать все это Па, пока мы носим синие жилетки Duane Reade. Или даже дома. Мне нужно пространство.

«Я в порядке», - говорю я.

Па вздыхает. «Как скажешь. Заверши все дела и можешь уйти пораньше».

«Спасибо».

Па делает преувеличенное покашливание, чтобы заставить меня говорить по-испански. Он добивается от меня большего с тех пор, как я превратил Марио в свой личный Дуолинго. Это еще одна причина, по которой Па странно относится к Марио, хотя он никогда в этом не признается. У него был шанс научить меня самому. Теперь я обращаюсь к кому-то другому.

«Никому не нужны уроки испанского, чтобы сказать «спасибо».

«Каждая маленькая частичка имеет значение».

«Грасиас, па».

Он сжимает мое плечо. «Это мой сын.» Из радики доносится голос Альфредо, который просит Па помочь с кассой. «Не забудьте попрощаться перед уходом».

«Вы имеете в виду «до свидания»?»

Па слегка кланяется в знак благодарности и направляется к входу в магазин. У меня возникает инстинкт извиниться за то, что я закрылся, но я не должен этого делать. У меня должно быть время, чтобы спокойно разобраться в своих чувствах.

Я откладываю коробки с презервативами, думая о другом последствии того, что я все еще живу с родителями. В прошлом месяце Па стирал белье и обнаружил в кармане моих джинсов коробку от презерватива. Это привело к большому разговору, в ходе которого он спросил, живу ли я половой жизнью или нет. Он был шокирован, когда я рассказал ему, что у меня был секс с Хадсоном, Артуром и Марио. Папа очень разозлился, потому что я не думаю, что ни одна из прочитанных им статей о том, как говорить с сыном о сексе, могла бы подготовить его к тому, что говорить, когда выясняется, что у твоего девятнадцатилетнего сына был секс с большим количеством людей, чем у тебя. Все, что он смог сказать - это то, что ему стало легче от того, что всегда использовались презервативы, и он расскажет об этом маме за меня, если я захочу. Я был не против, чтобы она знала, но все равно не мог смотреть им в глаза до конца ночи.

Я уже собирался переключить свое внимание с презервативов на тесты на беременность, когда услышал голос своего лучшего друга.

«Ага! Я должен был догадаться, что найду тебя здесь», - говорит Дилан.

«Почему?»

«Потому что ты, должно быть, делаешь запасы для очередных секс-марафонов со своим парнем».

«Он не мой парень». И как только Дилан открывает рот, я добавляю: «И у нас нет секс-марафонов».

«Как же ты не трахаешься с этим идеальным созданием при каждом удобном случае? Я сказал Саманте, что готов поспорить, Марио был создан в лаборатории каким-нибудь озабоченным доктором Франкенштейном, и она была согласна». Дилан издал низкий свист.

«Да, он прекрасен», - говорю я, складывая в стопку еще тесты на беременность, которые, в отличие от презервативов, нуждаются в пополнении; математика здесь говорит сама за себя.

«Горячий», - говорит Дилан.

«Для нас это больше, чем просто секс», - говорю я, унося запасные презервативы в подсобку.

«Я знаю, Биг Бен. Я видел вас вместе. Вы, конечно, будете Луиджи и его Марио, будете прыгать друг другу на шею и...» - Дилан замолкает, когда мимо нас по проходу проходит покупательница с ребенком, - «просто...»

«Не нужно заканчивать это предложение», - говорю я.

Я иду в подсобку, отключаю часы и переодеваюсь из брюк цвета хаки и белого поло в джинсы и синюю футболку с V-образным вырезом, которая напоминает мне оттенок лака для ногтей, которым иногда пользуется Марио. Когда я выхожу из подсобки, Дилан читает рекламный проспект романа массового спроса. Я останавливаюсь перед ним, думая, что это привлечет его внимание, но он продолжает читать, пробормотав краткое содержание о школьной учительнице и морском пехотинце, влюбленных друг в друга.

«Я буду геєм, если куплю это?» спрашивает Дилан.

«А ты как думаешь?»

Дилан делает паузу. «Нет?»

«Правильно.»

«Круто. Какая у вас скидка для сотрудников? Пятьдесят процентов?»

«Нет».

«Семьдесят?»

Я действительно удивлен тем, что мы в очереди покупаем эту книгу, но все складывается в его пользу, когда Па подзывает нас к кассе, на которой он работает.

«Дилан, с возвращением», - говорит Па.

«Для меня большая честь быть принятым обратно, Диего». Дилан отдает честь.

Вежливая улыбка Па напоминает мне о тех случаях, когда он устал от покупателей, но вынужден это скрывать. Он поворачивается ко мне. «Тебе не нужно было вставать в очередь, чтобы попрощаться».

«Не нужно было».

Дилан подходит к прилавку и кладет роман.

«Это для Саманты?» спрашивает Па.

Дилан качает головой. «Диего, Диего. Конечно, ты более прогрессивен, чем это».

«Это ты спросил, означает ли покупка книги, что ты гей», - говорю я.

«Я - любитель романов», - продолжает Дилан. «Вот почему я так хорошо отношусь к дамам», - он обхватывает меня за плечи, - «и к вашему сыну».

«Похоже, колледж не сделал тебя более зрелым», - говорит Па.

«О, поверь мне, Диего, я был достаточно зрелым в колледже».

Другой кассир, Донни, подслушивая безумие Дилана, случайно сканирует флакон с шампунем несколько раз.

Па убирает книгу Дилана в сумку. «Пожалуйста, уходите».

«Скоро вы меня еще увидите», - говорит Дилан, перекидывает сумку через плечо и идет к выходу.

«Почему это прозвучало как угроза?» спрашивает Па.

Яжимаю плечами. «Увидимся, Па».

«Я люблю тебя, мой мальчик».

«Я тоже тебя люблю, пап».

Папа кашляет.

Я вздыхаю. «Я люблю тебя, Па».

В нашей семье мы всегда говорим, что любим друг друга, перед тем как уйти из дома, лечь спать, положить трубку. Мои родители всегда давали понять, что время от времени у нас могут возникать финансовые трудности, но мы всегда будем богаты в любви. И я это понимаю, но если бы любовь была деньгами, я бы не хотел тратить их все в одном месте. Может, я хочу вложить деньги в симпатичного парня с именем мультяшного водопроводчика.

Я выхожу из «Дуан Рид», и Дилан ждет меня на улице. В этом квартале всегда много народу, потому что он находится рядом с несколькими остановками метро и прямо через дорогу от Юнион-сквер, где люди играют в шахматы, выгуливают собак, читают и катаются на скейтбордах. Это одна из моих любимых частей города - *была* одной из моих любимых частей города. Даже Юнион-сквер теряет свой блеск из-за того, как часто я вижу его сейчас. Пару недель назад я встречался здесь с Марио и нечаянно зашел прямо на работу, пройдя весь путь до комнаты отдыха, прежде чем осознал, что делаю. Я был на полном автопилоте, потому что теперь это моя жизнь.

«Что нам делать?» спрашиваю я.

«Ты имеешь в виду, без миссис и мистера?» Дилан соединяет свою руку с моей и ведет меня к метро.

«Он не мой мистер», - говорю я.

«С таким отношением он им и не будет».

С каждым днем мои чувства к Марио растут. Я пытаюсь играть на понижение, чтобы защитить себя после того, как меня обжигали парни, которых я любил. Сначала мы с Хадсоном сильно поссорились, и он поцеловал какую-то незнакомку, прежде чем мы смогли помириться. Потом Артур, чья любовь ко мне, казалось, разбилась о стену, как только он встретил Майки, который казался ему гораздо более подходящим. Теперь моя очередь быть с кем-то, кто больше подходит мне.

«Мы едем в верхний город», - говорит Дилан. «Мне нужно купить печенье на двадцать четвертую годовщину свадьбы родителей Саманты».

«Странная годовщина для празднования».

«Немедленно напиши об этом Саманте! Я сказал то же самое. Это не двадцать, это не двадцать пять. Что они делают, Бен? Они просто хотят получить печенье?»

«Что делает Саманта?» спрашиваю я, игнорируя вопрос.

«Она...» Дилан спотыкается перед автоматом MetroCard. «Она собирается пообщаться с Патриком по скайпу». Он сплевывает на землю.

«Ты мог бы ненавидеть Патрика и не плевать каждый раз», - говорю я, когда мы выходим на платформу.

«Он оставляет у меня во рту неприятный привкус».

«Я не понимаю, почему ты с ним воюешь».

«Он говорит о Саманте так, будто знает ее вечность».

«Ди, они выросли вместе. *Они знают* друг друга вечность».

«Вечность - это гораздо больше, чем девятнадцать лет, Бенцо. Тебе нужна еще летняя школа?»

«Ты хочешь сам купить это печенье?»

«О, дерзко. Похоже на Дилана».

Поезд прибывает, обдавая нас ветром и заглушая очередные сексуальные домогательства Дилана. Мы запрыгиваем на скамейку, пока поезд везет нас в верхний город. Дилан рассказывает мне о том, как все было хорошо с Самантой. Когда они только переехали, было несколько неприятных моментов, потому что, как бы сильно они ни любили друг друга, им все равно пришлось привыкать к совместной жизни. Саманте пришлось привыкать к тому, что Дилан - это Дилан 98 процентов времени, и учиться быть рядом с ним в те 2 процента времени, когда его не было. А Дилану нужно было научиться сидеть в тишине, пока Саманта занимается, и давать ей немного пространства, просто потому что.

Мы садимся в поезд, и я рассказываю ему о том, как я ненавижу свои занятия по не креативному письму и как дорого обходится школа в целом. Прогулка по Верхнему Вест-Сайду не помогает. Возле кафе стоит группа людей с пакетами покупок. Готов поспорить на доллар, что кто-то из них только что купил рубашку, которая стоит больше, чем я зарабатываю за две недели работы. Я бы чувствовал себя мошенником, прогуливаясь по любому из этих магазинов. Кому они вообще нужны? Я лучше заплачу Марио, чтобы он сшил для меня одежду на заказ.

«У меня пересохло в горле, мой дорогой джентльмен», - говорит Дилан с вычурным акцентом. «Надеюсь, в Levain есть чай со льдом или минеральная вода».

Проходит секунда, прежде чем я узнаю название. Сначала я думаю, что это какой-то персонаж из фантастического романа. Затем я останавливаюсь над канализационной решеткой, чувствуя, что сейчас расплавлюсь в ней, когда понимаю, куда мы идем. «Пекарня Levain?»

«Видишь, ты умный. Беру свои слова о летней школе обратно».

«Это там...» Я чувствую себя так, будто меня забросило в прошлое, на два лета назад.

«Это место Артура».

«И?»

«И я уверен, что он будет там со своим парнем, покупать печенье и...»

«А ты будешь со мной!»

«Но ты не мой парень».

«А кто в этом виноват, мистер Труднодоступный?»

Я делаю глубокий вдох, когда мы подходим к пекарне. В Нью-Йорке миллионы людей и миллиарды дел, а я все еще нервничаю, что вот-вот столкнусь с Артуром. Он всегда верил в то, что Вселенная сводит людей вместе, в то время как я больше сомневался в судьбе и тому подобном. Если мы окажемся в Левайне и столкнемся с Артуром, я изменю свое мнение о Вселенной. Я стану абсолютно верующим человеком, но я не буду стучаться в двери и делиться добрым словом.

Мы встаем в очередь, которая тянется за дверью. Я встаю на цыпочки и заглядываю вперед, чтобы увидеть Артура. Не вижу, но не исключаю, что он здесь. Возможно, он слишком мал, чтобы заметить его.

«Это не конец света, если ты с ним столкнешься», - говорит Дилан, глядя на меня.

«Ты любишь его».

Моя грудь напрягается. «Что? Нет, не люблю».

«Стоп, мистер Защитник. Я не говорю, что ты влюблен в него, но я говорю, что ты любишь этого маленького шалуна. В правильном смысле, который не заставляет тебя изменять своему парню».

«Марио не мой парень». Мои чувства к Артуру были бы проще, если бы Марио был им. «Ты ведь знаешь, как бывшие соперничают?»

«О, да. Харриетт буквально сказала мне, что она важнее, потому что у нее на десятки тысяч больше подписчиков в Instagram, чем у меня. Не поздно ли мне написать ей, что одна Саманта стоит миллиона Харриетт?»

Я бросаю на него взгляд.

«Слишком поздно», - говорит Дилан. «Вернемся к твоему вопросу. Почему он твой враг номер один?»

«Он мне не враг, но это отстойно, когда кажется, что Артур выигрывает все. Отличный колледж, парень, крутая летняя работа в Нью-Йорке. А что есть у меня?»

«Твой сексуальный лучший друг.»

«Это не ново».

«А вот моя булочка - да, и я не верю, что ты даешь ей ту любовь, которую она заслуживает».

«Я не знаю, Ди. Иногда мне кажется, что моя жизнь движется так медленно, что кажется, будто она вообще не движется».

«Как эта строчка». Дилан смотрит вперед. «Народ, сколько времени нужно, чтобы выбрать печенье?»

«Спасибо за внимание».

«Что теперь скажешь?» Дилан подмигивает. «Война между бывшими - дело сложное, но не забывай, что Артур взорвется, как вампир, попавший под солнце, если хоть раз взглянет на твоего парня».

«Он. Не. Мой. Парень».

Игра в сравнение внешности - это глупо. Я увлечен Марио по другим причинам, чем Артуром. Не по лучшим. Ни с одним из них ничего не происходило быстро. Я несколько раз задумывался об Артуре после первой встречи с ним на почте, но я не показывал его лицо в магазинах. И я довольно быстро понял, что Марио очень милый, но все равно потребовались месяцы и целое письменное задание, чтобы сблизиться с ним.

Надеюсь, когда-нибудь мне не придется прилагать столько усилий, чтобы почувствовать себя легко.

Я уверен, что у Артура и Майки все получилось. Иногда я думаю о том, как они вместе поют мелодии из шоу и как Артуру не нужно представлять бродвейские хиты вроде «Гамильтона» кому-то вроде Майки, и они могут свободно говорить о более малоизвестных бродвейских шоу. Стью для настоящих фанатов театра, а не для таких, как я, которые слушают альбом с записью, потому что этого захотел симпатичный мальчик, пока он читал мою рукопись. Тот опыт с Артуром был действительно особенным и интимным. Обидно, что это всего лишь момент времени; я для него - всего лишь вспышка. Мне понравился его пост в Instagram, но он так и не удосужился связаться со мной, чтобы сообщить, что он в Нью-Йорке. Правда, вот как я узнал, что он в Нью-Йорке? *Из Инстаграма?*

Нет.

Я перестану заикливаться на прошлом.

Я буду следить за своей бумагой.

На свою собственную жизнь.

Например, что завтра я проведу время с Марио. Я помогу ему с кое-какими делами, прежде чем мы останемся у меня дома. Посмотрим кино, поработаем над испанским, может быть, даже больше. Я понимаю, что для посторонних это выглядит как свидание. Но с Марио все по-другому. *С Марио все по-другому.*

Иногда мне кажется, что мы похожи на часы, у которых одна стрелка застряла на одиннадцати, а другая никак не может сойтись в середине на двенадцати.

Я надеюсь, что мы найдем свое время. Наконец мы попадаем в пекарню *Levain Bakery*, где стоит сильный запах свежеспеченного печенья. Дилан сообщает кассиру, что пришел за заказом, но, конечно, мы не можем уйти, не побаловав и себя. Я беру овсяное с изюмом, а Дилан - с арахисовым маслом в темном шоколаде. Он поднимает печенье к небу, словно призывая к действию.

«Этим можно забить кого-нибудь до смерти», - говорит он.

«Нет, не получится», - говорит кассир.

Дилан недоверчиво смотрит на нее и делает шаг назад. «Надеюсь, у вас будет отличный и веселый день». Он берет свою коробку и направляется к двери, шепча: «Она точно пыталась убить кого-то печеньем, Бен. Нам сообщить об этом?»

«А ты как думаешь?»

«... Нет?»

Я держу дверь открытой, и Вселенная делает замах. Это не тот удар, которого я ожидал, но это может произойти через несколько вдохов. На улице стоит лучшая подруга Артура, Джесси. Похоже, она так же удивлена, увидев меня.

«Бен! О Боже, привет!» Джесси обнимает меня, и снова меня словно засасывает в прошлое. Затем она обнимает Дилана. «Ребята! Это как специальная встреча выпускников».

«А может, это одно из тех воссоединений, где есть кошачий гомон?» Дилан потирает ладони. «Где Артур? Выведите его, давайте начнем эту битву бывших. Бен, я люблю тебя, но я ставлю на Артура. В нем есть что-то задиристое».

Джесси смеется и закатывает глаза. «Артур все еще распаковывает вещи в квартире. А я занимаюсь печеньем. Ребята, вы помните ту ночь у Милтона? Кажется, что это было сто лет назад».

И помню, и не помню.

Это был день рождения Артура в квартире его дяди: мы разделили печенье *Levain*; я познакомился с Джесси и другим лучшим другом Артура из дома, Итаном; Дилан и Саманта принесли торт на тему Гамильтона; коллеги Артура, Намрата и Джульетта, сделали ему сюрприз; а в конце вечера мы с Артуром обнимались в кровати, пока он читал главу *TWWW*, где я впервые представляю короля Артуро.

Я помню всю эту радость, как будто это было вчера.

«Так весело», - только и говорю я.

«Удивительно, что у нас не было проблем в тот вечер», - говорит Джесси. «В этот раз родители Артура не приехали, так что мы можем устраивать вечеринки дома чаще».

«Я в деле», - говорит Дилан.

Джесси ухмыляется. «Артур будет так ревновать, что я столкнулась с вами обоими».

«Пожелай ему удачи от меня в его нью-йоркской жизни», - говорю я.

«И пусть он знает, что я скучаю по его искренней сексуальной энергии», - говорит Дилан.

На этот раз смех Джесси кажется вынужденным. «Я в восхищении от того, что Саманта терпит тебя. У девочки есть выдержка».

«О, ты даже не знаешь...»

Я оттаскиваю Дилана. «Пока, Джесси. Повеселись этим летом».

Дилан чуть не роняет коробку. «К чему такая спешка?»

«Потому что все это было странно для меня, Ди. Ты должен это знать».

«Не то, чтобы это был Артур».

«Нет, но это вернется к нему. Как, по-твоему, это выглядит? Вчера мне понравился его пост в Instagram, а сегодня я ошиваюсь возле пекарни в его районе. Он подумает, что я пытаюсь привлечь его внимание. Я не хочу никаких странностей, тем более что у него есть парень».

Я поднимаю руку. «Если ты скажешь, что у меня тоже есть парень, я забью тебя до смерти твоим печеньем».

«Это не сработает», - поет Дилан.

Я иду обратно к вокзалу, желая, чтобы этот опыт не так сильно потряс меня. Я хочу быть счастлив за Артура, но это трудно, когда я чувствую, что он даже не был в конечном итоге счастлив со мной. Я был просто кем-то, кто развлекал его, пока он не нашел кого-то лучше.

Но все в порядке. У меня тоже есть кто-то, кто лучше справляется с моей жизнью. Вместо того чтобы беспокоиться о том, что мне придется столкнуться с прошлым, я собираюсь продолжать строить свое будущее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

АРТУР

Воскресенье, 17 мая

Артур Сьюз: павший герой. Побежденный воин. Потерял остатки своего достоинства из-за чертовой простыни.

Я растянулся на голом матрасе дяди Милтона, дыша так, будто только что пробежал марафон. Это как в прошлом году, когда я пытался втиснуться в свой блейзер на бар-мицву, потому что Бен не мог поверить, что я надел полоски. Получилось ли у меня что-то милое? Конечно. Но потом мне пришлось, по сути, родить себя из него. По крайней мере, тогда я смог надеть второй рукав без того, чтобы первый выскочил, чего не скажешь об этой дерьмовой кровати.

Мне нужна Джесси. Конечно, она ушла «перекусить» час назад, и этого времени достаточно, чтобы убедиться в том, что я всегда подозревал: я до смешного *не приспособлен* к жизни в одиночестве. Но, видимо, Вселенная знала об этом с самого начала, потому что летнее жилье Джесси сорвалось ровно в тот же день, когда я согласился на работу Джейкоба. Прошла неделя, и вот мы здесь: соседи по комнате на Манхэттене. Гламурные взрослые люди, занимающиеся гламурными юридическими делами в городе, который никогда не спит.

Ладно, пока что я в основном раскладывал носки, искал розетки и тяжело дышал на голом матрасе по совершенно несексуальным причинам.

Но это почти гламурно. *Это будет гламурно.* Мне просто нужно сделать одну короткую съемку для Джесси, где я закутаюсь в простыню, как будто это шапочка для душа на все тело. Смерть от постельного белья SOS.

Она мгновенно отвечает. Возможно, она повернута не в ту сторону, проверьте, есть ли у нее верхний или нижний ярлык.

У моей простыни теперь есть свой профиль на grindr?

Но, конечно, если провести пальцами по внутреннему шву, можно обнаружить полный набор атласных бирок: *Top or Bottom u Side*. Угадайте, какой гений провозился с этим полчаса.

Десять минут спустя моя комната выглядит так, словно вылезла из одного из маминых журналов Real Simple - более чем достойно для триумфальной фотографии «Миссия выполнена», которую я собираюсь сделать для Джесси. Но как только я беру в руки телефон, он начинает жужжать от запроса FaceTime.

Майки. Я нажимаю «принять» и улыбаюсь, глядя на его неловкое лицо крупным планом на моем экране. Можно подумать, что мальчик, унаследовавший старый смартфон брата в

восемь лет, уже знает, как управлять селфи-камерой. Но даже Баббе удастся общаться по видеосвязи лучше, чем Майки. Это чертовски очаровательно, на самом деле.

«Зацени. Хорошая кровать, правда?» Я навожу камеру, чтобы показать свою работу. «Не хватает только тебя, гололым...»

Майки громко прочищает горло и откидывается назад, щеки краснеют. Секундой позже его племянница Миа просовывает голову в кадр.

«Ней, малыш!» Я снова перехожу в режим «Я сам», неистово улыбаясь в камеру.

«Смотрите! Привет, мистер Хорси!» Я наклоняю телефон вверх, чтобы поймать гигантскую лошадь, нарисованную в центре над изголовьем кровати дяди Милтона. «Приветик, Миа!» добавляю я своим гребаным квази-британским лошадиным голосом.

Майки выглядит забавным. А еще - смутно встревоженным.

«Привет, Автор», - говорит Миа. Майки что-то шепчет ей на ухо, и она снова смотрит на меня. «Аrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrr», - добавляет она, произнося «р» как пират, и зарабатывает толчок от дяди Майки.

Он так хорошо с ней ладит. Когда я лично познакомился с Мией на Новый год, она была слишком застенчива, чтобы заговорить со мной. Но Майки никогда не давил на нее - он просто обнял ее и позволил ей зарыться лицом в его рубашку, пока мы разговаривали. Это заставило меня растаять. Я не мог перестать смотреть на него всю ночь, не мог перестать думать о том, чтобы поцеловать его, даже в присутствии его семьи.

Странно осознавать, что сейчас я мог бы быть с ними в Бостоне, проживая это фантастическое лето со своим невыносимо милым парнем. Если я слишком сильно задумываюсь об этом, мне становится немного больно. Может, даже больше, чем немного.

Я сглатываю. «Миа! Сколько тебе сейчас лет?»

Она что-то застенчиво бормочет, слишком тихо, чтобы я мог расслышать.

«Шестнадцать?» спрашиваю я.

Она хихикает. «Нет!»

«Семнадцать?»

«Нет!» Мия недоверчиво смотрит на Майки, а потом снова поворачивается ко мне. Майки показывает четыре пальца за спиной.

«Ладно, ладно», - говорю я. «Хм. Тебе... четыре?»

«С половиной!»

Майки делает «унос» и пожимает плечами.

«Конечно!» Я хлопаю себя по лбу. «Вау. Я скучаю по тебе. Как вы, ребята?»

Майки делает паузу. «Мы... в порядке».

«Просто хорошо?»

«Мими, хочешь пойти к папе?»

«Нет», - быстро отвечает она. Никакого дерьма, просто твердое «нет». Потому что Миа Маккоуэн Чен - это икона.

«Иди к папе», - говорит Майки. Миа хмурится и исчезает из кадра.

«Что случилось? Что-то случилось за ужином?» Я пытаюсь вспомнить, не было ли чего-нибудь особенного в сообщениях Майки вчера вечером. С ним трудно сказать - как бы хорошо я ни разбирался в выражении его лица, в сообщениях он все равно такой загадочный. Я собирался позвонить ему по FaceTime вчера вечером из дома Баббе, но Баббе всегда устраивает такую большую сцену из-за ужина, а потом приехала Джесси из Провиденса, и мы полночи проболтали в спальне детства моей мамы.

«Ужин был ничего». Майки потирает переносицу. «Мы узнали сегодня утром - мой брат сбежал».

«Что Роберт сделал?» У меня отвисла челюсть.

«И он сообщил моим родителям через смс».

«Он этого *не* делал».

«Он это сделал!»

«Нет. Это слишком, даже для Робби».

Майки улыбается едва заметной улыбкой. Его больше всего веселит моя железная память на случайные личные подробности. Я могу назвать тебе топ самых проклятых насекомых Итана, знак зодиака бывшего парня Бена, да все что угодно. Возможно, я не смогу прочесть ни одной страницы книги, не перечитывая каждый третий абзац, но, по крайней мере, я помню имя мужа моей учительницы во втором классе. Это моя жутковатая суперспособность. Но я начинаю думать, что это не такой уж плохой навык. В основном потому, что большая, шумная, дружная семья моего парня - это весь его мир, и я мог бы написать книгу о каждом из них.

«Мои родители сходят с ума», - говорит Майки. «Лора росла там с десяти лет, а мама все не перестает плакать. Там полный бардак».

«Я думал, твоим родителям нравится Аманда!»

«Да...»

«Он ведь не сбежал с какой-нибудь другой девушкой? Или парнем?» Я задыхаюсь. «Роберт женился на парне? Это... Боже мой, это самый эпичный способ выйти замуж. Почему я об этом не подумал?»

«Он натурал», - говорит Майки. «То есть, насколько я знаю. И все любят Аманду. Они просто расстроены из-за побега».

«Аманда беременна?»

Майки качает головой. «Нет, просто свадьба очень важна для моих родителей, понимаешь?»

Они сделали все возможное для Лоры и Джоша - пригласили практически всех, кто попадался им на глаза». Он делает паузу.

«Возможно, именно поэтому Робби и Аманда отказались».

«Возможно. Вау.» Я пожимаю плечами. «По крайней мере, это немного романтично. Побег!»

«Ну, Лора думает, что на самом деле они сделали это из-за медицинской страховки. Аманде только что исполнилось двадцать шесть...

«Точно. И она теперь работает фрилансером. В этом есть смысл».

«Буквально, как ты помнишь эту штуку?» Майки улыбается по-настоящему. «Ты же знаешь, что не обязан следить за подробностями работы девушки моего брата?»

«Жена брата. Теперь она твоя невестка».

Майки на мгновение растерялся. «Да.»

«Значит, даже не крошечная свадьба, да?» Я откидываюсь на подушки, держа телефон наперевес. «Ни первого поцелуя, ни торта? Ничего?»

«Они все еще могут целоваться и есть торт».

«Верно. Но. Я не знаю. Тебе не грустно, что ты не сможешь увидеть лицо Робби, когда Аманда войдет? Это то, что я бы сделал...»

«Я знаю», - говорит Майки. «Ты четыре раза присылал мне список BuzzFeed».

«И я буду *продолжать* присылать тебе женихов, потрясенных своими прекрасными невестами, пока ты не начнешь их ценить».

«Это угроза?» Он морщит нос и улыбается - одно из моих самых любимых выражений Майки. Но через мгновение его лицо опускается.

«Не могу поверить, что уже есть семейная драма. Я дома меньше двадцати четырех часов».

«Ну, если тебе когда-нибудь понадобится отвлечься от драмы, я здесь».

Майки просто смотрит на меня.

«Ладно, справедливо. Но если тебе нужна *другая* драма...»

Входная дверь в квартиру с грохотом закрывается.

Я поднимаю взгляд. «Джесси вернулась!»

Мгновение спустя она стоит в дверях, держа в одной руке гигантское печенье с двойным шоколадом, а в другой - белый бумажный пакет для выпечки. «Артур, ты не согласишься, кого я только что видела в Levain Bakery». Она опускается рядом со мной и смотрит на экран моего телефона. «О! Привет, Майки».

«Как дела?» Он помахивает ей рукой.

«Хорошо, хорошо».

Я улыбаюсь им в ответ. Боже, я люблю неловких людей. Кажется, я их коллекционирую.

Джесси протягивает мне пакет, и я с удовольствием вдыхаю. «Пахнет. Так вкусно».

Она похлопывает меня по плечу. «Не за что».

«Так с кем ты столкнулась?»

«Точно.» Она быстро кивает. «Намрата».

«В «Левайн»? Не может быть! Я думала, она живет в центре города».

«Кто такая Намрата?» - спрашивает Майки.

«Она была одним из летних юристов в юридической фирме, когда я там работал. Но теперь она настоящий юрист. Ух ты, Джесс, какова вероятность того, что ты столкнешься с ней за день до начала работы?»

Я качаю головой, улыбаясь. «Так держать, Вселенная!»

«В любом случае, я пойду поем». Джесси вскакивает. «Обед из печенья?»

«Обед из печенья». Я оборачиваюсь к Майки. «Я, наверное, тоже пойду».

«Теплое печенье. Я понял», - говорит он.

Я улыбаюсь. «Держи меня в курсе, как там твои родители и Роберт?»

«Договорились». Майки делает паузу. «Я скучаю по тебе».

«Я тоже по тебе скучаю, Майки Маус».

Я кладу трубку и иду в гостиную, где Джесси устроилась за обеденным столом со своим печеньем и двумя стаканами молока.

«Я чертовски люблю тебя, Джесси Франклин», - говорю я.

Она улыбается мне. «Ты не сказал мне, что для этого печенья понадобится ложка».

«Ложка? Покрепче».

Я сажусь на стул рядом с ней и вгрызаюсь в печенье, как в гамбургер. Оно такое теплое, липкое и сытное. Такое нью-йоркское. А я вот уже год живу в столовой Usdan Marketplace с печеньем.

«Ты даже не представляешь, как мне это было нужно».

«У меня было предчувствие».

«Не могу поверить, что ты видела Намрату. Как она?»

«Понятия не имею». Джесси пожала плечами. «Я ее не видела».

«Подожди...»

«Я видела Бена», - прямо говорит она.

Весь мир замирает.

«Бена... как Бена? Алехо?»

Джесси откусывает кусочек печенья и кивает.

«Но ты же сказала...»

«Да».

«Так почему же ты не...?» Но Джесси пристально смотрит на мой телефон, и мои щеки пылают жаром. «О.»

Джесси делает паузу. «Так как Майки?»

«Отлично! Я имею в виду, он ничего». У меня в голове туман. «Почему Бен был в пекарне Левейн?»

«За печеньем?» говорит Джесси. «Так странно, да? Он был с Диланом. Честно говоря, мне потребовалась секунда, чтобы определить их местонахождение. А ты знаешь, что у Дилана есть булочка?»

«А Бен выглядел по-другому?» Я прищурился, пытаюсь вспомнить, когда в последний раз видел его фотографию. Обычно он выкладывает фотографии зданий, граффити и скучных вещей, например голубей. Наверное, он до сих пор не понял, что его лицо - лучший вид в Нью Йорке.

Нет, нет, нет. Удалите эту мысль.

«Нет, он выглядел так же. Думаю, я просто не ожидал их увидеть. Дилан говорит, что ему не хватает твоей сексуальной энергии»

«Я тоже по нему скучаю!»

Я не общался с Диланом год, а может, и больше. Однако я в курсе его прически, поскольку до сих пор слежу за ним в Интернете. Дилан и Саманта, несомненно, моя любимая пара в Instagram. На прошлой неделе Дилан поделился постом о крепости, которую они построили в комнате Саманты в общежитии. По сути, это было одеяло, расстеленное на двух картонных коробках. И они задвинули туда кровать Саманты, создав уютное пространство для последнего школьного вечера. Если это не вверх романтики, то я не знаю, что еще может быть. Естественно, я всю неделю размышлял, как бы повторить этот опыт с Майки *в нашу* последнюю ночь. Я даже купил светящиеся в темноте звездочки в магазине игрушек на Мэйн-стрит, чтобы мы могли притвориться, что спим под звездами.

Но в итоге я даже не упомянул об этом Майки, хотя уверен, что он бы отнесся ко мне с юмором и согласился. Наверное, я просто представлял, как он смотрит на меня с выражением лица «подожди, зачем мы это делаем». Или спрашивал, действительно ли это стоит дополнительной уборки, которую нам придется делать утром. Поговорим о самом главном вопросе, требующем ответа. Если ваш парень спрашивает, стоит ли делать ваш романтический жест, значит, делать его не стоит.

Не знаю, может, Майки и понравилась бы эта идея со строительством форта. Он не из тех, кто способен спонтанное романтическое вдохновение, но его вполне можно убедить, особенно когда речь не идет о компьютере. И ему нравится делать меня счастливым. *Он действительно делает меня счастливым.* И то с того, что встреча с Майки - это не просто большой праздник с сюрпризом. Любовь не обязательно должна быть такой. Она не обязательно должна быть показушной или сентиментальной, или больше, чем жизнь. Любовь может быть стопкой сложенного белья и полным баком бензина, или твоим постоянным, милым парнем,

который проводит дополнительную ночь в школе, чтобы помочь тебе собрать вещи в комнате в общежитии. В любом случае, не все отношения будут хорошими...

«Бен Алехо», - говорит Джесси, и я чуть не опрокидываю молоко. «В первый же день.

Насколько это случайно?»

«Абсолютно. Абсолютно случайно», - говорю я, кивая. Ладно, вау. Мозг-ветряная мельница, мозг - дрель, мозг - *чертов гигантский торнадо*. Потому что вчера Бену понравился мой пост о переезде в Нью-Йорк. И вдруг он тусуется в Levain Bakery, в моем районе, в день моего переезда? Поговорим о неоновом знаке Вселенной. Не знаю...

«Бен что-нибудь сказал?»

Джесси наклоняет голову. «Что-нибудь?»

«Обо мне». Мои щеки становятся т. «Я не знаю. Мне просто интересно... Я даже не знаю, знает ли он, что я здесь».

«О, конечно. Он назвал это твоим нью-йоркским переездом».

Мои легкие перестают работать. Я открываю рот, но тут же закрываю его. Джесси поднимает брови. «Ты в порядке?»

«Что? Да, конечно. Я просто...» Я делаю паузу. «Как ты думаешь, мне стоит написать ему?»

«Ни в коем случае».

«Из-за Майки?»

«Да! Арт, перестань...»

«Боже мой». Я смеюсь. «Я не говорю о звонке с целью подцепить. Я говорю о дружеском, платоническом «привет, как дела, мы не разговаривали секунду...».

«Не лучшая идея».

«Почему?»

«Артур, две секунды назад нам пришлось врать, что я столкнулась с Беном...»

«Нам?» Я недоверчиво смотрю на нее. «Это была ты!»

«Да, потому что сколько раз ты говорил мне, что Майки становится странным, когда ты рассказываешь о своем нью-йоркском лете?»

«Ты думаешь, я не рассказываю о том лете с Майки?»

«Тебе буквально только что пришлось объяснять ему, кто такая Намрата».

«Ладно, не совсем понимаю, зачем моему парню нужно знать всех коллег, с которыми он работал два года назад».

«Я просто хочу сказать, что Майки и так очень переживает из-за Бена. Зачем тебе сейчас добавлять к этому еще и это?»

Я качаю головой. «Ты слишком много думаешь об этом. Я не пытаюсь с ним переспать! Я

просто хочу поздороваться, ясно? Я в его городе! Он был одним из моих лучших друзей...»

«Он твой бывший», - говорит Джесси.

«*И мой друг!* Это не взаимоисключающие понятия». Я запихиваю в рот еще один кусочек печенья, тщательно пережевывая его. «Только потому, что» - я сглатываю - «ты не разговариваешь с Итаном...

«Это не имеет никакого отношения к нам с Итаном». Она резко встает, прижимая обе руки к животу. «Ух ты, какое вкусное печенье».

Я неопределенно киваю, но мои мысли уже далеко отсюда. То, что Джесси столкнулась с Бено, должно быть каким-то знаком от Вселенной, верно? В Нью-Йорке такого не случается. Не без вмешательства небес. Я должен просто проигнорировать это?

Майки бы понял. Не скажу, что он будет в восторге, но он мне доверяет. Как и должен. Потому что если говорить о личных линиях на песке, то измена моему парню стоит в одном ряду с голосованием за республиканцев и убийством. К тому же Майки сказал, что я должен увидеться с Беном, если хочу его видеть. И это не значит, что я, ну, знаешь, *хочу увидеть Бена*. Я просто хочу сказать, что это не должно быть большой проблемой. Честно говоря, *не писать Бену* было бы еще более странно, потому что тогда я активно избегаю его, тем самым *доказывая*, что у меня все еще есть к нему чувства. *А у меня их нет*. У меня нет чувств к Бену.

Так почему бы мне не написать ему?

А что, если я просто... напишу?

ГЛАВА ПЯТАЯ

БЕН

Понедельник, 18 мая

Я был действующим чемпионом в номинации «Самый вероятный опоздавший», пока не появился Марио.

Я проверяю свой телефон и вижу, что он опоздал на двадцать минут. Пока что. Я не пытаюсь быть тем парнем, который пилит его за то, что он приходит вовремя. Хадсон определенно не был фанатом моих хронических опозданий, пока мы встречались, а Артур принимал это еще более близко к сердцу. Но мы с Марио не встречаемся, так что мне не стоит даже ставить его в один ряд с этими двумя. Марио - мой друг, который мне нравится - на самом деле *нравится* и я не могу вести себя так, будто он мой парень, пока он не станет моим.

Если он вообще захочет.

Дело в том, что все, что мы делаем сегодня, предназначено для него, и теперь это может сорвать весь наш вечер. Я пытался позвонить ему пару раз, но он не отвечает. Он даже не переходит на голосовую почту, что, по крайней мере, могло бы означать, что он в метро. Я звоню снова, потому что чувствую себя глупо, ожидая его вот так.

«Lo sé, lo sé, lo siento», - говорит Марио, задыхаясь. «Клянусь, я в пятнадцати минутах езды... максимум в двадцати».

«Двадцать минут? Что случилось?»

«Мне пришлось остановить братьев, чтобы они не поубивали друг друга из-за нашей PlayStation, но сейчас я в Lyft, наверстываю упущенное время! Я упаковал дядины вещи и отправлю их на почту на Лексингтон. А оттуда я смогу сразу же отправиться к парикмахеру, пока Франциско не отменил встречу».

«Да, мы не можем допустить, чтобы ты ходил без стрижки».

«Я не могу укладывать волосы в пучок, как Дилан».

Я уверен, что Марио может сделать любую прическу. «Хорошо, но чем позже ты придешь, тем позже мы попадем на наш фильм».

«Он идет по Netflix», - говорит Марио.

«Да, но мои родители вернутся домой к восьми. Так что все будет на Netflix».

Никакой прохлады».

«А может, никакого Netflix и сплошной холод», - шепчет Марио, словно не хочет, чтобы водитель услышал.

Мне нужно прервать этот разговор, потому что я не могу так идти.

«Андале, Колон».

«Lo tienes, Alejo. Встретимся на посту».

Я набираю в телефоне маршрут и иду к нему. Вся моя жизнь в Нью-Йорке, а я до сих пор не знаю город так, как другие ветераны. Я ведь никуда не еду, так что у меня есть все время, чтобы освоить сеть. Хотя с Марио мне бы не пришлось об этом беспокоиться. Он как мой личный GPS, и мы всегда шутим, что у меня не будет ни единого шанса в любом апокалипсисе. Посмотрим, как я справлюсь, когда он уедет на выходные в Лос-Анджелес.

Дядя Марио переехал в Лос-Анджелес несколько лет назад и открыл продюсерскую компанию. Close Call Entertainment специализируется на прыжковых ужасах, жутких научных фильмах и триллерах о конце света. Любимым жанром Марио всегда был саспенс - возможно, мне следует читать между строк, - и я знаю, что он с нетерпением ждет возможности провести еще немного времени со своим дядей, который всегда чувствовал себя для него как второй отец и жаждет показать Марио канаты телевизионной стороны дела.

Я поворачиваю за угол, и время словно замедляется, когда я вижу впереди здание.

Это тот самый офис, где я впервые встретил Артура.

Меня забрасывает в воспоминания в то время, когда я пытаюсь идти новыми путями. Но Марио нанес на карту все эти пункты назначения - реальные, а не метафорические. Не могу поверить, что из всех постов в этом районе он случайно выбрал именно этот. И просто невероятно, насколько сильно Вселенная настроена на то, чтобы Нью-Йорк стал для меня еще более родным. Я стою на улице, сердце колотится так, словно это дом с привидениями. Но через минуту или около того меня охватывает жара.

Бен, который заходит внутрь, даже не похож на меня. Это Бен от третьего лица, который вошел сюда два лета назад с коробкой для расставания и встретил человека, который станет его следующим парнем. Я словно вижу, как прошлый Бен проходит через почтовое отделение с прошлым Артуром прямо за его спиной, только что закончившим разговор о близнецах в комбинезонах, которых они видели перед входом в здание. Потом прошлый Артур называет коробку прошлого Бена «большой посылкой», а прошлый Бен замечает у прошлого Артура галстук для хот-дога. И они разговаривают о Вселенной, пока их не разделяет толпа пепла.

Прошло почти два года, и я - это я, одиноко стоящий на почте в ожидании другого мальчика. Должно быть, Артуру было гораздо легче забыть меня. Он вернулся домой в Джорджию, а затем поступил в школу в Коннектикуте - два места, где я никогда не был. А я тем временем должен был делать вид, что не замечаю следов Артура по всему городу, по которому мы гуляли вместе. Не могу сказать, сколько раз за последние несколько месяцев я специально избегал Dave & Buster's на Таймс-сквер. Я не в настроении смотреть на туристов, кишащих в музее мадам Тюссо и «Макдоналдсе», но именно в этом игровом зале у нас с Артуром было первое из многих первых свиданий.

Я не жалею о тех свиданиях. Но мне не всегда нравится думать о них.

Я не понимаю, почему мне трудно доверять людям. Насколько я знаю, Марио тоже оберегает свои чувства. И если бы он выложил все на стол, я бы все равно не знал, что чувствовать. Артур был открытой книгой с большим сердцем, у которой не было счастливого конца. Если кто-то говорит, что любит тебя, это не значит, что он никогда не скажет этого кому-то еще. Мы с Артуром должны были понимать это лучше всех, ведь у меня больше опыта в знакомствах.

Все в порядке.

Я работаю над развитием своего характера. Я не спешил заводить отношения и даже не пытался насильно вернуть Хадсона только потому, что он был мне знаком, а я был одинок. Я жил в своем одиночестве, и мне стало некомфортно, и теперь я должен убедиться, что не пущу развитие своего характера на самотек из-за того, что слишком нуждаюсь в Марио. Я не хочу больше никогда не спать из-за разбитого сердца.

Я иду ждать у стойки с почтовыми квитанциями, прямо под кондиционером. Я хватаю ручку, прикованную резинкой, словно она совершила какое-то преступление, и начинаю рисовать на обратной стороне чьей-то брошенной квитанции. В последнее время я все чаще мечтаю о том, как будет выглядеть обложка книги «Война злых волшебников». Рисунок Саманты, сделанный пару лет назад, отлично подошел для Wattpad, но я не думаю, что он больше подойдет для книги. В прошлый понедельник я провел день в книжном магазине Strand с Марио, мы изучили разные обложки и обнаружили, что у нас совершенно противоположные вкусы. Мы играли в игру, где наугад выбирали десять книг, записывали в приложениях на телефонах, нравится ли нам обложка или нет, и не было ни одной, с которой бы мы согласились. Честно говоря, я не знаю, хотел ли я другого результата, потому что чем больше мы расходились во мнениях, тем смешнее и смешнее становилось.

Это то, что мне очень нравится в нас - у нас могут быть разные вкусы, и при этом мы можем быть интересны друг другу.

Мой телефон вибрирует. Это либо Марио с новостями, либо Дилан прислал очередной случайный TikTok о людях, вытирающих свои прыщи.

Но это ни то, ни другое.

Это Артур.

Я кручусь на месте, словно собираюсь найти его в почтовом отделении. Это его первое сообщение с апреля, когда он поздравил меня с днем рождения. Первое сообщение с тех пор, как он приехал в Нью-Йорк.

Привет, слышал, ты столкнулся с Джесси :)

Это короткое сообщение, что меня беспокоит. Я хочу большего. Неужели ему понадобился целый день, чтобы написать это? У него что, похмелье от печенья с Майки?

Может, они просто прохлаждались. Давайте назовем это так, как есть - возможно, Артур и Майки занимались сексом. Представить своего бывшего с кем-то другим очень сложно. Это одна из тех вещей, о которых вы не хотите думать, но мыслям все равно, чего вы хотите. Особенно сложно не думать о таких вещах, когда вы пишете книгу с персонажем, вдохновленным этим человеком.

Есть шанс исправить ситуацию, ведь я так и не написал Артуру ответное сообщение после того, как он поздравил меня с днем рождения. Мне бы хотелось, чтобы он сам сказал мне, что приедет в Нью-Йорк, но, возможно, он понял намек, когда я так и не ответил ему. Но теперь он сам протягивает руку помощи, так что теперь моя очередь.

Я фотографирую столб и отправляю Артуру два сообщения.

Счастливая, Вселенная?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АРТУР

Понедельник, 18 мая

Джесси выходит из примерочной в костюме в елочку, сшитом для тех, кто на полфута выше.

«Круто, я выгляжу как три ребенка в плаще», - говорит она.

Я смеюсь. «А ты нет».

Она смотрит на меня скептически.

«Во-первых, это блейзер, а не тренч».

Джесси надувает щеки и шумно выдыхает, и я мгновенно ощущаю боль тысячи парней из пригородных торговых центров. «Что же мне делать? Я не могу появиться в юридической фирме в таком виде».

«Ты же знаешь, что тебе не обязательно надевать костюмы, верно? Просто ходи в деловой одежде».

Она с отчаянием смотрит в зеркало. «Что это вообще значит?»

«Деловой повседневный? Ну, не знаю, типа блузки или рубашки на пуговицах. Что-то в этом роде. Просто оденься как Меган Маркл в *Костюмы*».

«Так ты говоришь, что *мне нужен* костюм?» Джесси выглядит озадаченной.

«Нет-да, нет, просто шоу так называется. У Меган вполне деловой стиль. Знаете что? Давай я открою свою доску Меган...

«Почему у тебя есть доска Меган Маркл в Pinterest?»

«Потому что она мой близнец по дате рождения. Ты же знаешь». Я встаю, доставая телефон из заднего кармана. Но я останавливаюсь как вкопанный, как только вижу экран.

Два уведомления. Два сообщения. *Сообщения от...*

«Джесс». Мой голос задыхается. «Бен написал ответ».

Джесси выхватывает телефон у меня из рук. «Ты написал ему? Когда?»

«Когда ты была в раздевалке. *Ничего особенного*».

«Ты собираешься рассказать Майки?» - спрашивает она.

«Уже сказал».

«Ты сказал Майки, что написала Бену?»

«Да! Иди проверь, если хочешь».

Джесси прищуривает глаза, как будто ищет подвох.

«Все в порядке! Почему ты буквально не веришь в мои отношения?»

«Что?» Она делает паузу, пораженная. «Неправда. Я просто думаю, что тебе стоит быть

осторожнее. Я не хочу, чтобы ты сделал что-то, о чем потом будешь жалеть».

«Джесси, я не собираюсь обманывать. *Это совершенно не так...*»

«Я знаю! Но, Артур, измена - *это не единственное*, что может испортить отношения, понимаешь? Вот. «Она возвращает мне телефон. «Просто возьми его. Но используй его ответственно, хорошо?»»

«Значит, я должен удалить ядерные коды из приложения „Заметки“?»

«Только не разрушай свои отношения с Майки. Он мне даже нравится».

Я улыбаюсь. «Мне тоже».

Сейчас я думаю о том, как Майки удивил меня этим утром, прислав видео, где они с Мией поют «New York State of Mind» - самое милое, что когда-либо случилось в истории музыки. Я включил эту песню Джесси за завтраком, и половина круассана выпала у нее изо рта, когда Майки ударил по клавише A4 во втором куплете. Это был первый раз, когда она услышала его голос не только в качестве вокалиста группы. Просто Майки всегда стеснялся играть соло. Но, блядь, посмотрите на него сейчас. Я никем так не гордился с тех пор... ну с тех пор, как Бен выложил свою последнюю главу на Wattpad.

Бен.

Как только Джесси возвращается в гримерку, я просматриваю свои сообщения.

Определенно, это знак от Вселенной! И, кстати, о том самом моменте, угадайте, где я сейчас нахожусь, то второе сообщение Бена - это фотография. И мой мозг полностью отключается.

«Вот дерьмо».

«О-о-о. Что?» Джесси выглядывает из-за занавески примерочной.

«Бен на почте».

«Хорошо.»

«Джесси, *почта*. Это...»

«Это там, где вы встретились. Я знаю эту легенду».

«Нет, я имею в виду, что это в двух кварталах отсюда. Бен Алехо *в двух кварталах отсюда*».

Глаза Джесси расширились. «О.»

Я прижимаю телефон к груди, лишь наполовину осознавая, что делаю это. Мое сердце колотится так сильно, что, клянусь, экран может треснуть.

«Может, пойдем поздороваемся?»

«Ты имеешь в виду, не устроить ли нам засаду на твоего бывшего парня?»

«Это не засада!» Я смеюсь, но у меня перехватывает дыхание. «Я просто думаю, что было бы здорово увидеть его. Прошло уже два года...»

«Так организуй с ним планы, как нормальный человек».

Но я качаю головой еще до того, как она заговорила. «Ты не понимаешь, как мы с Беном работаем. Джесс, это игра вселенной. Бен сам так сказал!»

«Да, но...»

«И это *не засада*. Это сюрприз!»

Я имею в виду, когда Дилан был в больнице, я перерыл половину Манхэттена, чтобы быть там. И Бен было чертовски хорошо с этой засадой. Не думаю, что когда-нибудь забуду выражение его лица, когда он увидел меня в приемной.

Джесси поджимает губы. «Артур, я...»

«Ладно, знаешь, на кого ты похож?»

«На кого?»

«Ты говоришь, как перед Новым годом! *Артур, что ты делаешь? Ты черт возьми, где? Разве ты не можешь просто поговорить с ним, когда вернешься в школу?*»

«Ну, я рада, что в тот раз все получилось!» говорит Джесси. «Но ты не можешь притворяться, что это не было рискованно. Появиться в доме родителей Майки? А если бы они уехали куда-нибудь на выходные?»

«Это был вторник...»

«Дело не в этом. Просто потому, что в прошлый раз тебе повезло...»

«Повезло?» Я зашипел. «Отдай мне должное, пожалуйста. Это был грандиозный жест на пять с плюсом!»

«Так, может, не будем делать грандиозный жест для твоего бывшего парня?»

«Джесси!» Я нажимаю на лоб. «Ты хочешь, чтобы у меня был сопровождающий? Пойдем со мной!»

«Я не говорила, что тебе нужен сопровождающий». Джесси задерживает занавеску гримерки и смотрит на меня, кажется, целый час. Потом она вздыхает. «Ладно, слушай. Иди на почту. У меня здесь есть еще несколько вещей, которые нужно примерить, а потом я пойду посмотрю, какие еще магазины есть в этом квартале. Только напиши мне, когда будешь возвращаться сюда, хорошо?»

«Тебе не обязательно это делать. Я могу подождать тебя...»

«Артур. Иди!»

«Но...»

«Сейчас. Или ты будешь скучать по нему».

«Точно. Хорошо.» Я быстро киваю и выдыхаю.

И с этим я срываюсь с места и бегу. Я знаю дорогу туда наизусть.

Все здесь так, как я и запомнил: белый камень, зеленая отделка и надпись *UNITED STATES POST OFFICE* большими буквами. А эти стеклянные двойные двери - я наполовину уверен, что, пройдя через них, я перенесусь прямо в то лето. В шестнадцать лет, в моем нелепом галстуке, ошеломленного этим мальчиком, *его лицом* и большой картонной коробкой.

Благодаря встрече с Беном ряды почтовых ящиков стали похожи на золотые кирпичи. Флуоресцентные лампы превратились в солнечный свет. Бен просто умел так увеличить весь мир. В тот день я даже не узнал его имени, не узнал его номера, не знал, где его искать. Но все равно было ощущение, что Нью-Йорк наконец-то открылся для меня.

Забавно вспоминать об этом сейчас, зная все, что было дальше. Я чувствую себя путешественником во времени, заглянувшим сюда из будущего.

Конечно же, мое сердце решило, что мне снова шестнадцать. Оно бьется так быстро, что я его слышу. Теперь, когда я здесь, я с трудом могу осознать все это. *Бен*. Мои ноги слабые и слабые, почти не держат. Я хватаюсь за ручку двери, и вдруг меня сносит по пандусу в сторону вестибюля.

Навстречу Бену. Впервые за почти два года.

Все так сумбурно и странно. Я и не знал, что все еще могу испытывать *подобные* чувства. И тут я вижу его, прислонившегося к киоску самообслуживания, с пустыми руками и бесцельным взглядом. Ни коробок, ни упаковочных листов, ни даже книжки с марками. Но он выглядит совершенно по-домашнему. Думаю, он всегда так выглядит. Его волосы немного отросли, а его королевские синие брюки смелее, чем все, в чем я его когда-либо видел. Но в основном меня просто завораживает его профиль и то, как его волосы закручиваются вокруг ушей. То, что я знал, но забыл. Забавно, что время всегда стирает детали.

Он поворачивается ко мне и заметно вздрагивает. «Артур?»

Мое сердце подпрыгивает в горле. «Прости. Я... я просто... Когда ты написал сообщение, мы были... мы были прямо там. В двух кварталах отсюда. Прости». Я бесполезно размахиваю руками.

«Как ты?»

Бен смеется. «Я в порядке. Ни хрена себе. Артур».

И в следующее мгновение я понимаю, что он обнимает меня, а я обнимаю его в ответ, и это так же знакомо, как дыхание. Как он пахнет, как соприкасаются носки наших кроссовок, как я касаюсь его подбородка. Может быть, все эти два года были сном. Может, я все это время был здесь, в объятиях Бена. Может, я никогда и не уходил.

Мне хочется разрыдаться. Мне хочется...

Майки. У меня есть Майки. Так что я не могу... не могу этого чувствовать. И я не чувствую. Потому что нет этого, *чтобы чувствовать*. И мой мозг уже знает это. Просто нужно, чтобы легкие догнали.

Бен распутывает руки и изучает мое лицо, а я смотрю в ответ. Ничего не могу с собой поделать. «*Я скучал по тебе*», - пролепетал я.

Бен снова обнимает меня. «Я тоже. Извини, что меня не было...»

«Нет, это моя вина», - говорю я. «Я был немного поглощен учебой. Школа, знаешь ли».

«И Майки! Как у тебя с ним дела?»

Вау, хорошо. Прыгаю прямо в бойфренда Стью. Но это же здорово! Просто пара старых друзей обсуждает нашу личную жизнь. Может быть, на этот раз мы даже пропустим ту часть, где мы три месяца будем друг друга преследовать.

Бен выжидающе смотрит на меня, и мои щеки становятся теплыми. «Да! Майки! Он хорош». Я не могу понять, увеличились ли веснушки Бена. Может, я просто привык видеть только те, которые видны на фотографиях.

«Это действительно здорово».

«Как дела? Как школа?»

«Нормально. В смысле, я много пишу. Но не для школы. Просто волшебник». Он пренебрежительно машет рукой.

«Просто волшебник? Ты же знаешь, что разговариваешь с человеком, который трижды читал *«Войну злых волшебников»*, верно?»

«Правда?»

«Бен, я буквально читал чужие фанфики по *Войне Волшебников*».

«У меня есть... фанфик?»

«Конечно, есть». Я краснею, вспоминая историю, которую я обнаружил прошлой осенью, о том, как Бенджамин и король Артуро оказались заперты вместе в подземелье. Сюжет был не очень напряженным, но проза была очень описательной.

Я прочищаю горло, не обращая внимания на жар в щеках. «Так почему ты взял *Войну злых волшебников* с Wattpad?»

«О. Я имею в виду, что пересматриваю ее. Добавляю кое-что», - неопределенно говорит он.

«Дай мне знать, если тебе понадобится кто-нибудь, чтобы посмотреть на твоё новое произведение!»

Вау, мне нравится, как круто я играю. Мне нравится, что я не веду себя как явный гребаный

фанбой по отношению к своему бывшему парню. Эй, может, я стану первым в мире человеком, вступившим в отношения со знаменитостью, с которой у меня буквально был секс.

«Спасибо, это много значит. Серьезно». Он изучает меня с минуту, улыбаясь.»

«О! Подожди, ты не поверишь, с кем я столкнулся в Центральном парке...»

«Пожалуйста, скажи, что это были близнецы».

«Нет!» Он смеется. «Ух ты, хорошая догадка. Но нет. Итак, я гуляю с друзьями, и мы натываемся на эту свадьбу, так? И когда я подхожу ближе, я понимаю, без шуток, что это пара из предложения пепельной мафии».

«Заткнись..»

«На полном серьезе». Он потирает щеку и ухмыляется. «Я подумал, откуда я их знаю, откуда я их знаю... О ЧЕРТ».

«Вселенная! Когда это было?».

«Суббота! Только что произошло. Я снял видео - давно собирался тебе его отправить». Бен отходит к киоску самообслуживания, чтобы пропустить чернокожую женщину в коляске Baby Bjorn, а я иду рядом с ним, и в моем мозгу загорается огонек. *Суббота*. В этот день Бену понравилась моя фотография.

Ностальгия, наверное?

А может, это просто Вселенная напомнила ему о моем существовании.

Я изучаю его лицо. Теперь он рассказывает о том, как подружки невесты надели брюки и как Дилан высказал свое мнение об уличном торговце, а я продолжаю кивать, но мои мысли далеко отсюда. Как Бен мог появиться с таким лицом? Это довольно грубо, если честно. Да, Бен, мы все знаем, что ты великолепен. Тебе не обязательно морочить людям голову этим.

А может, это только мне кажется. Я даже не знаю, действует ли он так на большинство людей, но что-то в лице Бена Алехо заставляет мой мозг загораться. Просто заставляет, и я никогда этого не понимал. Честно говоря, поначалу с Майки Стью было сложнее, потому что с ним все происходило не так быстро. Я имею в виду, что уже давно заметил Майки. Я часто видел его в кампусе - этого миловидного мальчика в дедушкиных очках и со светлыми волосами цвета Эльзы. Но это не было ситуацией, когда внутри все замирает. И, наверное, это заставило меня задуматься, было ли мое влечение к Майки настоящим.

Я пытался собрать доказательства этого. Весь осенний семестр я изучал рот Майки, его линию челюсти, его темные светлые брови и ресницы. То, как он распечатывал все свои материалы для занятий и выделял почти каждую строчку. Иногда он казался мне таким неотразимым, но иногда я готова была поклясться, что уговариваю себя. Когда мы целовались, всегда появлялись искры, но после этого я чувствовал странное облегчение. Как

будто я никогда не мог быть уверен, что искры появятся в следующий раз. Помню, я думал, что все встанет на свои места, если я просто попрошу Майки стать моим парнем. Один последний рывок, и я буду уверен. Но если я не был уверен, как я мог попросить его об этом? Я откладывал это на неделю, потом еще на неделю, потом еще на неделю, пока не наступил декабрь. А я все еще не был уверен.

И это уже было своего рода ответом.

Поэтому я расстался с ним, хотя даже само слово «расставание» казалось мне нелепым. Можно ли вообще назвать это разрывом, если изначально это были не совсем отношения? Несмотря на то, что Майки был совершенно спокоен, когда я сказал ему об этом, я проплакал всю ночь. Я чувствовал себя чудовищем.

Но на следующее утро, проснувшись в одиночестве в своей постели, я почувствовал себя... правильно. А следующий день был еще более правильным. Всю ту неделю я ходил по кампусу с таким чувством, будто только что сошел со слишком быстрой беговой дорожки. У меня был дискомфорт и головокружение, но в то же время какое-то блаженство.

А потом наступили зимние каникулы.

Поначалу все это было странно для моих родителей, особенно для мамы. По сути, никто из них не выпускал меня из виду в течение недели. Мы посетили церемонию зажжения меноры в «Авалоне» и «Фантазию в огнях» в садах Каллауэй, и они оба все это время настороженно наблюдали за мной, словно в любой момент я мог вспомнить, что я рухну в большой беспорядочный срыв по спирали мрака.

Но это не было похоже на мой разрыв с Беном. Во-первых, я был на полтора года старше и мудрее. «К тому же, - напомнил я маме, когда она въехала на парковку торгового центра North Point, - на этот раз не меня бросили».

Мама поставила машину на стоянку и странно посмотрела на меня. «В прошлый раз тебя тоже не бросили».

Конечно, она была права. Мой разрыв с Беном был абсолютно взаимным. Технически, словесно, на бумаге и при любом другом раскладе.

Не знаю, почему мне всегда казалось, что Бен меня бросил.

Дело в том, что Майки был другим. По большей части я чувствовал себя спокойно. Может быть, мое сердце слегка подрагивало каждый раз, когда я прокручивал его имя в своих сообщениях, но это не значит, что я хандрил или тосковал. Иногда я даже мог часами не думать о нем.

До кануна Рождества.

Клянусь, меня осенило ни с того ни с сего. Мои родители в двадцатимиллиардный раз смотрели *«Один дома»*, а я листал TikTok и переписывался с Итаном. Но потом Маколей Калкин вошел в церковь. Кажется, я на секунду перестал дышать. Это было похоже на то, как будто рушится наковальня из мультфильма.

Хор запел «Святую ночь».

И вдруг все, о чем я мог думать - это та октябрьская ночь, когда мой друг Муса уговорил нас проснуться до рассвета, чтобы понаблюдать за метеоритным дождем. Не буду врать - сначала я был очень недоволен этим. Я проснулся только наполовину, было чертовски холодно, и я не очень понимал, в чем смысл метеоров.

Но потом мы добрались до холма Фосс, и в моей голове что-то переключилось. Многие люди лежали на одеялах, накрывшись сверху дополнительными одеялами, как на самой большой в мире ночевке. И было очень приятно устроиться рядом с Майки, смотреть на небо и держаться за руки под одеялом. Он рассказал мне о своей племяннице, о том, каково это - иметь гораздо более старших братьев и сестер, и о том, как ему было одиноко, когда все они уехали в колледж. За месяц или около того, что мы были знакомы, я никогда не слышал, чтобы он говорил так много и сразу. Впервые я заметил его слабый акцент, привкус в голосе на коротком звуке «о». Мне хотелось целовать его каждый раз, когда он говорил «Бостон».

Он говорил о Рождестве и о том, как сильно он его любит, и о том, как он пел в церковном хоре. Он ненавидел, когда они исполняли «Радость миру», потому что она была слишком мелодически простой, но «Святая ночь» была его любимой. И я рассказал ему, как мы пели эту песню в школьном хоре, и мне нравилось, когда ноты в конце становились очень высокими, но мне всегда приходилось произносить слово «Христос», а не петь его, потому что я не хотел, чтобы Бог подумал, что я плохой еврей.

Майки повернулся ко мне лицом, когда я это сказал. «Плохой еврей?»
«За то, что изменил ему с Иисусом».

Я надеялся, что Майки рассмеется, но он не рассмеялся. Он просто смотрел на меня, полуулыбаясь, как будто начинал понимать, что мой мозг - это одно большое яйцо с сюрпризом, полное загадочных странностей, и, возможно, это не так уж и плохо. Я пытался запомнить черты его лица в свете звезд. К тому моменту мы уже несколько раз целовались, но что-то в этом моменте казалось глубже, чем просто поцелуй.

И вот спустя два месяца я лежал на диване между родителями и думал:
«О, черт возьми!»
Я скучал по нему.

Именно поэтому через неделю я оказался в Бостоне, умоляя Майки о повторном свидании. Чтобы на этот раз у меня все получилось. Быть настоящими, реальными парнями. Майки МакКован, мой настоящий, настоящий парень. Поэтому Бен Алехо может отправить

свои глаза, веснушки и чертовски милые ярко-синие штаны обратно во вселенную. Вернуть отправителю.

«И самое странное, - говорит Бен, - что я даже не знал, что ты будешь здесь, буквально до того дня. Не знаю, как я это пропустил».

«Это... да, это недавно. Вроде как неожиданная работа».

«Ну, я рад, что ты вернулся», - говорит он, улыбаясь мне так ласково, что я краснею.

«Да, я тоже».

Бен начинает говорить, но тут его взгляд переходит на глаза, рот захлопывается, и из ниоткуда появляется темноволосый мальчик. Он бросает две коробки на землю рядом с Беном. «Прости, прости! Не злись. Я здесь!»

Он игриво хватается Бена за обе щеки и быстро целует его в губы.

Каждая молекула воздуха покидает мои легкие.

«Привет!» - говорит мальчик, протягивая руку. «Марио».

Марио. У меня голова идет кругом. Марио? Я никогда не слышал, чтобы Бен хотя бы упоминал имя Марио, когда он не говорил о Nintendo. И я никогда не видел этого парня в своей жизни. Его нет ни на одной из фотографий Бена в Instagram. Поверьте, я бы это запомнил, особенно если бы парень выглядел вот так.

Потому что этот парень чертовски милый. Или горячий. Наверное, «горячий» - правильное слово. У него большие орехово-карие глаза, лицо кинозвезды и широкая улыбка, а одет он в полу застегнутый комбинезон поверх майки, словно только что забрел в чей-то курятник на заднем дворе в Бруклине. А еще у него очень красивые руки. Не то чтобы они были как у культуриста, но выглядят так, будто он побывал в спортзале. И он как минимум на полфута выше меня. И...

Я с ужасом понимаю, что должен пожать ему руку. «Привет! Артур. То есть, я Артур». Я моргаю.

«Подожди. Артур как *Артур*?»

Так, значит, новый парень Бена знает обо мне, что просто... так забавно. Даже уморительно. Марио знает меня по имени, а я даже не подозревала о его существовании.

Бен неловко улыбается и пожимает плечами, а у Марио загорается все лицо. «Не может быть!» Он крепко обнимает меня и целует в щеку. «Так приятно с тобой познакомиться. Ни хрена себе. Ты здесь в поездке, или на лето, или как?»

«На лето», - говорю я. За Марио. Для парня Бена. Потому что у Бена есть парень. «У меня стажировка у одного режиссера-педика и драматурга, Джейкоба Д...»

«Джейкоба Демски?»

«Ты знаешь Джейкоба Демски?»

«Чувак, Джей Ди - легенда. Ты серьезно на него работаешь?» Марио сцепил руки вместе.

«Артур, поздравляю! Это безумие».

«Спасибо! Я... да. Я взволнован». Уголкем глаза я замечаю, как Бен нервно оглядывается туда-сюда между мной и Марио, словно мы — кроссоверная серия, о которой он никогда не просил.

«Извини, тебе нужно отправить письмо. Я не хочу тебя задерживать», - говорю я, неопределенным жестом указывая на коробки у ног Бена. «В любом случае, мне пора бежать. Я встречаюсь со своим другом...»

«Нет, ты молодец! Я просто так рад, что наконец-то встретил тебя». Марио снова обнимает меня.

«Серьезно, не будь чужаком. Мы должны как-нибудь пообщаться».

Он улыбается, и это так искренне, что почти застает меня врасплох.

«Хорошо». Я оглядываюсь на Бена, который выглядит таким же ошеломленным, как и я.

«Хорошо, да. Звучит здорово».

Только я, Бен и его парень. Потому что у Бена есть парень. И это *абсолютно* охуенно, потому что у меня он тоже есть.

У меня есть парень. У меня есть Майки. И еще до того, как я выхожу из офиса, мой телефон начинает набирать его номер.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БЕН

Понедельник, 18 мая

Последний раз я наблюдал за тем, как Артур уходит, два лета назад.

Я снова и снова переживаю ту глубокую неуверенность в своей груди. Тогда я не был уверен, кем мы будем после расставания, и я не уверен, кем мы должны быть сейчас, когда он вернулся в город со своим новым парнем. СМС с фотографией post о себе не должно было стать для него приглашением сделать мне сюрприз, но я не могу его винить. Я послал верующему во вселенную человеку фотографию места нашей встречи. Я практически призвал его сюда, как заклинание вызова в моей книге.

«Бывший вернулся. Он очень, очень милый», - говорит Марио с улыбкой. «Как дела?»

«Что ты имеешь в виду? Я ничего».

Возможно, я немного защищаюсь. Но я не хочу, чтобы он сходил с ума от того, что я схожу с ума внутри и надеюсь, что он не сможет этого понять.

«Я верю тебе, Алехо. Я просто знаю, что это странно - видеть бывших в первый раз».

Странно - это мягко сказано. «Ты когда-нибудь раньше сталкивался с бывшими?» спрашиваю я.

Марио никогда не рассказывал о своих свиданиях. Я это вполне уважал, хотя мне было очень любопытно.

«Абсолютно», - говорит Марио, когда мы выходим на линию. «Я столкнулся с Луи возле кинотеатра и...»

«Луи?»

«Мой первый парень».

Первый парень подразумевает, что есть и второй. А может, и больше. Но сейчас меня волнует не это.

«Пожалуйста, скажи мне, что его имя сокращенно от Луиджи».

Дилану эта деталь понравится больше, чем Саманта. Марио смеется и качает головой. «Мне жаль Алехо».

Дилан возненавидит это больше, чем кофе без кофеина. Может быть, даже больше, чем Патрика.

«Что случилось, когда ты столкнулся с Не-Луиджи?»

Марио ухмыляется, словно переносится в тот момент. «Я был так рад его видеть, но только как друга. Помогло то, что нам было всего по семнадцать, когда мы встречались, и это длилось всего два месяца. Ничего серьезного».

«Ничего серьезного? Нам с Артуром было по семнадцать, когда мы встречались. Это было даже не два месяца, но я бы точно сказал, что это было серьезно. Не то чтобы мне нужно было оправдываться за то, что-то лето было для меня всем. Как после нашего общения я жалел, что не могу перепрыгнуть через экран телефона вовремя FaceTime с Артуром и спать рядом с ним в его кровати. Как я жалел, что его семья не переехала в Нью-Йорк насовсем.

Уверен, мы бы до сих пор были вместе, если бы я не был так далек от мира сего.

Но это уже не важно.

Смотри на приз, Алехо.

«Артур кажется очень крутым», - говорит Марио.
«Так и есть».

Артур действительно казался крутым, но тот Артур, которого я знал, не отличался невозмутимостью. Возможно, он немного замкнулся в себе. Но разве тот, кто замкнут, стал бы спешить удивить своего бывшего парня? Я не знаю. Я действительно не знаю, кто такой Артур Сьюз в наши дни.

Я пытался оставаться на связи, пытался. Но говорить о Майки стало слишком тяжело. Я был в таком сложном положении, что должен был поддерживать Артура как хорошего друга, даже когда сам все еще разбирался в своих чувствах к нему. Потом они расстались, и это дало мне надежду, что дверь для нас не совсем закрыта. Но с тех пор, как они снова вместе, что между нами не та великая история любви, какой я ее себе представлял.

Открывается окошко кассира, и я помогаю Марио выгрузить коробки, после чего отхожу в сторону, чтобы он мог заняться своими делами. Я оглядываю почтовое отделение, гадая, что же произойдет в фильме. Еще одно предложение пепельной мафии?

И тут меня осенило. То, что произошло в фильме, уже случилось.

Мой бывший парень столкнулся со мной и моим потенциальным следующим парнем.

Марио очаровывает меня до конца сделки, и мы выходим на улицу. Он стучит по пустой тележке. «Твоя колесница ждет, Алехо».

«Ни за что. Я буду толкать тебя».

«Нет, нет, нет. Я сам.»

«Ты что, такой странный мачо?»

Марио обходит тележку и кладет руку мне на плечо. «Погоди, Бенджамин Уго Алехо. Кто научил тебя «мачо»? У тебя есть другой репетитор по испанскому?»

«Э-э, „мачо“ - это и английское слово тоже».

«Конечно, но ты произнес его своим испанским голосом. Не думайте, что я не вижу разницы».

Не знаю, сможет ли он отличить. Но я точно знаю, когда голос Марио переходит от дружелюбного к раздраженному. Мое лицо покрывается испариной, а по рукам бегут мурашки, и мне всегда требуется несколько секунд, чтобы подобрать следующие слова.

«У меня вопрос.»

Я смотрю в его ореховые глаза, а мое сердце бешено стучит. От всех этих вопросов. Может, он хочет спросить, может ли он быть моим парнем?

«Да?»

«Как ты думаешь, общение с Артуром сделает все менее странным? Может, даже встретиться с его парнем? Я замолчу, если для тебя это слишком».

То есть он не просит стать моим парнем. Он указывает на то, как странно я себя веду с тех пор, как столкнулся со своим бывшим.

Марио убирает руку с моего плеча и отводит взгляд. «Не бери в голову. Я затыкаюсь с этого момента».

«Пожалуйста, не затыкайся», - говорю я. «Тусовка с Артуром и Майки может пойти мне на пользу».

«Если тебе нужна поддержка, я могу пойти с тобой. Может, в пятницу, прежде чем я уеду в субботу?»

«Да. Это было бы весело».

Перевод: двойное свидание.

«Есть шанс, что ты уже познакомился с новым парнем своей бывшей?» спрашиваю я.

Марио улыбается и обнимает меня. «Боюсь, я еще не перешел эту дорогу, Алехо».

Я упираюсь подбородком в его плечо, вдыхая его шампунь и не желая двигаться. Я отстраняюсь от него, и мы снова смотрим друг другу в глаза, улыбаясь. Обычно мне не удается завязать с Марио разговор, потому что я не хочу рисковать отказом, но я так благодарен ему за сострадание, что меня как магнитом тянет к нему. Я целую его и задерживаюсь на его губах достаточно долго, чтобы он понял, что я не пытаюсь прослыть другом.

Я нервничаю, когда мы перестаем целоваться, желая жить в том пространстве, где мы замкнуты друг на друге.

«Otra vez», - говорит Марио.

Я ищу в уме перевод. «У меня ничего нет».

«Опять», - говорит Марио.

Я целую Марио - otra vez!

«Твоя колесница все еще ждет», - говорит Марио.

Я вхожу в повозку, прижимая колени к металлу. Это совершенно неудобно, особенно когда Марио переходит на спринтерский бег. Мы смеемся, и я уверен, что сейчас мы перевернемся и разобьем лица о тротуар, но Марио осторожен со мной. Как только он останавливается, чтобы перевести дух, я пишу Артуру сообщение.

Привет, рад был с тобой «столкнуться». Не хочешь потусоваться со мной и Марио в пятницу вечером?

Я нажимаю «отправить», не пытаюсь тратить вечность на сообщение Артуру. Я хочу насладиться каждой минутой, проведенной с Марио.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

АРТУР

Вторник, 19 мая

«Майки Маус, почему я не сплю?» Сейчас едва ли шесть утра, но, конечно же, мой парень - ранняя пташка, это лучик солнца, только что принявший душ.

Он сидит на изножье своей кровати и улыбается. «Ты вообще спал?»

«Моя фронтальная камера говорит, что нет», - отвечаю я, придвигаясь ближе. «Хотя складки моей подушки говорят, что да? Уф...» Я останавливаюсь. «Вау, ладно, твой экран только что сделал большой убийственный крен в сторону видеокамеры. Ты...»

«Убитый?» Он снова появляется в кадре. «Нет, я надевал носок».

Он такой милый, что это почти невыносимо. Иногда это просто поражает меня ни с того ни с сего. Майки, который когда-то написал пятнадцатистраничное эссе об американской опере времен холодной войны, но не может одновременно держать телефон и надевать носок.

«Так, мне нужен совет по поводу первого рабочего дня. Я склоняюсь к костюму и галстуку...»

Майки поднимает брови. «Чед из корпорации, это ты?»

«Тише. Я просто говорю о первом рабочем дне. Первое впечатление. Я думаю...»

«Джереми Джордан – Супергёрл», - говорит он вместе со мной, и я смеюсь.

«Точно». Я делаю паузу. «И ты уверен...»

«Это не сделает тебя похожим на начинающего налогового бухгалтера».

Я сдерживаю улыбку. «Ты думаешь, что теперь можешь читать мои мысли?»

«Я ошибаюсь?»

От его невозмутимого выражения лица у меня внутри все сжимается. Может, дело в том, что раньше Майки никогда не дразнил меня. Теперь он самый мягкий в мире говорун, и я, честно говоря, не могу насытиться этим.

«Так что у нас сегодня на повестке дня в лагере?» спрашиваю я. «Ныряние с аквалангом? Стрельба из лука?»

«Ты же понимаешь, что эти дети ходят в детский сад?»

«Я нырял с аквалангом в детском саду!»

«Артур, ты буквально боишься рыбы».

«Потому что я получил шрам на всю жизнь от ныряния с аквалангом». Я сделал паузу.

«Подожди, может, это был снорклинг. В любом случае, мне пора одеваться!»

«Позвонишь мне, когда вернешься домой? Не терпится узнать, как все прошло».

«Я расскажу тебе все по минутам. Ты, Майки Маус, будешь знать о Якобе Демски больше, чем его собственный муж».

«Да я уже знаю».

Я смеюсь. «Скучаю по тебе».

«Ты тоже», - мягко говорит он.

Наступает пауза, которая в последнее время случается все чаще и чаще, и я никогда не знаю, что с ней делать. Наверное, это та часть разговора, когда ты должен сказать, что *я тебя люблю*, но мы с Майки до этого еще не дошли. Я не против этого, конечно. Просто мне кажется, что еще рано. Хотя в каком-то смысле эта пауза создает ощущение, что все уже сказано. Как будто это место для «Я люблю тебя», которое уже практически предрешиено.

Мы вешаем трубку, и я перехожу к утренней рутине: душ, зубы, пуговицы на рубашке. И галстук, потому что, в конце концов, я скорее буду Чедом из корпорации, чем мальчиком с бар-мицвы в стиле «casual». По крайней мере, это дает мне шанс продемонстрировать свои навыки по завязыванию галстука, рожденные в результате многочасового просмотра уроков на YouTube, кульминацией которых стали безупречные образы для выпускного бала для меня, Бена и Дилана: мое главное школьное достижение, несомненно. Конечно, теперь у меня остались воспоминания о том, как глаза выпускника Бена загорелись на экране моего телефона в тот момент, когда он сделал последнюю петлю и понял, что у него получилось.

Примерно так же он зажегся, когда увидел меня вчера на почте.

Я зажмуриваю глаза, пытаюсь выкинуть этот образ из головы.

Удивительно, как часто Бен преследует мой мозг в последнее время. Я сижу здесь, занимаюсь своими делами, ухлестываю за своим настоящим парнем, и тут из ниоткуда появляется Бен, причем в миллионе разных обличий. Бены есть на каждой стодолларовой купюре, на каждой открытке Лондона. Даже мэра моего студенческого городка зовут - как же иначе? Он просто *постоянно* рядом, и я не знаю, как ему это удается.

Он как вулкан, который всегда находится на расстоянии землетрясения от извержения.

Иногда я жалею, что у меня нет двадцати бывших парней, просто чтобы знать, нормально ли это.

Странно, что эта работа похожа на первое свидание - я так волнуюсь и нервничаю, так хочу произвести хорошее первое впечатление. Помощник Джейкоба, Тадж, отправил мне смс с указаниями метро два дня назад, и сейчас я думаю, что они уже вытатуированы на моем мозгу. Мне удастся занять место, и это здорово, потому что это означает, что я могу использовать поездку в центр города, чтобы в последний раз заглянуть в свою папку со сценарием - с липкими закладками и лихорадочными аннотациями, хотя Джейкоб *технически* не просил о заметках. Но вот как тяжело приходится ездить, когда это работа твоей мечты. Я открываю титульный лист, и, как всегда, от этих лаконичных заглавных букв «Курьер» заставляют мое сердце биться быстрее.

СЫГРАЙ ЭТО ЕЩЕ РАЗ

Джейкоба Демски

Сама пьеса настолько отличается от того, что я ожидал. Наверное, я ожидал, что это будет уникальный чувственный опыт, сродни тому, на который Майки и Муса водили меня на концерт в Уэслиане. Там танцоры появлялись из огромной утробы из спандекса, а билетеры раздавали им мешки с землей, чтобы они бросали их в определенные моменты. Но это совсем не так. Это просто история - обычная, линейная, почти обезоруживающе милая.

Она о паре лучших друзей-педиков из Нью-Йорка и ребенке, которого они платонически воспитывают вместе. На данный момент я прочитал ее, наверное, не меньше дюжины раз, но если бы я попытался, то не смог бы удержать себя от того, чтобы не погрузиться в нее снова. Но едва я миновал вторую сцену первого акта, как мы добрались до Коламбус Сёркл, моего пересадочного узла. А оттуда всего несколько остановок до репетиционной студии.

К слову: я работаю в репетиционной студии - настоящей, законной, бродвейской репетиционной студии. Нет, это не та культовая десятиэтажка рядом с Таймс-сквер, где вы сталкиваетесь в лифте с актерами «Гамильтона». Но я уверен, что наша студия в любом случае лучше, по целому миллиону причин, начиная с того, что она находится в Ист-Виллидж, он же центр хипстеров. Не думаю, что в одном городском квартале когда-либо было столько крутизны. Тут и пара татуированных парней, говорящих по-испански, и женщина в инвалидном кресле, украшенном вязаной мандалой, и стильный чернокожий мужчина с седыми дредами и многоцветной кофейной кружкой. Удивительно, что у меня до сих пор не выросла борода и помпадур, просто от того, что я дышу этим воздухом.

Я некоторое время расхаживаю возле входа в студию, пытаюсь успокоить нервы. Я еще минут на пятнадцать раньше, достаточно времени, чтобы сделать круг вокруг квартала, если захочу, просто чтобы осмотреть все, что здесь есть. Думаю, я уже недалеко от района Бена. Не то чтобы Бену нужно, чтобы я появился у него на пороге в это, должно быть, очень интимное время для него и Марио.

Это просто забавно, потому что он так много времени говорил о том, как сильно хочет

попробовать быть одиноким. Он твердил, что ему нужно «побыть наедине с собой», и говорил, что не собирается ни с кем встречаться, пока не будет полностью готов. Это была целая история о том, как он предпочитает быть одиноким, а не халтурить только ради отношений. Так что, очевидно, что он на полном серьёзе навязывается Марио. Но, думаю, так и происходит, когда встречаешь парня с такой внешностью.

Но знаете что? У меня есть свой собственный восхитительный парень. Майки МакКован из Бостона, штат Массачусетс, которому совершенно необходимо сфотографировать меня перед репетиционной студией. Разумеется, незаметно, чтобы я не выдал себя в первый же день моей авангардной жизни в Ист-Виллидж.

Я просто направляю телефон вверх на уровне груди- «Хотите, я тебя сфотографирую?».

Я поднимаю глаза и вижу парня с копной темных волос, чистой смуглой кожей и идеально симметричным лицом - лет, наверное, двадцати пяти, кажется, он из Южной Азии. В нем есть что-то странно знакомое, что означает, что он, скорее всего, актер, возможно, даже полузнаменитый. Но больше всего меня поражает его внешний вид. В частности, его галстук и подтяжки. Его цветочный галстук и подтяжки. Чистый, блядь, гений. Откровение.

«С радостью», - говорит он, протягивая мне свой телефон, пока я таращусь на него.

«Улыбнись!»

Я ухмыляюсь как дурак, потому что, видимо, авангардный Артур из Ист-Виллиджа очень восприимчив к командам симпатичных парней в цветочных подтяжках.

«Я напишу тебе смс», - говорит он, уже постукивая по экрану своего телефона. Я молча киваю, ожидая того момента, когда он попросит мой номер. Но вместо этого он просто поднимает глаза и улыбается, а телефон у меня в руке жужжит. Одно новое сообщение, с прикрепленной фотографией, от...

«О, ты Тадж!» Я качаю головой, чувствуя, как жар поднимается по щекам. «Боже. Мне так жаль. Конечно, это так. Твои волосы были...»

«Неудачный эксперимент. Хотя мой напарник считал, что я похож на Джонни Браво».

Он смеется, слегка морщась.

«Ну, я Артур», - пролепетал я, и тут мои щеки снова запылали. «Что ты уже знаешь.

Очевидно.» Я поднимаю телефон в том, что, как я полагаю, является универсальным жестом, *потому что ты только что написал мне, и я настоящий клоун.* «Извини, я просто...»

«Так приятно встретиться с тобой лично», - говорит Тадж. «Может, нам стоит зайти?»

«Да! Потрясающе. И я тоже. Вернемся к тебе».

Вернемся к тебе. Как мне снова заткнуть рот? Тадж придерживает для меня дверь, и я прохожу в холл репетиционной студии «Лафайет», которая выглядит точно так же, как виртуальный тур, который я двенадцать раз проходил в Интернете. Это более старое здание, с бархатистым зеленым ковром и витиеватыми золотыми рамами, но здесь тоже есть большие окна, а в воздухе витает только что вычищенный цитрусовый запах. Тадж направляется к лифту, расположенному в задней части здания, нажимает кнопку и улыбается мне.

«Как ты себя чувствуешь?»

Я вдыхаю. «Хорошо. Не могу поверить, что я здесь. Джейкоб - мой любимый режиссер на земле. Мне кажется, что я сплю».

«Джейкоб замечательный», - говорит Тадж. Двери лифта раздвигаются, и он позволяет мне войти первым. «Шоу тоже замечательное. Я в восторге».

«О Боже, я знаю. Мне так жаль, что я пропустил чтение. В пятницу утром у меня был выпускной экзамен. Я учусь в школе. Колледж. Очевидно. Надеюсь, очевидно?» Я потираю щеку. «Я не знаю, как много Джейкоб рассказал тебе обо мне».

«Ты только что закончил первый курс в Уэслиане, верно? Я закончил Йель два года назад».

«Подожди, правда?» задыхаюсь я. «Моя бабушка живет в Нью-Хейвене!»

Охуенно, Артур. Умеешь упомянуть *свою бабушку* по имени еще до того, как выйдешь из лифта. Всегда выигрышный карьерный ход.

«Очень круто. Нью-Хейвен - это здорово», - говорит Тадж, когда мы поднимаемся на четвертую крышу».

«Хорошо. Ты готов?»

Я киваю и одариваю его крайне невозмутимой улыбкой.

«Серьезно, не напрягайся - все очень милые. Я вас познакомлю».

В студии светлее, чем я ожидал, а высокие потолки и зеркала создают ощущение, что она больше, чем есть на самом деле. Пока что здесь всего несколько человек, которые суетятся вокруг с клипбордами и расставляют стулья. Мой взгляд падает на чернокожего парня с пирсингом в перегородке и футболкой «Права трансов - это права человека», который разговаривает с миниатюрной белой женщиной в стиле ретро-фем и парнем со смуглой кожей и огромными очками в стиле восьмидесятых, который выглядит едва ли старше меня. Хипстерская энергия зашкаливает.

«Он/его, верно, для местоимений?» спрашивает Тадж, и я киваю. «Ладно, актеры приедут только к одиннадцати, но я могу познакомить тебя с некоторыми из помощников. И Джейкобом, конечно». Он жестом показывает на группу людей, общающихся возле

музыкальных стоек, один из которых неожиданно поворачивается в мою сторону - и даже если бы я не знал его по нашему интервью в Zoom, я бы узнал Джейкоба в мгновение ока: с детским лицом, светлыми волосами и большими голубыми глазами, как на его фотографии.

Увидев меня, он засиял и побежал к нам. «Артур, привет! Вижу, ты уже познакомился с Таджем. Отлично. Он о тебе хорошо позаботится». Он поворачивается к Таджу. «О, знаете что? Стейси нужна была поддержка по инвентаризации реквизита. Может, попросить Артура начать работу над электронной таблицей?»

«Без проблем».

«О! И если ты сможешь поймать Джастина, спроси их, можем ли мы перейти к зеленой палитре для Амелии. Но мне нравится этот вермилион для Эм».

Я киваю вместе с Таджем, хотя не имею ни малейшего понятия, кто такие Джастин, Амелия и Эм. Или что такое вермилион. А еще я одет как Пит Буттиджич. Я уже в этом разбираюсь?

«Итак, хорошие новости». Джейкоб снова поворачивается ко мне. «Мы специально разместились в театре Shumaker Blackbox. Пятьдесят мест, и это доступное, удивительное пространство. Вам понравится. Я как-нибудь проведу для вас экскурсию. Но не стесняйтесь спрашивать меня обо всем сейчас. Мы так рады, что вы здесь!»

Мое сердце заколотилось. «Большое спасибо». Я делаю глубокий вдох. «Я сейчас немного волнуюсь. Это такая честь - познакомиться с вами».

«Ты такой милый». Джейкоб похлопывает меня по руке. «Ладно, сегодня, может быть, просто попробуем освоиться. Тадж поможет тебе начать работу с реквизитом, а потом мы познакомим тебя со Стейси, когда она вернется. О! А у тебя есть печатная копия сценария?»

«Да!» Я держу свою папку.

«Отлично! Так почему бы нам не...» Он останавливается, взгляд скользит мимо меня. «О боже!»

Я оборачиваюсь, чтобы увидеть парня с проколотой перегородкой, который держит в руках то, что кажется лысой куклой Чаки.

«Уф», - пробормотал Тадж.

«Если я когда-нибудь напишу еще одно шоу с участием ребенка, - говорит Джейкоб, - пожалуйста, убейте меня».

«Это реквизитный ребенок?» спрашиваю я.

«Да, нет. Ни в коем случае». Джейкоб издал усталый смешок, проведя

рукой по волосам. «Ладно, я лучше пойду разберусь с этим».

«А я тебя введу в систему», - говорит Тадж, поворачиваясь ко мне, но потом делает паузу.

«Вообще-то, знаешь что? Не хочешь перекусить до прихода актеров?»

«О! Нет, спасибо, я в порядке. Это нервное расстройство первого дня. Нельзя пить кофе, иначе я превращусь в ежика Соника. Или в вибратор».

Алло, да, здравствуйте? Я хотел бы поговорить с менеджером, пожалуйста, о возможности того, что я добровольно взорвусь? Потому что я, по какой-то неведомой, блядь, причине, в свой первый рабочий день решил назвать себя одновременно персонажем Sega Genesis и секс-игрушкой. А еще я не могу перестать пялиться на эти подтяжки. И на этот галстук.

«Понял», - говорит Тадж после примерно десяти часов мучительного молчания. Я пишу Джесси, как только он уходит. Я ведь могу надеть цветочный галстук, правда? Ответа нет. Полагаю, она сейчас утопает в юридической литературе, сражается с копировальной машиной или принимает заказы в «Старбакс», и я так рад, что больше не являюсь стажером юриста. Я не говорю, что внесение реквизитов в таблицу Excel - это вершина творчества, но жизнь стажера - это жизнь стажера. Но если мне приходится забирать чей-то ледяной кофе, то это может быть и кофе Джейкоба Демски.

И тут меня как наковальней ударяет: Тадж не спрашивал меня, хочу ли я пить кофе. Он хотел, чтобы мы угостили Джейкоба и съемочную группу, а может, и актеров. А это значит, что я самый бесполезный ассистент-стажер на свете. Это мое наследие? Артур Сьюз, первопроходец в области забывания элементарных задач, таких как предложение получить согласие босса?

Мне придется компенсировать это, ослепив Таджа и Джейкоба лучшим журналом реквизита в истории театра. Шаблон, который дал мне Тадж, очень простой, но я уверен, что смогу повторить сетку в приложении для дизайна, которое Саманта постоянно рекламирует в Instagram. Может быть, я даже смогу импортировать изображения для каждого реквизита, просто для вау-фактора. Я хочу, чтобы Джейкоб знал, насколько серьезно я к этому отношусь. Дни, когда я обходился минимумом, прошли. Я вкладываю во вселенную всю свою энергию любимца учителя.

Я настолько вовлечен в процесс, что даже не слышу шагов Таджа, пока на меня не падает запах его кофе. «О, вау!» Я поднимаю взгляд и вижу, что он смотрит на мой экран, нахмутив брови. «Это...»

«А что ты думаешь? Конечно, это все та же информация, но я хотел придать ей немного дополнительной остроты. Понимаешь?»

«Хм. Да, хорошо. Я вижу. Определенно, все получилось как надо».

Я сдерживаю гордую улыбку.

Тадж потирает переносицу. «Итак. Обычно команда реквизиторов предпочитает придерживаться своих стандартных шаблонов, чтобы упростить процесс».

Мой желудок опускается. «О. Эм...»

«Это действительно впечатляет», - быстро добавляет он. «Я просто... ну, вы знаете. Хотел бы узнать, нет ли у вас другой версии...?»

«Конечно! То есть, у меня ее пока нет, но я могу вернуться. Боже. Мне так жаль. Я не знал...»
Я уставился на свои руки.

«О! Нет. Мне очень жаль. Я должен был предупредить. Ты просто... это *фантастическая* карта. Это просто...»

«Это займет у меня десять минут. Я сделаю это прямо сейчас». Я моргаю так быстро, что мои веки практически опускаются. Но я не могу. Я не могу плакать в первый рабочий день. Просто. Я не пробыл здесь и часа, а уже все испортил. Мне уже нужно все переделать.

Это действительно похоже на свидание.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

БЕН

Пятница, 22 мая

«Тук-тук», - говорит Дилан за дверью моей спальни, на самом деле не постучав.

«Секунду».

Я стою без рубашки перед открытым ящиком. Я хочу надеть одну из рубашек, которые Марио сшил для меня, но это кажется мне слишком строгим выбором гардероба на моем пути к тусовке с моим бывшим и его новым бойфрендом. Не покажется ли мне, что я пытаюсь показать, как сильно Марио заботится обо мне несмотря на то, что мы не в отношениях? Или достаточно ли того, что Марио уже тусуется со всеми нами в свой последний ночь перед отъездом в Лос-Анджелес?

Глупо так заботиться.

Мне не нужно чтобы казалось, что я соперничаю с Артуром.

Я собираюсь войти в эту тусовку с гордо поднятой головой.

Говоря о гордости, я выбираю свою любимую футболку, которую Марио сделал для меня после начала занятий испанским: простую белую футболку с пуэрториканским флагом на нагрудном кармане. Я шутил с ним, что иногда мне кажется, что люди не смогут понять, что я пуэрториканец, если я не начну носить флаг как накидку, а он сделал эту футболку и сказал, что она более утонченная. Я чувствую, себя заметным. когда надеваю ее.

«Тук-тук», - снова говорит Дилан. «У тебя есть пять секунд, чтобы натянуть штаны».

«Входи», - говорю я.

«Правда? У тебя еще есть три секунды», - говорит Дилан, все еще стоя за моей дверью.

«Двигайся», - говорит Саманта, пропуская меня внутрь. «Привет, Бен».

Саманта крутит на шее ожерелье из ключей и одета в черное и белом - черная футболка, белый жилет, черные джинсы и черно-белые кроссовки. Она похожа на стажерку Круэллу де Виль, и это ей очень идет. Затем появляется Дилан, который следует за ней, как верный щенок.

«Не просто одно свидание, не просто двойное свидание, а тройное свидание!» говорит Дилан. «Это впервые в мировой истории».

«Мы ходили на тройное свидание в боулинг с моими друзьями в школе», - говорит Саманта.

«Это не считается. У ваших друзей не было химии. В лучшем случае это было двойное свидание». Дилан поворачивается ко мне. «Эшли постоянно сидела в телефоне, а Джон был наихудшим игроком в Биг-Бен. Он был таким выпендрежником в боулинге».

«Значит, он играл в боулинг лучше тебя?» спрашиваю я.

«Да», - говорит Саманта. «А Эшли разбиралась с семейными проблемами, но Дилан прав: Джона можно назвать надежным».

Дилан улыбается. «Ты это слышал? Она сказала, что я прав».

«Впервые в мировой истории», - говорит Саманта.

Дилан запрыгивает на мою кровать и подпрыгивает. «Я прав!»

«Вставай», - говорю я.

Дилан вскакивает и подозрительно смотрит на меня. «Почему? Ты прячешь Артура здесь?» Он заглядывает под кровать.

Я краснею. «С чего бы мне прятать Артура?»

«Потому что выставить Артура на всеобщее обозрение было бы явным неуважением?»

«Между нами ничего не происходит».

Я обменялся с Артуром всего парой сообщений с тех пор, как мы виделись в понедельник. Первое было, когда я предложил посидеть вместе, а затем сегодня, чтобы согласовать время на вечер и узнать, не против ли он, чтобы Дилан и Саманта с ним.

«Не будь сегодня странным, Ди. Я не хочу никому причинять неудобства».

«Я? Странный? Можно я буду оскорблен, Веселая Полиция?»

«Конечно».

Я сую бумажник в карман и вывожу всех из своей спальни.

Мои родители устроились на диване и смотрят второй сезон сериала Netflix *«Один день за раз»*. Мама смотрела каждую серию, наверное, раза четыре, но впервые она заставляет Па смотреть все серии. Они пригласили меня присоединиться, но я обычно предпочитаю идти в свою комнату писать или общаться с Марио по FaceTime. просмотр семейных сериалов часто заставляет меня мечтать о том, чтобы моя жизнь была проще, чтобы я мог пройти все взлеты и падения жизни с родителями в течение тридцати минут.

«Какой план, Бенито?» спрашивает мама, накрывая колени одеялом.

«Просто пойдем на Таймс-сквер».

«Таймс-сквер?»

«А разве Артур там еще не был?»

«Да, но он любит этот район. Майки, наверное, тоже».

Я не удивлюсь, если каждый вечер в Нью-Йорке они проводят на разных шоу. А я в это время получаю зарплату и даю родителям деньги на аренду и продукты.

«Ну, веселитесь», - говорит Ма. «И вам, Саманта и Дилан».

«Gracias», - говорит Дилан, как истинный белый человек.

Мы уходим и добираемся до станции метро, садимся в поезд как раз вовремя. Чтобы увидеть дуэт мальчиков с темно-коричневой кожей, кричащих: «Шоу начинается!». Начинается ритм и Дилан пытается хлопать в ладоши - хотя он настолько не в ритме, что я уже близок к тому, чтобы схватить его за руку. Честно говоря, я не всегда обращаю внимание на шоу в метро, но эти ребята - это другой уровень. Я не могу не смотреть, как они крутятся вокруг столбов с силой верхней части тела супергероев. Мы даем им несколько долларов на чай, прежде чем пересечь на следующий поезд.

Когда мы приезжаем на Таймс-сквер, я понимаю, что она не накладывает на меня свои магические чары. Подсвеченные шатры сливаются с огнями трасс. Все рекламные щиты на Бродвее с тем же успехом могут быть плакатами для автобусных остановок. Я чувствую это постоянно в Нью-Йорке. Каждое утро я просыпаюсь от того, что город сияет чуть менее ярко. Но этот гламур не для таких жителей, как я. Он для таких людей, как Артур и Майки, которые, возможно, в любой момент пронесутся по улице и будут петь мелодии, которых я не знаю.

Я проверяю свой телефон и вижу, что Марио опаздывает на несколько минут потому, что его застали за сборами к отъезду. Я думал провести ночь у него, но он уходит очень рано, а я знаю, как важен для него отдых. К счастью, мы успели немного побаловать себя, пока мои родители работали вчера днем.

«Я умираю с голоду», - говорит Саманта.

«Хот-дог?» спрашивает Дилан, указывая на продавца на углу.

«Может, крендель», - говорит она.

Дилан подходит к тележке. «Мой дорогой сэр, сколько у вас стоит крендель?»

«Почему ты так говоришь?» - спрашивает продавец.

«Чтобы вы не приняли меня за туриста».

«Вы говорите как турист».

«Откуда?»

«Из прошлого».

Дилан сверкает глазами. «Сколько за крендель? Моя женщина голодает, и мне нужно чтобы поставить еду на стол».

«Пять долларов».

«Понятно. А после того, как я передам вам своего главного Линкольна, вы будете немедленно арестован за свои преступления?»

Они сцепились в поединке взглядов. Мы с Самантой закатываем глаза.

«Четыре доллара», - торгуется Дилан.

«Пять».

«Четыре доллара плюс доллар за содовую».

«Семь».

Дилан наклоняется. «Ты позоришь меня перед моей женщиной. Да ладно, один семьянин другому. Помоги мне».

«Ты ребенок».

«Как ты смеешь? У меня есть борода».

Саманта подошла с двухдолларовой купюрой. «Один крендель, пожалуйста».

Продавец берет у нее деньги и протягивает ей крендель. «Приятного вечера».

Саманта откусывает огромный кусок, бормочет слова благодарности и уходит.

Дилан бросает взгляд. «Наслаждайся тюрьмой, чувак».

Мы догоняем Саманту, которая поглощает свой крендель. Она продолжает рассказывать о том, что они намного лучше, чем те, что в кампусе, а Дилан рассказывает о своих любимых блюдах (куриные вырезки, пицца с пепперони, говяжьи котлеты) и о запретах кафетерии (хот-доги, картофель фри, тако). Мне нечего добавить к этому разговору, и это замечательно, поскольку я сосредоточен на сегодняшнем вечере.

Все еще жду Артура и Марио. Нет, поправка: Марио и Артура. Марио сейчас на первом месте. Я думаю о нем, когда просыпаюсь. Надеюсь, что за каждым сообщением стоит он. Я бы отменил все остальные, чтобы побыть с ним. Я понимаю, что должен уделять больше времени Артуру, пока он в городе, но его поездка не основана на том, чтобы проводить время со мной. Так не было тогда, так не будет и в этот раз.

Артур - первый человек, которого я вижу, пробираясь сквозь толпу. Я удивлен, что он не держит Майки за руку, хотя, возможно, они разделились. Не видеть, как они прижимаются друг к другу, - хороший способ погрузиться в этот мир. Но когда Артур поворачивается, чтобы поговорить с кем-то, это оказывается не Майки. Это Джесси. Я не знал, что он

пригласил Джесси, но я не против.

Это тот самый район, где мы встретились на нашем первом свидании.

«Привет!» говорит Артур, сияя. «Вау. Дилан! Саманта!» Он обнимает их. «Это так здорово видеть вас».

«Еще лучше, когда ты меня видишь», - говорит Дилан.

«Еще раз привет», - говорю я Джесси.

«Привет, привет». Джесси целует Саманту в щеку. «Я прослушала подкаст, который ты мне прислала. Забавно».

Мне нравится, что Саманта и Джесси не потеряли связь после нашего разрыва. Вещи не должны быть сложными и для них.

«Привет, Артур».

«Привет, Бен».

Мы обнимаемся, но это длится недолго. Это нормально. Даже круто. Мы уже успели обнять друг друга – «вау-здорово-видеть-тебя-впервые-за-два-года».

«А где Марио?» - спрашивает он.

«Он должен быть здесь скоро. Он начал собирать вещи для завтрашней поездки в Лос-Анджелес».

«И как долго его не будет?»

«На неделю».

Вот я говорю о расписании Марио со своим бывшим парнем. Я должен перестать думать об Артуре только как о своем бывшем парне. Он *больше* чем это. Мы друзья. Неважно, что он был последним человеком, которого я любил. Это было много лет назад.

«Ола-ола-ола-ола», - окликает меня сзади Марио. Он нежно обнимает меня и здоровается со всеми, прежде чем представиться Джесси. «Простите, я опоздал, собирал вещи и теперь я здесь». Марио улыбается мне и выводит Пуэрториканский знак на кармане моей рубашки и подмигивает. «Отличная рубашка, Алехо».

«Gracias.»

Марио указывает на Артура. «Где Майки?»

Артур выглядит озадаченным. «В Бостоне».

Мне интересно, все ли в порядке. «Когда он уехал?»

«Его здесь никогда не было...»

«Я думал, он был в городе с вами...»

«Только мы», - говорит Джесси. Ее руки на секунду подносятся ко рту. «О нет, это ужасно. Ты хотел пригласить Майки, а не меня?»

«Нет, то есть да, но, конечно, мы рады, что ты здесь!»

Это катастрофа. Как здесь пересеклись границы? Думаю, если не обращать внимание на посты Артура в Instagram - это хорошее начало. Я просто предполагал, все об Артуре и Майки в Нью-Йорке - бродвейские шоу, прогулки рука об руку, напевая мелодии, в одной постели. Я чувствую себя немного легче. Как будто я не единственный человек в мире, чья жизнь не является идеальной.

Отсутствие рядом парня Артура не должно успокаивать.

«Извините, что скучаю по Майки», - говорю я.

«Он приезжает на следующие выходные. Вы сможете встретиться с ним тогда».

«Надо будет отправить ему групповую фотографию», - говорит Марио. «Но сначала мы должны пойти заняться чем-нибудь более интересным, чем стоять на углу Таймс-сквер».

Джесси показывает на кинотеатр Regal Cinema в соседнем квартале. «Кино?»

«Боже мой, да я бы убила за коктейль», - говорит Саманта.

Марио качает головой. «Вы впервые за много лет собрались вместе! Вы не можете наверстать упущенное во время кино».

«Ты никогда не был в кино с этой болтушкой», - говорит Дилан, указывая на Саманту. Она шлепает его по руке, и он притворяется, что ему больно.

Марио обводит нас взглядом. «Как насчет музея мадам Тюссо? Мы можем позировать с разными восковыми фигурами или... подождите, «Дэйв и Бастерс»!»

Артур смотрит на меня и отворачивается так быстро, что, должно быть, получает удар хлыстом.

В «Дэйв и Бастерс» у нас с Артуром было первое свидание. Это не должно быть чем-то особенным, хотя, признаться, я не был там с тех пор, как мы были здесь в последний раз. Но если это Марио хочет это сделать, я не хочу избегать этого из-за моей истории с Артуром.

«Пожалуйста, скажи мне, что у них все еще есть *Mario Kart*», - говорит Дилан. «Нам нужна фотография Марио, играющего в *Mario Kart*. Икона».

«Пакман?» Джесси спрашивает Саманту.

«Пакман», - говорит Саманта.

Артур застывает на месте.

«Ты не против?» спрашиваю я.

Он кивает, как болванчик. «Абсолютно. Принесите когтеточку...»

Марио хватает меня за руку и целует в щеку. «Я вызываю тебя на *Guitar Hero*».

Он тащит меня за собой по кварталу, прежде чем я успеваю увидеть реакцию Артура. Уверен, это странно видеть, как какой-то другой парень снова целует меня.

По дороге в «Дэйв и Бастерс» Марио снова извиняется за опоздание и рассказывает о том, как он рад своей поездке. Я не говорю ему, как я рад тому, что он уже вернулся, чтобы не выглядеть несчастным. Но это правда: мне нравится Марио и мне нравится быть рядом с Марио. Его энергия - как солнечный свет, который ты впитываешь.

Мы входим в здание и поднимаемся на эскалаторе на игровой уровень. Мы застаем самый конец песни P!nk, когда вступает трек Рианны. Игровой зал освещен столами для аэрохоккея, автоматами для пинбола и танцевальными платформами. Бар многолюдно, что выгодно тем из нас, кто пришел поиграть в игры. Мы с Марио заходим в Power Card вместе, каждый ставит по пятнадцать долларов, и мы делим кредиты. Если мы разделимся в течение ночи, то всегда сможем найти друг друга; я с нетерпением жду этих маленьких встреч.

Дилан играет в «Скорость света», цель которой - сбить как можно больше мигающих лампочек; это похоже на игру Whac-A-Mole. И Дилан терпит неудачу и у него не получается сбить ни одной лампочки. В отличие от Марио, который является абсолютным профессионалом, когда попадает. Он словно шестым чувством чувствует, где появится следующий свет.

«Он потрясающий», - говорит Артур, появляясь рядом со мной. «Он часто так играет?»

«Похоже на то, но я не знаю. Я не был здесь с тех пор, как пришел с тобой».

«Почему? Я же не сделал это странным для тебя? Разве странно, что я спрашиваю об этом? Я не хочу, чтобы это было еще более странно, чем то, что я уже сделал, приведя Джесси. Ты сказал «вы, ребята» в тексте, и мы оба поняли, что ты говоришь о нас. Я не знал, что ты думаешь, что Майки тоже здесь».

«О, так ты не читаешь мысли?» спрашиваю я.

«К сожалению, я не Бенджамин после того, как он выпьет зелье телепатии».

Артур ухмыляется, как будто он все еще гордится тем, что является одним из моих самых больших поклонников. Может быть, даже самым большим фанатом.

«Не час гнезда Бенджамина. Возможно, это и к лучшему, что мы не знаем о каждой мысли каждого».

«Возможно».

Уже ясно, что я не понимаю, что происходит в жизни Артура. Уверен, прочитав его мысли, я узнаю, как мало он думает обо мне.

«В любом случае, мне следовало быть яснее насчет Майки. Я просто предполагал, что вы проведете летние каникулы вместе».

«Мы должны были быть в Бостоне, но мне повезло, и вот, здравствуйте, Нью-Йорк. Артур Сьюз теперь официально выступает на Бродвее. Ну, не совсем на Бродвее, но я справлюсь».

«Тебе не нужно притворяться модным, Арт. Я горжусь тобой».

«Спасибо, Бен».

Его глаза все еще такие голубые. Я теряюсь в них, когда радостные возгласы Марио переключают мое внимание.

Дилан склоняется перед Марио. «Ты действительно супер!»

Марио высоко поднимает голову, подыгрывая мне, а затем поворачивается ко мне. «Ты видел это?»

Я смотрю на табло. «Ты уничтожил рекорд Дилана».

«Не очень сильно», - говорит Саманта.

«А ты попробуй», - говорит Дилан.

Саманта принимает вызов, двигаясь по игре с таким мастерством, как будто как будто она все еще в Kool Koffee и многозадачна: варит молоко, наливает сиропы и обслуживает людей. Марио записывает, как она доминирует в этой игре, которая, как я полагаю, стала для нее первой. Она абсолютно естественная.

«Супер Саманта!» ликует Марио, когда она побивает его счет. «Артур, ты не спишь?»

Артур качает головой.

«Давай, Артур, ты справишься».

«У меня этого точно не будет».

Марио собирается перейти в состояние сильного возбуждения, пока я не хватаю его за плечо, чтобы остановить его.

«Пусть остынет», - говорю я.

«Отходим», - говорит Марио.

Джесси и Саманта уходят в боулинг, смеясь. Я вижу фотобудку, в которой мы с Артуром фотографировались на нашем первом свидании. В тот момент мне было не так комфортно, как хотелось бы; даже Артур это было заметно. Я все еще не разбирался со своими чувствами

к Хадсону, и мы тоже фотографировались в той самой фотобудке. Как будто «Дэйв и Бастерс» - это романтическая машина времени, машина времени, которая засасывает меня обратно каждый раз, когда мое сердце радуется новому человеку.

Я замечаю четыре свободных места для *Mario Kart* и говорю всем занять их. Дилан и Марио гоняют там, и мне нравится, как весело они проводят время вместе. Ты всегда надеешься, что твои друзья и влюбленные нравятся друг другу. Нет опасений за Дилана, но я не уверен в первых впечатлениях Артура. Я сажусь рядом с Марио, а Артур занимает место в конце, помещая меня между ними; мне не нужно быть читателем мыслей, чтобы понять, что Дилан придумывает грубую шутку по этому поводу.

Перед началом гонки мы все выбираем себе персонажей. Выбор Марио очевиден. Дилан выбирает Боузера и обещает чистый хаос на трассах. Артур выбирает Жабу, которая на самом деле не жаба, а крошечный гуманоид, похожий как большой палец с грибной шляпкой. Таймер на исходе, и мне нужно решить, кем я буду.

«Выбери принцессу Пич, чтобы Марио-Марио мог тебя спасти», - говорит мне Дилан.

«Не та игра», - говорю я. «Здесь нет команд».

«Я дам тебе выиграть, если хочешь», - говорит Марио.

«Играем», - говорю я, выбирая Йоши. Я всегда был равнодушен к этому зеленому динозавру.

Дилан наклоняется вперед и подмигивает мне. «Ты знаешь, что есть уровни, где Марио катается на Йоши, верно?»

«Заткнись, Ди».

Затронутая тема секса, когда я сижу между Марио и Артуром, беспокоит меня. Я изо всех сил стараюсь сосредоточиться на гонке. Дилан выполняет свое обещание и сбивает меня с курса красным черепашым панцирем. Марио сильно обгоняет всех нас. Что он не умеет делать? Пока Йоши приходит в себя, я убеждаюсь, что совсем отстал. Потом я вижу, как Жаба натывается на все стены каньона, и смеюсь над тем, как ужасен Артур в этой игре.

«Первый раз?» спрашиваю я, не отрывая глаз от дороги.

«Не знаю, с чего ты взял», - говорит Артур, который едет в противоположном направлении от остальных.

Мы не успели проехать и первого из трех кругов, как Марио снова обгоняет нас на середине второго. Он так сосредоточен на игре, словно собирается получить настоящий золотой трофей. Или как будто ему нужно что-то доказать. Как бы ни было мило наблюдать за тем, как Артур доказывает, почему ему нельзя доверять водительские права. Я играю ради победы и молюсь о чуде, которое замедлит Марио - его падение персонажа с карты, удар молнии или серия синих черепаших панцирей. Но для Марио все проходит гладко.

«Поздравляю», - говорю я, жалея, что мне не удалось занять хотя бы второе место. Но по крайней мере, третье место лучше, чем шестое, как у Дилана. И да, лучше, чем двенадцатое как у Артура, но в этом есть что-то восхитительное.

«Мы команда избранных», - говорит Марио, протягивая руку и наклоняясь ко мне.

На снимке Дилан держит рот открытым, как будто он рычит. Марио улыбается с такой улыбкой, какая бывает, когда ты - любимый пациент своего дантиста. Артур придвигается ближе к фотографии и кладет руку мне на плечо.

Я улыбаюсь, чувствуя, как мои щеки теплеют от его прикосновения.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

АРТУР

Пятница, 22 мая

Это уже слишком. Слишком много, всего: лазерные сигналы и синтезаторная музыка, мигающие неоновые огни. То, что вся эта ночь похожа на одну большую шутку, в которой я не участвую.

Не знаю, почему я решил, что это будет не так. Я даже отчасти предвкушал это - просто пара друзей, проводящих непринужденный вечер, и я буду одним из тех зрелых парней, которые дружат со своими бывшими. К тому же, если что-то пойдет не так, я всегда смогу просто исчезнуть на полпути с Джесси. В принципе, это надежно, верно?

Неправильно. Джесси сбежала с Самантой час назад, Бен и Дилан уже десять уровней в инопланетном вторжении, а новый парень моего бывшего, возможно, планирует убить меня силой своего обаяния.

«Я был там неделю после Рождества», - говорит Марио. «Все это время было солнечно.

Просто охренительно. Бен даже не...»

«БЛЯДЬ!» Дилан сжимает ладони.

«Выкуси», - говорит Бен. «Выкуси. Это.»

«-пока я не показал ему фотографии».

Я отключаюсь, потому что мне не нужно слушать о сексуальных калифорнийских фотографиях Марио. Мне также не нужно быть свидетелем хороших новостей о бицепсах Марио. Мы поняли Марио, ты занимаешься спортом. Это просто отстой, потому что сегодня мне нравилось мое лицо. Даже мой внешний вид показался мне подходящим: закатанные рукава, легкая вязаная жилетка и мой совершенно новый синий галстук. Тадж сказал, что я выгляжу как маниакальное дитя мечты Джозефа Гордона-Левитта и Зоуи Дешанель в альтернативной вселенной сиквела «500 Дней лета», и я думаю, что мой мозг просто принял это и побежал с этим. Весь день мне казалось, что я живу в фильме, что во мне есть что-то загадочное и смелое. Я почесывал в затылке, и мне казалось, что это я ставил хореографию. На заднем плане почти слышно, как играют «The Smiths».

Пока не вошел Марио. Самая большая ошибка записи в моей жизни.

Мальчик мечты инди? Нет! Просто восемнадцатилетний тупица из Джорджии с фермерским загаром и новым прыщом на подбородке. И эти две дюжины мерцающих светодиодных экранов телевизоров не дают мне того настроения, на которое я рассчитывал, на которое я надеялся. Но, держу пари, они сияют, как солнечный луч в золотой час, когда ты ростом с

Марио.

Могу я просто телепортироваться в Бостон? Это все, чего я хочу. Обычная ночь на диване с Майки. Он будет смотреть мультсериал «Акулы» в *Animal Crossing*, я буду смотреть видео с бродвейскими неудачами на YouTube, а потом мы почистим зубы, выключим свет и точно не займемся сексом, ведь Майки даже мастурбировать не будет, когда его сестра дома.

Но кого это волнует? Я просто хочу проснуться рядом с ним.

Я могу позвонить ему. Я могу спрятаться в какой-нибудь гоночной игре или выскользнуть в вестибюль, и, возможно, это все, что мне нужно, чтобы почувствовать себя центром. Милое, надежное лицо моего парня.

Но что я ему скажу? Как я объясню Майки сегодняшний вечер? Я не имею в виду «Дэйв и Бастерс» или даже тот факт, что я здесь с Беном. Майки знает об этом, и его все устраивает. Думаю, Бен не представляет собой такой уж угрозы, когда рядом есть кто-то вроде Марио.

Теперь Марио рассказывает анекдот о том, как они учились на писательском факультете, о рукописи Бена и что-то, что Бен сказал однажды во время критики, и я клянусь, каждое второе слово из его уст - это имя Бена. И он продолжает касаться руки Бена. Что, в общем-то, неплохо, хотя я не уверен, почему он думает, что если отвлекать Бена в середине игры это закончится чем-то хорошим. Это мальчик, который, как гласит легенда, однажды отказался от минета в пользу того, чтобы побить рекорд Дилана в *Candy Crush*.

Минет от Хадсона, между прочим. Бен никогда не отказывался от минета от меня. Не то чтобы у него была такая возможность.

Но это все неважно. Минет точно не имеет значения. Это даже не относится к нам сейчас, потому что у Бена есть парень, у меня парень, и все устроились. И все счастливы. *Я счастлив!* Я просто немного не в своей тарелке сегодня, но что с того? Не то чтобы Марио замолчал настолько, чтобы заметить.

«И я подумал: «Знаете что? Я пойду домой после этого и сегодня же покончу со всем остальным сегодня вечером. Сколько бы времени это ни заняло. А завтра в самолете я просто просплю».

Я неопределенно улыбаюсь, как будто имею хоть какое-то представление о том, что здесь что здесь происходит.

«Конечно».

«Я чувствую себя хорошо, знаешь. Как будто я знаю, к чему я клоню, так что теперь остается только подобрать слова». Он зеваает и потягивается. «Ой, простите. Я так поздно встал...»

Занимался сексом с Беном, думаю я.

«Подбирал ритм для кульминации», - говорит он. И мне требуется целая блядь, минута, чтобы понять, что он говорит о сценарии, а не о сексе. Неужели лицо Марио мешает моим мозговым волнам? Это просто то, что происходит, когда ты встречаешь с новым парнем своего бывшего?

Я бросаю быстрый взгляд на Бена и Дилана, и они оба наклоняются так близко к консоли, и я не могу понять, что их цель - раздавить пришельцев или поцеловаться с ними. Нет никаких шансов, что эта миссия закончится в ближайшее время.

Мне просто нужно отойти на минутку. Моему мозгу нужен сброс настроек.

«Мне нужно позвонить».

Я качаю головой, морщась. «Мне нужно позвонить».

«А. Проверить, как дела у парня», - с пониманием говорит Марио.

Я киваю, немного слишком быстро. Именно так. Проверяю как дела у своего очень проницательного парня, который продержится секунд десять, прежде чем спросит, все ли у меня в порядке? В этот момент я буду из кожи вон лезть, объясняя, что я в *полном* порядке, даже не расстроен, потому что с чего бы мне расстраиваться, а если я кажусь угрюмым, то я просто устал. СМОТРИТЕ, Я ЗЕВАЮ! НОРМАЛЬНО ЗЕВАЮ.

Ага, это его успокоит.

Пять минут и одно случайное сообщение от Майки спустя, и я уже смотрю на Итана из гоночной машины. Угадайте, кто тусуется с новым парнем Бена? Через две секунды мой телефон пикает от входящего звонка. Итан даже не стал ждать, пока я поздороваюсь.

«Ты встречаешься с Беном?»

«Я не *встречаюсь* с Беном! Я с группой людей в «Дэйв и Бастерс»...

«С группой людей, включая Бена».

«И парня Бена», - напомнил я ему. Парень Бена, парень Бена, парень Бена. Я опускаю глаза на руль, чувствуя себя ошеломленным и не в своей тарелке. Я словно нахожусь за пределами собственного мозга.

«Я не знал, что у Бена есть парень», - говорит Итан.

«Не просто парень. Очень горячий парень. Определенно горячее, чем меня».

«Вау. Молодец Бен».

Я чуть не роняю телефон. Хорошо для Бена? Итан вообще помнит о нашем расставании? Я проплакал всю обратную дорогу из Нью-Йорка. Не мог уснуть. Я был зомби в течение нескольких *недель*. Я съел столько пинт мороженого, что папа стал называть меня Молочным королем. Даже воспоминания об осени выпускного года заставляют мой желудок в животе.

«Не могу поверить, что ты только что это сказал».

Итан смеется. «Почему? У тебя есть парень. Почему бы ему не быть?»

Я так громко выругался, что паренек с лобковыми бородавками повернулся и уставился на меня через дверь со стороны водителя. Я отмахиваюсь от него и поворачиваюсь обратно к Итану. «Ты пропустил часть о том, что он сексуальнее меня?»

«Нет?»

«Ты должен был сказать, что я сексуальнее!»

«Но я никогда не встречал его», - говорит Итан. «Откуда мне знать?»

Я хлопаю себя по лбу. «Потому что Марио тебе не друг, а я друг!»

«Его зовут Марио? Ого, звучит заманчиво».

«О, поверь мне, я чертовски хорошо знаю. Я уже второй раз убеждаюсь в его сексуальности лично», - говорю я.

И тут же меня охватывает паранойя, что Марио каким-то образом подслушивает все это. Или Бен. Боже, я не знаю, что было бы хуже. Но когда я поднимаю взгляд, то вижу, на меня смотрят только усики на лобке и., он показывает языком букву V изображающую перевернутый знак мира. Не совсем тот жест, который я бы использовал для описания своей сексуальной жизни, но ладно.

Я надеваю лобковые усы своим собственным вневременным знаком.

«Меня все еще мучает тот факт, что ты общаешься с парнем Бена». говорит Итан.

«Не специально! Это вселенная виновата».

Когда я снова поднимаю глаза, усики на лобке, очевидно, решили поделиться своими подарками с кем-то еще, не загораживая мне обзор. И вдруг все, что я вижу, - это игра *Двойной мотоцикл*. Та самая, в которую я играл с Беном во время нашего первого свидания.

Я зажмуриваю глаза. «Не могу поверить, что Бен устраивает повтор нашего первого свидания. Прямо сейчас. С его новым супергорячим парнем...»

«Он не такой уж и горячий! Ты горячее!» Итан сделал паузу. «Как я справился?»

«Очень убедительно». Я сжимаю руль. «Нет ничего странного в том, чтобы чувствовать себя странно по поводу этого, верно? Например, Бену было странно из-за моего парня. Я могу быть странным в отношении его».

«Странно то, что ты только что четыре раза употребил слово «странно»».

«Ну, это странная ситуация!»

Итан смеется. «На самом деле нет! Ты просто ревнуешь, что у твоего бывшего появился новый парень. Это самая нормальная вещь в мире».

Моя грудь сжимается. «Ты думаешь, я ревную к Бену?»

«Я имею в виду...»

«Сексуально!» Рядом с игровым экраном появляется лицо Дилана, и я чуть не падаю со своего места.

«Мне пора, я напишу тебе», - говорю я, с такой силой нажимая на кнопку завершения вызова, что у меня чуть не подгибаются пальцы. Дилан уже втискивается на водительское сиденье рядом со мной.

«Сьюзикал, выслушай меня. Ты мне нужен. Я люблю тебя. Я хочу провести остаток своей с» - он вытаскивает меня из гоночной машины – «тигром, которого ты собираешься победить в «когтистой машине».

И вот теперь я ошарашенно иду за ним, словно он какой-то слишком возбужденный Крысолов. Он провёл меня мимо банка толкателей монет, резко повернул налево рядом с *Пакманом*, и вот они. Бен и Марио, бок о бок, но при этом как бы лицом друг к другу. Марио говорит, а Бен смеется, и просто что-то есть в том, как они смотрятся на фоне сложенных в стопку призов с животными. Как будто они позируют для какой-то причудливо романтической фотосессии. Это выбивает воздух из моих легких.

Они очень, очень хорошо смотрятся вместе.

«Расступитесь, господа! Король Когтеландии прибыл», - говорит Дилан, кланяясь, и я не могу понять, пьян ли он или у него просто пьяный характер. «Послушай, Сеусазавр, я не говорю, что ты должен победить этого маленького парня, чтобы доказать свою любовь ко мне. *Но*. Мне нужно, чтобы ты выиграл, иначе я буду считать, что это все это было ложью...»

«Напомни мне, почему ты сваливаешь все на Артура, а не на Саманту?» вмешался Марио.

«Потому что Саманта не умеет работать с когтеточками, а нам не нужно, чтобы это закончилось слезами».

«Ее слезами или твоими?» спрашивает Бен.

«Неважно».

Бен улыбается мне, и мой мозг работает слишком медленно, чтобы не улыбнуться в ответ.

«Артур! Смотри на приз». Дилан стучит по стеклу когтевой машины, указывая на то, что выглядит как шар из неоновно-оранжевого синтетического меха с двумя белоснежными пенисами, торчащими из его морды.

Я наклоняюсь. «Это должен быть *тигр*?»

«Сьюзикал, да ладно тебе. Тигр?» Дилан выглядит ошарашенным. «Вау, так а что такое тираннозавр рекс? Ящерица? Наверное, Муфаса для тебя просто лев?»

«Ну...» Я сделал паузу. «Муфаса - лев...»

«Он чертов *король* львов. А этот ублюдок - саблезубый.

Такой же величественный. Такой же легендарный. Я назову его Сабре через «-ре». «Дилан целует кончики пальцев. «За этот дополнительный штрих в его стиле».

Я минуту смотрю на него сквозь стекло, а потом снова поворачиваюсь к Дилану. «Он вроде как -»

«Нежный, но жестокий», - говорит Дилан, - „с лицом ангела“.

«Нет, его лицо - это самое худшее, что могло случиться с саблезубыми тиграми как с видом, включая вымирание. Я хотел сказать, что он слишком зажат там. Он не победим».

«О, ты. Такой скромный».

«Нет, я имею в виду, что этот коготь буквально ни за что не вытащит тигра наверх».

«Спасибо!» Марио выглядит триумфатором. «Я так и сказал! Говорю вам, они подстраивают машины. Ты не сможешь выиграть».

«Может быть, *ты* не сможешь победить», - ответил я, и это прозвучало так дерзко и игриво в моей голове. Но вслух это прозвучало резко и напряженно, практически как объявление войны.

Глаза Бена расширяются, едва заметно, а Дилан заметно подавляет смех.

Марио просто улыбается. «Круто. Докажи, что я не прав».

Все трое придвигаются поближе, чтобы понаблюдать, отчего мое сердце ускоряется в два раза быстрее. Я никогда не умел игнорировать зрителей.

«Отлично». Я смотрю сквозь стекло, обдумывая варианты. Потом оглядываюсь на Дилана.

«Я могу принести тебе этого медведя».

Дилан выглядит так, будто я только что попросил разрешения ударить его. «Я прошу саблезубого тигра, древнего зверя с достоинством и силой, а ты мне медведя-валентинку?»

«Ладно, во-первых, этот медведь излучает достоинство и силу. Посмотрите на его морду.

Во-вторых, если ты не хочешь его...»

«Вау. Я не говорил, что не хочу его», - говорит Дилан.

Бен наклоняется ближе к Марио. «Почему это самое захватывающее противостояние, которое я когда-либо видел?»

«Напряжение», - бормочет Марио в ответ. «Ставки высоки».

Круто, рад, что могу обеспечить такое захватывающее развлечение для Бена и его нового парня. Для этого я здесь, чтобы кормить их анекдотами, которые они будут рассказывать всем другими парами на будущих званых обедах? *Детка, помнишь того парня, с которым ты встречалась. который думал, что может выигрывать в автоматы?*

Я поворачиваюсь обратно к автомату, глядя на свою цель через стекло. Пятнадцать секунд на часах. Медведь всего в нескольких дюймах за призовым желобом, так что это хорошо - меньше места, которое нужно преодолеть, значит, у когтя меньше возможностей для преждевременного падения. *Двенадцать секунд.* Его задняя лапа зажата под чем-то, но остальные конечности свободны. Еще лучше то, что атласное плюшевое сердце, которое он держит в руках, не похоже, что оно прикреплено к его груди. *Девять секунд. Восемь. Семь.* Я иду на это. *Четыре секунды.* Если выиграш этого десятицентового мишки-валентинки - это то, как я сотру самодовольную улыбку с лица с лица Марио, считайте, что я выиграл. *Три секунды. Две секунды. Одна секунда.*

«Он слишком далеко», - говорит Марио, но он ошибается. Коготь опускается в точно в нужное место, равномерно обрисовывая цель.

Я не моргаю. Я даже не дышу.

Коготь закрывается, царапая морду и туловище медведя. Затем он замирает на долю секунды, прежде чем снова начать подниматься. Пустой. Конечно. Без...

«О. Боже». Дилан прижимает ладони к стеклу.

Коготь поднимает медведя за валентинку-сердечко и благополучно несет его к призовому желобу, а затем отпускает. На мгновение я застываю на месте, как танцор, в джазовой позе с поднятыми руками после большого бродвейского номера.

«*Святое дерьмо.* Ты, блядь, сделал это. Ребята, вы это видите?» Марио с силой впечатывает свою ладонь в мою в самом сильном ударе в моей жизни, а затем - прежде чем я успеваю осознать, что это происходит, он обнимает меня. «Невероятно. Не могу поверить, что я сомневался в тебе».

«Именно об этом я и говорю. Раз и готово». Дилан приседает перед призовым желобом.
«Правильно, иди к папе».

Бен улыбается мне самой крошечной улыбкой, и мой живот подпрыгивает, как блинчик.

«Только посмотрите на этого малыша! Он такой милый», - говорит Марио, и я кручусь вокруг него, краснею. *Маленький парень?* Ладно, но он смотрит на Дилана. Даже не на Дилана. Это медведь. Марио говорит о медведе.

«Знаешь, что бы я хотел?» говорит Дилан. «Хоть раз в жизни, черт возьми, я хотел бы увидеть в валентинке немного креативности. Я не покупаюсь на то, что он продает. Разве мы не перешли от «*Я тебя очень люблю*»? Привет?» Он нажимает на сердце медведя. «Где энергия для «*Я по-настоящему тебя люблю*»?».

«Это не валентинка, это подарок на прощание», - говорит Бен.

Марио пихает его локтем и смеется. «Это твой ход при расставании, Алехо? Ты выиграл парня в медведя-мудака, и дело сделано?»

Нет. Абсолютно нет. Никто, буквально никто, не спрашивал, как Марио относится к прошлым расставаниям Бена. И с первого взгляда я могу сказать, что Бен чувствует себя странно из-за этого. Удивительно, как многому может научить год или два общения по FaceTime. Теперь я могу читать Бена лучше, чем когда мы встречались.

Дилан вступает в перепалку. «Ты называешь моего медведя засранцем, Супер Марио?»
«Твоего гипотетического медведя-засранца? Конечно», - говорит Марио. «А вот этот медведь с другой стороны? Полный, блядь, милашка. Дилан, ты счастливый отец».

И, видимо, мной овладевает какой-то демонический импульс «Выбери себе крутого бывшего», потому что внезапно я выхватываю медведя у Дилана и бросаю его в Марио.

У Дилана отпадает челюсть. «ЧТО?»

И тут я с ужасом понимаю, что только что подарил своему новому парню своего бывшего плюшевого медведя. С сердечком. С надписью «*Я сильно тебя люблю*».

Неужели вся моя жизнь вела к полному и абсолютному позору этого момента?

«Боже, мне так жаль. Ты не должен...»

Я тянусь к медведю, но Марио отталкивает его. «Эй, сейчас. Я не говорил, что ты можешь забрать его».

Дилан выглядит ошеломленным. «Я никогда в жизни не был так ошарашен. Вы только что похитили моего *ребенка*».

«Ты только что сказал, что не купишься на то, что он продает», - говорит Бен.

«Беннифер, почему ты все сводишь к капитализму?»

Марио прижимает медвежонка к своей груди, сердце к сердцу. «Артур, ты сделал меня самым счастливым человеком на свете».

«Я... рад, что у вас все наладилось», - говорю я Марио.

Но мой взгляд переходит на Бена.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

БЕН

Суббота, 23 мая

Весь день идет дождь.

Я готов был поклясться, что рейс Марио отменят сегодня утром, но самолете удалось вылететь из Нью-Йорка до того, как все стало совсем плохо. Тем не менее, я следил за его рейсом в течение всей утренней смены, чтобы убедиться, что все в порядке. Не успел я проверить в шестой раз, как получил от него сообщение, в котором он сообщал, что он благополучно приземлился и уже летит на встречу со своим Тио Карлосом. Мне нравилось, что он писал мне. Он не должен был этого делать, но он это сделал. Это придало мне прекрасное настроение до конца всей смены.

До тех пор, пока Дилан не прислал смс с просьбой отменить наши планы поехать «Тако Белл» и поговорить обо всем, что произошло в «Дэйв и Бастерс», о чем мы не могли говорить в присутствии Марио и Артура. Не знаю, почему он относится к дождю, как к кислоте, но я позволю ему провести уютную ночь с Самантой. Я понимаю, как редко они видятся, ведь они живут в одной комнате общежития колледжа, мотаются между своими семьями и по-прежнему неразлучны в городе.

Понимаю...

Я сижу в своей комнате и переписываю «Войну злых волшебников» над отзывами моего учителя о первых страницах. Миссис Гарсия считает, что рассказ выиграл бы от большей предыстории о Бенджамине, но другие читатели считают, что я слишком много вываливаю информации. Я разрываюсь между тем, чьей критике уделять больше внимания. Да, она мой учитель и дала мне много полезных советов - без нее я бы не смог перекинуть мостик к своему сюжету. Но Марио и другие считали, что происхождение Бенджамина замедляет развитие сюжета и в конечном счете это не служило центральному сюжету.

В такие моменты мне даже не хочется брать за эту книгу. Как будто я никогда не узнаю, как сделать ее такой, какой все хотят ее видеть. Как будто она никогда не будет достаточно хорошей для людей.

Но я уже вложил в нее столько времени, что хочу переступить черту. Я до сих пор помню, как потрясающе было завершить первый черновик и загрузить последнюю главу на Wattpad. Но книга также сильно изменилась – она меняется так же, как и моя жизнь. Раньше Хадсон был одним из главных отношений для Бенджамина, но по мере того, как я взрослею, Хадсон становится больше предысторией, чем основным сюжетом. То же самое касается и короля Артуро, который не отправляется в эпическое путешествие с Бенджамином. Король Артуро по-прежнему является ключевым персонажем, поскольку ему нужна помощь в поисках

драгоценного скипетра, такого же голубого, как его глаза, и Бенджамин - волшебник, который справится с этой задачей. Я избавился от поцелуев - мне было неловко писать об этом, ведь я больше не целую его тещу.

Еще более странно, когда Марио читает об этом.

Не могу не поблагодарить Марио за то, что он так здорово отнесся к этой тусовке. Не может быть. Хадсон никак не смог бы провести всю ночь, не выходя на улицу, а Артур был бы очень неуверен в себе. И я их не виню. Но мне приятно, что пока я строю что-то с Марио, моя дружба с бывшим парнем не будет препятствием.

Мне нужно слышать его голос. Увидеть его лицо.

Но сейчас я не могу.

Я использую приложение Forest, когда пишу, чтобы определить, сколько минут я активно работаю и остаюсь сосредоточенным. В зависимости от того, сколько времени я провожу в приложении, я выращиваю больше деревьев для своего леса. Если я выхожу из приложения, чтобы проверить Instagram или позвонить симпатичному парню, дерево погибает. Я очень стараюсь, чтобы окружающие звуки океанских волн не мешают моему воображению, но прямо сейчас я бы лично вышел на улицу с топором и срубил бы дерево, чтобы позвонить Марио. Я нахожусь в начале этой главы, где я думаю о том, чтобы вписать Марио в качестве нового любовного интереса - Марса Е. Октавный, фехтовальщик с очаровательной улыбкой и способностью понимать любой язык, человеческий или звериный.

Я выхожу из приложения Forest - и пытаюсь связаться с Марио по FaceTime. Я улыбаюсь когда он отвечает.

«Так-так, - говорит Марио. «Ты идеально рассчитал время».

«Правда?»

Марио улыбается. На нем синий комбинезон, на котором он нарисовал Сатурн с радужными кольцами. В руках у него пакет с продуктами. «Карлос послал меня в магазин. потому что планы на вечер изменились. Он хочет, чтобы я кое с кем встретиться».

И тут же мое сердце замирает. Неужели дядя знакомит его с каким-то другим парнем?

«О, круто. С кем?»

«Close Call Entertainment работает над триллером про андроидов, и сценарист приедет к нам. Возможно, мне удастся кое-что узнать у него», - говорит Марио.

Я сразу же почувствовал облегчение, что это всего лишь работа. «Карлос не хотел говорить мне пока я не приеду, чтобы я не сошел с ума».

«Это так удивительно». Мне стыдно, что я паникую из-за того, что Марио встретил другого

парня. «Так Карлос будет готовить?»

«Да, Алехо». Марио останавливается на углу улицы и смотрит в обе стороны. прежде чем перейти дорогу. «Я собираюсь приготовить этот тыквенный суп для всех, пока мой дядя приберется на заднем дворе. Все будет уютно, и я не сойду с ума от разговора с крутым сценаристом. А еще мне здесь нравится - посмотрите». Марио наводит камеру и показывает мне ярко-голубое небо и солнечный свет, отражающийся от блестящего черного здания.

«У нас тут тоже интересная погода», - говорю я, направляя телефон на свое окно и показывая ему дождь.

«Все еще?!»

«Все еще».

Мы переводим камеры с неба на себя.

«Викторина, Алехо. Как сказать «дождь» по-испански?»

Я знаю, что это слово с двумя буквами «л», но оно не приходит ко мне так быстро, как хотелось бы. Потом я вспоминаю, как мне показалось, что это было бы великолепное заклинание, которое можно было бы использовать в TWW или даже имя персонажа.

«Lluvia?»

«Bien hecho».

Странно, что меня хвалят за словарный запас такого уровня. Мне девятнадцать, и я впервые узнал, что такое дождь. Хотя мои родители всю жизнь говорили на испанском, они не учили меня ему. Я был готов, но у них не было времени. И хотя я знаю, что знание испанского не сделает меня более пуэрториканцем, чем я есть на самом деле, но каждое новое слово, которое я узнаю, заставляет меня чувствовать себя не таким уж проходимцем.

В любом случае, лучше начать с основ сейчас, чтобы через несколько лет стать самостоятельным.

«Алехо, звонит мой дядя. Он, наверное, отправит меня обратно в за продуктами. Можно я позвоню тебе сегодня вечером?»

«Я...»

«Ты будешь спать! Три часа разницы. Я в прошлом, а ты в будущем.»

«Я в *твоем* будущем», - говорю я. А потом замолкаю, потому что понимаю, как это звучит. Мое лицо пылает таким жаром, что мне нужна лювионовая буря, чтобы остыть.

«Да, это так», - говорит Марио, слабо подмигивая. «Увидимся позже, Алехо».

«Увидимся позже, Колон».

Мы вешаем трубку, и я смотрю в окно. Темное облачное небо. Тот же вид на мой район, который я видел всю свою жизнь. Тот же магазин по ремонту обуви. Тот же вход в парк через квартал. Тот же жилой дом через дорогу, который явно лучше нашего.

Когда этот мир надоедает мне, я возвращаюсь к созданию своего собственного.

Я пишу о том, как Бенджамин находит Марс в лагере, который появляется из ниоткуда в лесу. Притяжение есть, но требуется время, чтобы между ними возникло взаимное влечение и мне удастся применить несколько убедительных метафор о магических зельях, варящихся в полнолуние. Бенджамину нужны силы Марса, чтобы общаться со змеем, известным как волнорез, который живет под водой, но я понимаю, что нарушаю свой размеренный темп, заставляя Бенджамина и Марса целоваться в поле хрустальных цветов. Мне нужно сбавить темп. Не рассказывать читателю все сразу.

Надеюсь, я правильно понимаю настроение Марио.

Может, Марио стоит перейти с преподавания мне испанского на Марийский, чтобы я мог лучше его понимать.

Я просматриваю наш чат в WhatsApp, где он прислал мне кучу фотографий с вчерашнего вечера в «Дэйв и Бастерс». Жаль, что мне не хватило смелости попросить его сделать фотографию со мной в фотобудке.

Я натываюсь на групповой снимок после нашей игры в *Mario Kart*. Я помню жар на моем лице, когда Артур прислонился ко мне, но сияние игрового зала скрывает мои покрасневшие щеки. Свет фонарей обнажает натянутую улыбку Артура. Возможно, я преувеличиваю, но я знаю, как выглядит счастливый Артур: сидящий на бордюре на Таймс-сквер, пока мы слушали музыку, в тот день, когда мы окончательно решили, что нам не нужно повторное свидание и когда я впервые поцеловал его.

Дружба - это улица с двусторонним движением. Он не должен быть единственным, кто идет ко мне. Я должен встретить его посередине.

Если Артур сможет общаться с Марио, я смогу легче говорить о Майки.

Если нет, я снова его потеряю.

А я хочу, чтобы Артур был в моей жизни.

Я должен продолжать писать. Я знаю, что должен, но я также должен связаться с ним. Я отправляю Артуру быстрое сообщение: Между Марио и Марио Карт и Диланом и его Диланом я чувствую, что мы так толком и не поговорили. Посиделки после работы?

Вот. Я отправил его во вселенную и теперь жду, что будет дальше...

Артур уже написал ответ: Посиделки после работы!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

АРТУР

Понедельник, 25 мая

Очередь у закусочной уже на полквартала, но мне даже не кажется, что я жду. Погода мягкая и солнечная, у меня впереди целый рабочий день, и я нахожусь буквально на Бродвее - улице и районе. К тому же Зимний Garden Theatre практически в двух шагах, и я даже не пытаюсь быть спокойным. Если мне придется присесть, чтобы сделать идеальный снимок с низкого угла шатра, то так тому и быть.

Именно так меня и застает Бен: присевшим на корточки на тротуаре. Он смотрит на меня с выражением, наполовину забавным, наполовину встревоженным, и я так быстро вскакиваю, что чуть не задеваю своей головой его подбородок. «Извините! Привет!»

«Привет! Я действительно опоздал?» Он осматривает очередь, выглядя неопределенно расстроенным.

«Вовсе нет. Он еще даже не открылся».

«Но почему здесь так много людей?»

«Потому что это закусочная «Галактика Эйлин». Бен, это же достопримечательность! Ты что, никогда здесь не бывал?»

Его лицо опускается. «А ты?»

«Нет», - быстро говорю я. «То есть, может быть, однажды? Много лет назад. Я даже не помню».

Бен смотрит на меня так, будто за всю свою жизнь не видел никого, кто был бы настолько полон дерьма.

«Ладно, это было два года назад, и я все помню, но что с того? Это потрясающе! Официанты поют. Это как полноценное бродвейское представление, пока ты ешь».

«Да, поэтому я и предложил его. В нем есть экстремальная артуровская энергия».

«И энергия Нью-Йорка». Я радостно оглядываюсь по сторонам, рассматривая сувенирные лавки, желтые такси и киоски с кренделями, невероятно огромные рекламные щиты. «Боже, я люблю ньюйоркцев. Вы, ребята, впитываете каждый момент. Только посмотрите на всех этих людей». Я жестом показываю на очередь. «Никто не злится, что приходится ждать, никто не колесит по Альфаретте или еще где-нибудь в поисках места с парковкой, потому что Боже упаси...»

«Альфаретта, Джорджия?» Пожилая белая женщина впереди нас оборачивается, сцепив руки.

«Не хочу вас прерывать, но вы все оттуда?»

«Да! То есть, я из Милтона, который довольно...»

«О, я хорошо это знаю. Мы из Вудстока». Она жестом показывает на парня в футболке FDNY.

«Билл, ты не поверишь, откуда эти джентльмены. Милтон, штат Джорджия!»

«Ну, как вам это?» - говорит Билл. «А знаешь, молодую леди с большими рукавами? Она австралийка!»

«Большая нью-йоркская энергия», - шепчет Бен.

«Шшш!» Я толкаю его локтем, он толкает меня в ответ, и я не могу поверить, насколько это отличается от «Дэйва и Бастера» или даже от почтового отделения.

Я всю неделю напоминал себе, что неловкость между нами - это нормально. Видеть своего бывшего впервые за почти два года - не самая приятная ситуация, а встреча с его новым парнем? Совсем другой уровень странности. Но в этот момент почти трудно вспомнить, что эта неловкость вообще существовала. Я чувствую себя с Беном как дома.

Очередь движется быстро, и не успеваю я оглянуться, как мы уже сидим в центре ряда одинаковых прямоугольных столов, расположенных на расстоянии локтя друг от друга. «Что ж, здесь уютно», - говорит Бен, оглядываясь по сторонам.

«Ты имеешь в виду тот факт, что я могу буквально протянуть руку и потянуть эту даму за хвостик?»

«Именно это я и имел в виду. Трогать чужие волосы».

Мы улыбаемся друг другу.

«Итак», - говорю я.

«Так.» Он подпер подбородок рукой. «Никакой Джесси, да?»

Я делаю гримасу. «Она на работе».

«В День Поминовения?»

«Представляешь? Она там занимается бумажной работой. Это трагедия».

«Я бы плакал».

«О, я тоже, конечно. Я люблю свою работу и все такое, но...» Я останавливаюсь, посмотрев на Бена. «Подожди, как я могу не знать, чем ты занимаешься этим летом? Ты работаешь?»

«Немного. В основном пишу». Он наклоняется вперед. «Я хочу услышать о твоей шикарной театральной стажировке. Твой босс вроде как большая шишка, верно?»

Я сажусь ровнее. «Отчасти, да. В смысле, я не знаю, сколько людей за пределами сцены квиров слышали о нем, но он получил кучу наград».

«Ух ты. Он очень практичный? Например, вы с ним общаетесь?»

«О, конечно. В основном я работаю с Таджем, его ассистентом, но Джейкоб очень спокойный. Я постоянно задаю ему вопросы».

«Это чертовски круто», - говорит Бен. «Ты, наверное, ущипнул себя. Эта работа твоей мечты».

«Я знаю». Я прикусываю губу. «Но у меня с этим плоховато. Я постоянно путаюсь».

Бен слегка улыбается. «Я в этом сомневаюсь».

«В самом деле! Это потому, что здесь так много организационных моментов - электронных таблиц и учета, а я в этом полный профан. Видел бы ты Таджа. Он сортирует электронную почту по папкам. У него есть *специальный журнал*».

«Я не знаю, что это такое».

«Это просто модный дневник и органайзер. Не знаю, у него целая система для этого. Он просто во всем разбирается. Например, ты спрашиваешь его, когда придет посылка, а он такой: «Хочешь номер для отслеживания?»».

«Ненавижу номера отслеживания», - говорит Бен.

«Я тоже!»

«Хорошо, а как насчет твоей роли? В основном это электронные таблицы, или ты когда -нибудь занимаешься директорской работой?»

«Директорской работой?»

«Типа кричать в мегафон? Не знаю». Он следит за моим выражением лица и смеется. «Разве это не так?»

«О, это вся моя работа. Просто кричу в мегафоны. Часами». Он морщит на меня. «Да, нет. Это больше связано с электронными таблицами... В основном я просто делаю все, что Тадж говорит мне сделать. Например, в пятницу я должен был просмотреть всю эту косметику, чтобы избавиться от просроченной. И все в таком духе».

«Звучит не так уж плохо», - говорит Бен.

«До тех пор, пока я не намазал ею Джейкоба».

«Что?»

«Типа, Джейкоб пришел спросить нас о чем-то, а я держу в руках бутылку тонального крема, созданного для самых белых из белых людей. И, наверное, я просто разволновался потому, что я даже не осознаю, что нажимаю вверх и вниз на эту бутылочку. пока эта липкая масса не выплеснулась и не попала ему на бедро...»

«Приветик! Добро пожаловать в закусочную «Галактика Эйлин». Я Кэт. Могу я принять ваш заказ на напитки?» Я поднимаю глаза, и официантка с хвостиком мило улыбается, кладя на

стол пару меню. «Или мне лучше вернуться, когда вы закончите говорить о...»

«Макияж!» быстро говорю я. «Не... ты знаешь. Брызги были от косметики. Ту которую ты наносишь на лицо? Типа, для ухода за кожей?»

«А ты должен мазать лицо крайней плотью?» спрашивает Кэт.

Бен смеется так сильно, что едва может заказать себе кофе, и тут же объявляет Кэт своей самой любимой официанткой. Я беру меню, в основном чтобы было за чем спрятаться. Просматриваю список вариантов, и мне уже хочется есть: омлеты, жареный сыр, молочные коктейли. Но потом я смотрю на цены.

«Эм. Бен?»

Его глаза очаровательно всплывают над меню.

«Я и забыл, насколько здесь все дорого».

«Да, именно так и происходит с этими местами-ловушками для туристов».

«Нам не обязательно здесь есть. Почему бы нам не пойти перекусить бубликами или еще чем-нибудь?»

«Нет, смотри! У них есть бублики!» Бен покрутил меню, указывая.

«Я имею в виду бублик, который не стоит двузначную сумму».

«Артур, это не так. Я знал, на что шел».

Я изучаю его лицо, пытаюсь прочесть между строк его выражение. Он кажется искренним - но я никогда не был уверен, как поступить, когда речь заходит о деньгах с Беном. Было бы намного проще, если бы я просто заплатил за его ужин, но это выглядит так будто *он мой парень*, как будто я пытаюсь посягнуть на территорию Марио. Не то чтобы Марио казался территориальным. Честно говоря, это Бен, наверное, чувствует себя территориальным, теперь, когда я признался в любви к Марио через плюшевого мишку с когтистой машиной. Потому что я - я не могу подчеркнуть это - полная чертова катастрофа.

«Так что там с Марио?» спрашиваю я.

Бен выглядит ошарашенным. «Ты имеешь в виду...»

«Прости». Я краснею. «Я просто имею в виду, чем он сегодня занимается? Почему он не ест с нами шикарные рогалики?»

«О!» - говорит Бен. «Он в Лос-Анджелесе. Навещает своего дядю».

«О, точно! Он упоминал об этом».

Появляется Кэт с коллегой Бена. «Ребята, вы готовы, или вам нужно больше время, чтобы...?»

Она неопределенно размахивает руками.

«Готовы!» Я улыбаюсь ей широкой улыбкой, не говорящей о том, в которой не говорится о том, что у нее жирная кожа. В итоге я выбираю французский тост, и это звучит замечательно, пока Бен заказывает в меню закусок что-то на пять долларов дешевле. Секунду я хожу по кругу, пытаюсь решить, заставит ли изменение моего заказа Бена почувствовать себя более или менее застенчивым.

«Почему ты делаешь паническое лицо?» спрашивает Бен, как только Кэт уходит.

«Что? Ничего подобного!» Я сжимаю руки и подтягиваю их под подбородок. «И вообще! Как дела?»

Бен некоторое время изучает меня, прежде чем ответить. «Прилично. Бывало и лучше».

«Сноб. Ты явно проводишь слишком много времени с Диланом».

Он смеется, но в его смехе есть какая-то изюминка.

«Подожди, все в порядке?»

«Да, нет, абсолютно», - быстро говорит Бен. «Он просто... не знаю. Он был каким-то отстраненным в последнее время».

«Отстраненным?» Я наклоняю голову, думая о выходках Дилана с когтистой машиной. «Как отделился от реальности?»

Бен смеется. «Это трудно объяснить».

«Ну, расскажи мне об этом».

«Просто...» Он делает паузу. «Я имею в виду, что, возможно, я слишком много читаю вещи. Я уверен, что он просто занят. И это здорово, потому что я тоже».

«Теперь у тебя есть Марио», - говорю я, кивая, но выражение лица Бена посылает мой желудок в свободное падение. «Ладно, я чувствую, что это вышло странно».

«Нет...»

«Я просто хотел сказать, что рад за тебя. Марио кажется потрясающим, и я рад, что у тебя есть парень, который делает тебя счастливым».

«О, это не так. Он не мой парень».

«Он... нет?»

«Не совсем», - добавляет Бен, и я уверен, что он говорит по-английски. Но прежде чем до меня доходят слова, возникает пауза. Я как будто жду прямого перевода с субтитрами.

Бен только что сказал, что Марио не его парень?

Непонятно. Я не пытаюсь быть глупым, но я видел, как они целовались среди бела дня. Так поступают со своим парнем, а не с каким-то случайным парнем, с которым ты переспал.

Ладно, возможно, было небольшое количество поцелуев при дневном свете до того, как мы с Майки стали встречаться, но не на чертовом посту. Простите, но есть две и только две причины для поцелуя в ресторане. Либо тебе только что сделали предложение через пепельную толпу, либо ты прощаешься со своей первой любовью перед тем, как вернуться домой в Джорджию. Все остальное - просто излишнее PDA.

«Артур?»

Я резко поднимаю голову. «Хм?»

«Почему у тебя такие большие глаза?»

«Это просто мои глаза».

Бен поднимает брови. «Ты думаешь, я не знаю, как выглядят твои глаза?»

Мое сердце подпрыгивает в горле - что совершенно бессмысленно. Глаза, Артур. Это не интимное заявление. Он не говорит о твоём члене. Незнакомцы в метро знают, как выглядят твои глаза.

«Я просто хочу сказать, что тебе не нужно скандалить по этому поводу», - говорит Бен. «Это чего мы с Марио оба хотим. У нас все хорошо, нам весело вместе, и мы делаем друг друга счастливыми. Мы просто еще не дошли до стадии «больше не люблю тебя», как вы с Майки».

«Подожди, что?»

«Привет, Нью-Йорк!» - гремит усиленный голос. Я поворачиваюсь боком на своем месте, вытягивая шею - официант с микрофоном стоит прямо позади меня. «Похоже, вы забрели в «Эйлинс Galaxy Diner!» Аплодисменты раздаются из каждого уголка закусочной. «Я Блэр, но сейчас я передам микрофон своим подругам Кэт и Дана...»

Я оглядываюсь на Бена. «Нашей Кэт?»

«Которые собираются... ладно, Дана принесет нам немного выпивки, но потом они ослепят вас своим необыкновенным талантом. Ты готова, Дана? Да! Хорошо! Это... «Dance with You» от The Proooooom!»

Блэр запрыгивает на перегородку, когда зазвучали первые ноты фоновой музыки. Когда я оборачиваюсь Кэт стоит в нескольких футах позади Бена, сжимая микрофон в обеих руках. Бен поворачивает свой стул в сторону, что дает мне идеальный обзор на его раскрытый рот, когда Кэт начинает первый куплет.

«Святое дерьмо». Он снова поворачивается ко мне. «Они все так хороши?»

«В основном».

«Ну что ж, я впечатлен».

Я смеюсь. «Я тоже! Я просто хочу сказать, что все здесь потрясающие. Вот увидишь».

Но на самом деле я даже не замечаю, когда вокал переключается на Дану. я не могу сосредоточиться на музыке, я все время возвращаюсь к тому, что Бен сказал о Майки. Стадия «я тебя больше не люблю»? Он действительно думает, что у нас с Майки все так серьезно. Очевидно, мы серьезны в том смысле, что называем друг друга парнями и иногда занимаемся сексом. Но *любовь*? И чтобы Бен так просто предположил это?

Когда песня заканчивается, раздается взрыв аплодисментов. Через минуту появляется Кэт с едой, и я становлюсь свидетелем еще одного интригующего представления: Бен Алехо в невербальной роли фанбоя, заметно теряющего голову.

«Не могу поверить, что у тебя сейчас бродвейское пробуждение, в этот самый момент».

Бен берет палочку моцареллы. «Как скажешь».

«Я уверен, что узнаю радостные возгласы, когда слышу их».

Бен смотрит на меня безучастно.

«Колыбельная Бродвея»? Из «42-й улицы»?»

«О, а к «пробуждению» прилагается полная энциклопедия малоизвестных бродвейских упоминаний на Бродвей?»

«Ты только что назвал «42-ю улицу» малоизвестной?» Он поднимает ладони вверх. «Бен, она получила премию Тони. А потом «возрождение» получило «Тони».

«Прости?»

«Неприемлемо. Я составляю тебе плейлист. Нет, знаешь что? Я делаю целый *плейлист* из плейлистов. Один для баллад, другой для песен о любви...» Я чувствую, как мои щеки становятся теплыми. «О, и чтобы ты знал, мы с Майки еще не обсуждали это».

Бен держит палочку моцареллы наперевес. «Плейлист?»

«Нет, про «я-тебя-люблю». Мы еще не говорили об этом».

«О!» Он моргает. «Прости, я просто подумал...»

«Нет, ты не. Да, мы просто...» Боже, я даже не знаю, как закончить это предложение. Но Бен смотрит на меня, ожидая услышать остальную часть моего бреда.

«Я думал об этом. Очевидно, что я люблю его. Я просто не знаю, буду ли я...» остановилась.

«Если ты влюблен в него?»

Я запихиваю в рот огромный кусок французского тоста, сканируя комнату, пока жую. Может, официант сейчас начнет петь? Может быть, хороший, громкий, номер с полным ансамблем?

Кто-нибудь?

«Можешь не отвечать», - говорит Бен.

Я сглатываю. «Я знаю».

В моей груди что-то замирает, когда наши глаза встречаются. Я быстро отвожу взгляд. «Просто иногда это трудно понять. Я всегда думал что любовь - это определенное чувство, которое либо есть, либо его нет. Но с Майки это просто...» Я поднимаю ладони вверх и снова смотрю на Бена. Он ничего не отвечает. Он просто хмурит брови и смотрит на меня.

«Но я не думаю, что это должно быть похоже на Бродвей, понимаешь? Это не роман. Это просто, я не знаю. Реальная жизнь. Он делает меня счастливым. И мне нравится кто он есть как личность».

«Он кажется замечательным».

«Так и есть». Я улыбаюсь. «Например, он очень смешной, но такой тихий, что почти никто не знает, что он смешной. Так что ты чувствуешь себя причастным к какому-то секрету. И он такой умный. И он умеет петь - простите, я знаю, что говорю как контрольный список».

«Нет, я понимаю», - говорит Бен.

«Просто... Я много об этом думаю, на самом деле. Я все время пытаюсь сложить все это в своей в голове. Например, в какой момент все это означает, что я в него влюблен?»

Бен морщит нос. «Почему ты пытаешься превратить любовь в математическую проблему?»

«Я не пытаюсь, клянусь!» Я смеюсь. «Я просто хочу знать, вот и все. Я все жду, когда случится этот щелчок или что-то в этом роде, и, может быть, это не... не знаю. Возможно, я делаю это неправильно. Возможно, через год я оглянусь назад и скажу: «Вау, я был влюблен в него в него все это время», верно?»

Я двигаюсь на своем месте, чувствуя себя неловко и странно. Я никогда не говорил ничего подобного вслух, а теперь мне хочется выхватить эти слова обратно из воздуха. Все эти вопросы о Майки, эти крошечные мысли на заднем плане в моей голове. Как будто они выделены жирным шрифтом и напечатаны на моем лице: АРТУР НЕ ЗНАЕТ СВОЕГО СОБСТВЕННОГО СЕРДЦА.

Дело в том, что два года назад, с Беном, у меня не было ни малейших сомнений.

Я отгоняю эту мысль и с готовностью поворачиваюсь к Бену. «Серьезно, тебе стоит прийти и познакомиться с ним в следующие выходные», - говорю я. «И Марио, конечно, тоже».

«Точно». Бен делает паузу. «Марио все еще будет в Лос-Анджелесе».

«Но ты ведь будешь здесь?»

«Да. Но... не будет ли это странным?»

«Что? Ни в коем случае. Я знаю, что Майки будет рад познакомиться с тобой! Он много слышал о тебе. Не в том смысле, что он слишком много о тебе слышал...»

«Конечно, нет. Никогда».

«Заткнись. Я просто говорю». Я ухмыляюсь. «Это будет весело! Столкновение вселенных! Ты знаешь, я на самом деле думаю, что у вас, ребята, все получится. У вас много общего».

«Правда?»

«Ну, у тебя есть я», - говорю я. «И меня много».

Оказывается, изумленный смех Бена по-прежнему один из лучших звуков на земле.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

БЕН

Четверг, 28 мая

Kool Koffee не сильно изменилась за последние пару лет. Бывалые завсегдатае Саманты все еще узнают ее, сидя за столиком у двери вместе со мной и Диланом. Это как будто она какая-то знаменитость, приехавшая домой, и она до сих пор помнит так много о них:

«Крепкий кофе без кофеина, Брайан?»

«Ты был так прав, уезжая на учебу, Грег».

«Еще раз поздравляю со свадьбой, Стефани!»

«Нужно ли нам купить тебе маскировку?» спрашиваю я Саманту. «Может быть солнечные очки».

«Бен, мы попросим тебя нанести консилер, чтобы скрыть твои веснушки?» спрашивает Дилан.

«Нет, потому что в этом доме мы не прячем красоту».

«Мы в кофейне».

«Это такое выражение.»

«Для людей, которые живут вместе».

Дилан смотрит на меня поверх своего мокко с двойным эспрессо и двумя порциями карамели.

«Привет, я все еще здесь», - говорит Саманта и машет рукой. «В любом случае, Бен, нас постоянно прерывают».

«Твои поклонники», - говорю я.

«Мои обожаемые друзья, да. Так почему ты так нервничаешь из-за встречи с Майки?»

Прошло уже несколько дней после встречи с Артуром в закусочной, но мысль о том, чтобы пообщаться с Майки все еще гложет меня. Мне даже пару раз снились сны, в которых Я – третий лишний, когда они целуются у меня на глазах. Это доводит меня до того, что я просыпаюсь посреди ночи и пытаюсь работать, но мой эскапистский мир кажется мне загрязненным из-за сцен с королем Артуро.

«Не знаю, насколько хорошо я буду себя чувствовать после встречи с Майки», - отвечаю я.

«Тогда, может быть, тебе не стоит с ним встречаться», - говорит Саманта.

«Но Артур встречался с Марио», - говорю я.

«Потому что ты тоже думал, что Майки будет там. И у тебя были мы».

Я вожусь с остатками льда из моего лимонада. «Я хочу быть хорошим другом. И Артур пришел, хотя знал, что Майки не будет там. Я просто думаю, что сейчас, когда я отказываюсь, это выглядит странно».

«Просто соври и скажи, что ты работаешь над своей книгой», - говорит Дилан.

«Я имею в виду, что я работаю над своей книгой».

«Милый маленький лимонадный перерыв».

Я слегка смещаюсь, чтобы оказаться лицом к лицу с Самантой. «Я просто не думаю, что это если Артур может провести всю ночь со своими людьми, а я не могу встретиться с Майки». Саманта кивает. «Может, ты докажешь, что ошибаешься, и Майки не заставит тебя чувствовать себя неполноценным - не то, чтобы я думала, что он должен».

«Конечно, нет», - говорит Дилан. «Я писал о тебе стихи. Ты думаешь, я пишу стихи о Майки?»

«А ты планируешь написать что-нибудь для меня?» спрашивает Саманта.

«Ты планируешь дать поэту возможность дышать? Всему свое время». Дилан прячется за рукой и говорит: «Помоги мне написать стихотворение».

«Напиши свое собственное стихотворение», - говорю я ему. «Между нами, Артур сказал, что он и Майки еще не сказали «Я люблю тебя»», - добавляю я.

Глаза Дилана расширяются. «Но они были вместе целую вечность в гейские годы».

«Пожалуйста, подарите мне календарь с годами геев».

«Тебе бы это понравилось, правда?» Дилан подмигивает.

Саманта вздыхает и поворачивается к Дилану. «Я отключаю тебя на две минуты». Она достает свой телефон и устанавливает таймер. «Последние слова?»

«Ты пожалеешь об этом», - говорит Дилан.

«Я всегда жалею». Саманта целует его в щеку и нажимает старт на таймере. «Бен, у нас не так много времени. Я бы не стала тратить столько сил на выяснение отношений Артура и Майки. Это они должны выяснить, а не ты беспокоиться об этом».

Она права. Артур мог бы сказать Майки «Я люблю тебя» в эту самую секунду.

«Думаю, я бы не заикливался на этом, если бы у нас с Марио все было более-менее ясно. Но это похоже на негласное соглашение, по которому мы не хотим разрушать хорошие отношения. Это просто тяжело, - говорю я.

Между плотно сжатыми губами Дилан бормочет: «Он так и сказал».

Саманта добавляет к таймеру еще тридцать секунд. «Бен, тебе нужно все выяснить с Марио. Ты заслуживаешь того, чтобы знать, что кто-то чувствует к тебе. Дилан ясно дал понять о своих чувствах».

«Бизнес будущей жены», - говорю я. «Прямо в этом самом магазине».

Саманта смеется. «Может, иногда он говорит слишком много. Но, по крайней мере, я знаю о чем он думает». Она поворачивается к Дилану и крутит в руках свое ожерелье. «Я люблю тебя».

«Я тоже тебя люблю», - говорит Дилан.

Он целует ее и добавляет к таймеру еще тридцать секунд.

Это то, чего я хочу от отношений.

Теперь мне нужно понять, чего я хочу от дружбы с Артуром.

Я не говорю вслух о том, как сильно я скучаю по Артуру. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я потерял сон из-за этого, но отсутствие его в моей жизни тяготит меня. Было время, когда мы могли говорить о всяких мелочах, например о том, что он делает в колледже. Но я держал свои дела при себе, потому что не хотел ранить его чувства. Даже такие мелочи, как то, что я заметил, каким симпатичным был Марио, когда я поступил в колледж. Возможно, мне не стоило сдерживаться - Артур никогда этого не делал. И даже после того, как я отключил звук в его Instagram, мне все равно приходилось уклоняться от вопросов «Как Артур?» от моих родителей. Именно поэтому я вычеркнул нашу старую любовь из своей книги. Это было слишком.

Но я больше не хочу бояться Артура и его жизни. И я не хочу хоронить его, как будто ему нет места в моей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АРТУР

Пятница, 29 мая

Эскалатор продолжает выбрасывать людей, которые не Майки. Должно быть правило против этого, что-то в уставе, требующее одного помятого поездом парня на каждую дюжину незнакомцев в брюках.

Ничего не остается делать, как зависнуть под табличкой «Прибытие/отправление», держа в руках букет из купленных в винном магазине цветов. Надо было подарить ему что-нибудь полезное, например солнцезащитный крем или проездной на метро, но как я мог устоять перед двумя дюжины роз за двенадцать долларов?

Мой телефон гудит от входящего сообщения, и я бросаюсь проверять его.

«Звучит неплохо, скоро увидимся!»

Вполне нормальное сообщение от моего почти пришедшего парня.

Но это не от моего парня.

Я всматриваюсь в слова, с трудом выговаривая их, пока...

«Привет, извини, я ищу Чеда с корпоратива?»

Лицо Майки, но его нет на экране моего телефона. Я обхватываю его руками так быстро, что чуть не ударил его розами. «Ты здесь!»

«Я знаю!»

«Не могу поверить. Ты был в Бостоне». Я обнимаю его сильнее. «Майки!»

Он смеется, коротко и задыхаясь. «Долгие две недели».

«Ты говоришь мне». Я отстраняюсь, чтобы посмотреть на него, и его щеки мгновенно становятся розовыми.

Я не могу его поцеловать. Майки так стесняется PDA, и это не может быть более публичным, чем в главном терминале Пенн Стейшн. Но то, что он здесь, похоже на первые несколько шагов на американских горках, когда твердая земля кажется совершенно новой.

Хорошо. Это хорошо. Математика подтвердилась. *Две недели без Майки равны Я так чертовски рад, что он здесь.* Я чувствую все, что должен чувствовать. Ничего лишнего.

Никаких странных сомнений или невысказанных вопросов. Ничего, кроме...

Ничего, если мы увидим Бена сегодня вечером?

Эй, так Бен встречается с нами за мороженым.

Все будет нормально. Я даже не волнуюсь, понимаешь? Мы все обсудим в метро и все будет улажено еще до того, как мы доберемся до Коламбус Сёркл.

Вот только Коламбус Сёркл приходит и уходит, а потом приходит и уходит Линкольн-центр, а потом мы окажемся на Семьдесят второй улице, свернем за угол мимо «Цитареллы», а я все еще не сказал ему.

Не то чтобы я избегал этой темы. Но в метро было тесно и душно, а Майки выглядел таким потрясенным, что глаза его были широко раскрыты. И сейчас он как раз рассказывает мне о ночной поездке хора восьмиклассников, его единственном посещении Нью-Йорка. Болтливый Майки, его редчайшая и самая очаровательная природная форма. Я ни за что не собираюсь прерывать этот разговор. Я даже не вклиниваюсь, чтобы сказать ему, что мы добрались до моего дома. Я просто достаю ключ и вставляю его в замок, пока он говорит.

Но как только мы остаемся одни в холле, я целую его так крепко, что он роняет свои розы.

Я с трудом могу поверить, что он здесь. Майки в реальной жизни, во всех трех измерениях. В Нью-Йорке. В этом здании. Это как столкнуться с учителем математики в Пабликсе или увидеть птицу в своем окне. Это просто не кажется научно что я могу целоваться с Майки в том же месте, где я забираю почту для своего двоюродного дедушки Милтона.

Когда мы наконец всплываем на поверхность, Майки очаровательно взволнован.

«Хорошо!» говорю я, слегка задыхаясь. «Это вестибюль».

Майки собирает свой букет на крыльце. «Пока все хорошо».

В лифте мы странно стесняемся друг друга. Майки все время испугавшись собственного отражения в зеркальных стенах лифта, а я продолжаю улыбаться в свой телефон, думая о том, что Джесси обычно не бывает дома еще час или около того. И, конечно же, мы не встретимся с Беном до девяти. О чем я расскажу Майки об этом в ближайшее время. На этот раз по-настоящему. Я расскажу ему, как только мы как только устроимся дома.

Лифт с грохотом приземляется на третью крышу, и я хватаю чемодан Майки. Но как только моя рука нащупывает ручку 3А, дверь распаивается.

«Эй! Извините!» Джесси распаивает дверь, лучезарно улыбаясь. «Я не хотела мешать вам.

Просто уронила ноутбук. Я встречаюсь с Намратой и Джульеттой для закуски. В общем,

Майки! Привет! Я очень рада, что ты здесь».

«Рад быть здесь». Он застенчиво улыбается.

«Напомни мне, во сколько ты встречаешься с Беном?» - спрашивает она, поворачиваясь ко мне.

Мой желудок опускается. «Эм. Мы еще не...»

Брови Джесси взлетают вверх с самым кристально чистым в мире выражением «*Какого хрена? Артур?*»

Майки не произносит ни слова даже после того, как она уходит. Он просто следует за мной в квартиру, где я слишком громко захлопываю дверь, а затем возится с выключателями. Мое сердце колотится так сильно, что я практически чувствую его вкус. «Привет. Я как раз собирался тебе сказать».

Он смотрит вниз на крышу, выражение его лица непостижимо. Когда он наконец заговорил, его голос слабый, как у призрака. «Ты что-то делаешь с Беном сегодня вечером?»

«Мы!» быстро говорю я. «О Боже, только не без тебя. Вот, извини, я не хотел заставлять тебя стоять в фойе». Я слабо смеюсь, раскидывая руки.

«Добро пожаловать в квартиру дяди Милтона».

Майки молча кивает.

«Хочешь пить? Я могу принести тебе воды или... не знаю. Думаю, может быть, есть кола...»

«Я не хочу». Он смотрит в сторону от меня.

«Хорошо.» Я пересекаю комнату, опускаюсь в любовное кресло, сдвигаясь в одну сторону, чтобы освободить место. «Мы можем поговорить об этом?»

Он не отвечает, но ставит свои цветы на стол и устраивается рядом со мной, его спина идеально прямая. Когда я беру его за руку, он не отстраняется, но и не прижимается к ней. От привычной мягкости из холла не осталось и следа. Я изучаю его взгляд. «Майки».

Он смотрит на свои колени. «Значит, мы встречаемся с Беном. Сегодня вечером».

«Я знаю, что это не идеально. Просто завтра днем у нас шоу, а потом у Бена ужин с Диланом, а потом Марио возвращается из поездки, и ты уезжаешь так рано в воскресенье, так что...»

«Сегодня вечером. Понял.»

«Только позже. И это только на десерт, и я думаю, тебе понравится место, которое я выбрал».

Я сжимаю его руку, но он не поднимает глаз. Я колеблюсь. «Я просто очень хочу, чтобы вы познакомились друг с другом, понимаешь? Это важно для меня».

Майки наконец-то встречает мой взгляд. «Почему?»

«Потому что ты важен для меня? Не знаю. Он мой друг, и я хочу чтобы он встретил парня, который сделает меня очень, очень счастливым. Хорошо?»

Его выражение лица смягчается. «Хорошо».

«Майки Маус, мне так жаль. Я не должен был сваливать это на тебя буквально в ту же секунду как только ты вошел в дверь».

«О, я был еще в коридоре». Он слегка улыбается.

«Ну, теперь ты здесь». Я целую его в щеку, а затем кладу голову ему на плечо. «Ты хоть понимаешь, как сильно я по тебе скучал?»

«Я тоже».

И в течение нескольких часов мы так и лежим, прижавшись друг к другу на диване. То есть мы немного целуемся, но только под канал Disney. Мы даже не поднимаем о возможности секса. Может быть, это пустая трата драгоценного времени наедине с собой, но это приятно. Мы заказываем пиццу, и я вынимаю свои линзы и надеваю очки. К тому времени, когда мы закончили есть, до встречи с Беном оставался еще час или около того, но я уговариваю Майки отправиться пораньше, чтобы по дороге показать ему Центральный парк.

Конечно, Майки почти не разговаривает всю дорогу по Семьдесят пятой улице, поэтому мой мозг решает заполнить пространство непрерывной словесной рвотой. «Там есть вход на Семьдесят седьмой, я думаю, если ты хочешь заглянуть туда, или мы можем просто повернуть назад к Музею естественной истории. Это прямо там». Я показываю вперед, и бросаю взгляд на Майки, который неопределенно улыбается и кивает. Я делаю вдох и продолжаю. «Ты когда-нибудь смотрел *«Ночь в музее»*? С Беном Стиллером?»

«Я... кажется, да? Не помню. Я был совсем маленьким».

«Я отказывался смотреть его до второго класса средней школы, потому что я знал, что там будет кит, а Майки, я так боялся кита».

«Кита?»

«Э-э, гигантский гребаный кит, свисающий с потолка?» Я смотрю на него недоверчиво, когда мы переступаем бордюр и переходим дорогу. «Как ты можешь не знать про кита? Он мой заклятый враг. Я собираюсь... Ладно, знаешь что, по-моему, он открывается завтра, может быть, в десять? Во сколько у нас шоу, в два?»

Майки поднимает брови. «Я не хочу заставлять тебя смотреть на страшного кита».

«Я бы это сделал. Майки Маус, я бы сделал это для тебя».

Он смеется, а затем выдыхает, его плечи поднимаются, а затем опускаются. Мгновение

спустя он хватает меня за руку. Я испуганно поднимаю на него глаза. Мы только что проехали Колумбус Авеню, солнце только-только начало садиться, и нас окружают люди. Это меня нисколько не беспокоит, но Майки?

Он сжимает кончики моих пальцев. «Все в порядке?»

«Да. Боже. Конечно». Я изучаю его профиль. «Я просто... Я не хочу, чтобы ты чувствовал себя некомфортно».

«Я и не хочу». Он делает большой дрожащий вдох.

«Это прозвучало некомфортно».

Майки смеется. «Нет, мне хорошо. Извини. Да.»

Какое-то время мы идем в тишине, наши руки все еще переплетены. Когда мы доходим до Амстердам-авеню, я подталкиваю его. «Это моя пекарня с теплым печеньем», - говорю я, указывая на Levain.

«Это там мы встречаемся с Беном?»

«Нет. Хотя почти там. Мы придем довольно рано».

Он быстро кивает, поджав губы.

«Не нервничай!» Я немного смеюсь, притягивая его ближе. «Обещаю, он не страшный. Он тебе понравится».

«Я знаю», - говорит Майки. «Это не... да. Я - не».

«Ты готов стать больше, чем «не»?» Я наклоняю подбородок. «Конец квартала, направо».

Майки смотрит вниз по улице, прищурившись, и все его лицо озаряется, как только он видит ее. «Ты шутишь».

«Эмак и Болио» белыми заглавными буквами на фоне основного зеленого навеса. Думаю, я бы даже не обратил на него внимания, если бы Майки не вбил мне в голову это название. Это его любимое кафе-мороженое в Бостоне. Его сестра и ее муж обручились и там же Майки открыл его брату. Когда мы заговорили о лете в Бостоне, это было первое, что он упомянул.

«Я и понятия не имел, что это здесь».

Он выглядит изумленным. Мы пришли почти на тридцать минут раньше, поэтому устроились на скамейке у входа в магазин. Майки снова стал тихим, и я не могу понять его сегодняшнего настроения. Не думаю, что он все еще расстроен из-за Бена. Ведь еще минуту назад минуту назад он был практически в восторге от презентации «Эмак и Болио» – не говоря уже о беспрецедентном публичном рукопожатии по дороге сюда. Но каким-то образом наши руки разошлись при переходе от тротуара к скамейке, и Майки определенно решил оставить между нами несколько дюймов свободного пространства.

Теперь он продолжает украдкой поглядывать на меня, как будто мы незнакомцы, разглядывающие друг друга на вечеринке в общежитии. Но каждый раз, когда я пытаюсь поймать его взгляд, он резко отводит глаза.

«Майки Маус», - говорю я неловко. «Я не могу понять, все ли с тобой в порядке».

«Я люблю тебя», - говорит он.

Я просто смотрю на него, ошеломленный.

«Боже. Прости, я...» - выдыхает он. «Я набирался смелости всю дорогу сюда. Я чувствую себя так...»

«Боже мой. Майки. Не извиняйся, ладно?» Я прижимаю руку к груди, как будто это поможет мне перевести дыхание. Я едва могу отличить свои мысли от биения сердца. *Он любит меня. Любит меня. Любит. Меня. Майки, который краснеет когда я его целую. Майки, чей подарок на День святого Валентина - заправка моей машины бензином. Майки, который приехал на поезде из Бостона, чтобы увидеть меня. Майки любит меня.*

Мой мозг не может удержать эту мысль.

Он закрывает глаза и открывает их снова - и вдруг его лицо как бы застывает.

«Думаю, Бен здесь», - тихо говорит он.

Я качаю головой. «Не может быть. Он никогда не приходит рано. Никогда...». Но это слово замирает у меня на языке.

Потому что по Амстердам-авеню идет мальчик в джинсах и темной футболке, и это безошибочно Бен Алехо. Он поднимает глаза от своего телефона и улыбается, увидев нас.

Он пришел на двадцать минут раньше. «Майки...»

«Все в порядке. Серьезно». Он начинает вставать, но я быстро хватаю его за руку и сжимаю ее.

«Поговорим позже», - говорю я и слегка задыхаюсь. «Продолжение следует, хорошо?»

Он молча кивает и поправляет очки, и это такой знакомый жест Майки. Жест, от которого у меня начинает болеть горло. Когда я встаю, мои ноги словно резиновые. Как у Гамби.

Люди так делают, верно? Парни и друзья должны встречаться. Это самая нормальная вещь в мире. Так почему мне кажется, что я пытаюсь втиснуть две вселенные в одну солнечную

систему? Каковы мои границы? Как мне вообще сформулировать вступление? Парень, с которым я потерял девственность, познакомься с парнем, который только что сказал. *Я люблю тебя* в первый раз буквально две секунды назад.

«Разве ты не собираешься похвалить меня за то, что я пришел раньше?» спрашивает Бен, улыбаясь в той фальшиво-гордой улыбкой, которую он иногда делает, когда на самом деле гордится собой, но чувствует себя странно это говорить. Когда он поворачивается к Майки, его улыбка становится немного более застенчивой. «Приятно познакомиться».

«Мне тоже. Я слышал... много о тебе».

Бен выглядит заинтригованным. «Да?»

«Привет!» Я сжимаю руки вместе так крепко, что костяшки пальцев белеют.

«Кто-нибудь хочет мороженого?»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

БЕН

Пятница, 29 мая

Время быть третьим лишним.

Я смотрю на меню, как будто это просто очередной вечер с друзьями, а не моя первая встреча с новым парнем бывшего. Его новым парнем, который, очевидно, много слышал обо мне. В этом нет ничего удивительного – мы же говорим об Артуре. Артур, которому всегда приходится заполнять паузу.

«У этого блюда так много вкусов», - говорю я.

«Майки здесь профи», - говорит Артур, держа руку Майки так, будто это воздушный шарик, который он не хочет отпускать. «Что ты посоветуешь?»

«А чем ты увлекаешься, Бен?» спрашивает Майки.

Когда он произносит мое имя, мне становится тесно в груди. С каждой секундой он становится все реальнее и реальнее, и мне очень хочется, чтобы Марио, Дилан или Саманта были со мной прямо сейчас.

«У меня все просто», - говорю я. «Мне подойдет клубничное».

«У тебя отличный вкус», - говорит Артур. «В мороженом», - добавляет он. «И в людях тоже, разумеется. Я не о себе, я о Марио».

Мы с Майки смотрим на Артура. Обычно мне бы это показалось забавным, но тут просто очень неловко.

Артур показывает за прилавок. «Как думаешь, они разрешат мне охладиться в их холодильнике?»

«Не думаю, что это гигиенично», - говорит Майки.

Артур кивает. «Точно».

Интересно, будет ли эта тусовка легче, если мы просто обсудим слона в комнате. Да, мы с Артуром любили друг друга. Да, мы с Артуром расстались, потому что не думали, что отношения на расстоянии сработают. Да, Артур начал встречаться с Майки и расстояние не стало помехой. Если мы собираемся говорить обо всем этом, то это не мое место. Они - пара, а я сегодня - дополнение.

Но я могу отвлечь. «У тебя есть какие-нибудь рекомендации по вкусам, Майки?»

Майки смотрит в меню. «Пирог с кузнечиками» - это, безусловно, отличный выбор, и я уважаю право каждого на выбор, но лично я не буду выбирать его сегодня».

«Я тоже», - говорю я со смехом.

Артур смеется следом, немного громко.

«Мне подходят любые фрукты», - говорю я.

«Манго в Гоа самое вкусное», - говорит Майки, его глаза загораются. «Я угощаю».

Мне вдруг становится неловко, что Артур заговорил о том, какой я бедный.

«Нет, пожалуйста, я сам», - говорю я. «На самом деле, позвольте мне заплатить за вас в качестве приветствия в Нью-Йорке».

«Я угощаю», - говорит Артур. «Вы, ребята, можете пойти и занять столик. Майки Маус, как обычно?»

«Ага», - говорит Майки.

Майки Маус? Довольно пошловатое прозвище. (Черт, каламбур не предназначен.) Я не могу судить, учитывая, что Бенджамин - довольно нелепое имя для главного персонажа, с которым я могу смириться только в фэнтезийном романе.

Кроме того, здорово, что у Артура есть свой Майки Маус. У меня есть мой Супер Марио».

Мы с Майки устраиваемся за столиком у окна, откуда видно группу людей, смеющихся у ресторана, которые обнимаются, прежде чем разойтись в разные стороны.

«Так у тебя есть обычное блюдо?» спрашиваю я.

«Пирог с грязью», - говорит Майки. «Звучит отвратительно, но он приправлен шоколадной стружкой и крошками «Орео». Можешь попробовать мой, если хочешь».

«Спасибо, я дам тебе насладиться им. Вы часто бываете в Нью-Йорке?»

«Вообще-то впервые за много лет», - говорит Майки.

«С возвращением. Ты планируешь посетить какое-нибудь шоу?»

Майки кивает. «И осмотреть некоторые достопримечательности».

Затем наступает неловкое молчание. Я знаю, что мне было не по себе от идеи встретиться с Майки. Теперь мне интересно, как он отнесется к встрече со мной.

Между ними определенно есть какая-то энергия. Я бы не сказал, что это химия, точно. (Но не верьте на слово бывшему школьнику, изучавшему химию летом). Вижу, что они заботятся друг о друге, но, наверное, я всегда ожидал, что они будут сиять ярко, как бродвейские огни.

Возможно, я застал их врасплох тем, как рано я пришел. Я просто не хотел опаздывать и создавать впечатление, что я не воспринимаю эту встречу всерьез.

Это много значит для Артура, а значит, и для меня.

Тем не менее, это первый вечер Майки в Нью-Йорке за много лет, и он проводит его поедая мороженое с бывшим парнем своего парня. Должно быть, это похоже на встречу с призраком романтического прошлого Артура. Я был его первым поцелуем, его первым парнем, первым человеком, с которым он занимался сексом, первым расставанием, над которым он плакал. Но, возможно, он совсем не возражает, потому что он так уверен в их будущем.

Может, я и был первым, но он останется навсегда.

«Вуаля, господа». Артур возвращается со всем мороженым, и только у него с рожком. «Так что же я пропустил?»

Мы с Майки начинаем перебивать друг друга и одновременно замолкаем. Потом он настаивает, чтобы я пошел, а я настаиваю, чтобы он пошел. Такое впечатление, что мы оба пытаемся не привлекать к себе внимания. Лучше погрузиться в тень.

«Я как раз говорил Бену, как я рад вернуться», - говорит Майки.

«Это будет так весело», - говорит Артур.

Артур поправляет очки, и это действительно заставляет меня задуматься о том, что люди не могут отличить Супермена от Кларка Кента. Супермен и Артур привлекательны и без очков, но когда они в них они преображаются до неузнаваемости. Не то чтобы я был влюблен в Супермена - это персонаж комиксов. И не то, чтобы я был влюблен в Артура; он мой бывший парень. Можно считать кого-то привлекательным, не желая быть с ним, верно? Это как если бы Дилан указывал на горячих парней потому, что он хочет, чтобы я встречался с ними, а не с ним. Честно говоря, присяжные еще не определились в этом вопросе.

Но я уверен в своих чувствах, и если говорить об Артуре, то они совершенно платонические. *Очевидно.* «Какие шоу вы планируете посмотреть?» спрашиваю я.

Они рассказывают мне о своих планах, но я отвлекаюсь, когда Артур и Майки обмениваются рожками и стаканчиками, без слов, как будто делали это уже тысячу раз. И когда телефон Майки зазвонил на столе, Артур заставил его замолчать. Я бы посчитал это пассивно-агрессивным, но Майки благодарит Артура. Может быть, Майки любит быть в центре внимания, и Артур знает это о своем парне.

Несколько раз, когда я заглядывал в Instagram Майки, он не выкладывал посты регулярно, как многие из тех, кого я знаю. Он не пытается казаться инфлюэнсиром, притворяться, что у него

необыкновенная жизнь, или хвастаться тем, что он ел в тот день. Он настоящий.

Майки настоящий.

И он сидит прямо напротив меня.

Было время, когда я хотел, чтобы Майки был самым худшим человеком на свете, чтобы мне не переживать из-за того, что Артур предпочел ему меня. Но он не худший.

Я хочу быть счастливым за них. Особенно за Артура.

Счастье - сложная штука, когда речь идет о человеке, который раньше делал тебя счастливым.

«Надеюсь, вам понравится шоу. Не опаздывайте», - говорю я со смехом.

Артур криво улыбается и качает головой. «Это было невесело».

«Что не было?» спрашивает Майки.

«Уверен, Артур рассказал тебе, как я испортил нам встречу с *Гамильтоном*».

«Не рассказывал», - говорит Майки.

Мне вдруг захотелось повернуть время вспять, потому что я очень не хотел упоминать историю свиданий. Но это трудно, когда это все, что у нас с Артуром на самом деле есть.

«Я опоздал в театр, и мы не успели купить билеты», - говорю я. Я не упоминаю о том, как мы с Артуром сидели на улице на тротуаре и слушали музыку.

Майки качает головой. «Это душераздирающе».

«Одна из многих причин, по которым я стал лучше относиться к тому, чтобы больше не опаздывать», - говорю я.

Все, что я говорю, кажется неправильным. Как будто я пытаюсь дать Артуру понять, что теперь я лучше. Но дело не в том, что я пытаюсь вернуться к нему. Я просто не знаю, как с ним дружить, если мы так и не стали друзьями с самого начала.

Не говоря уже о том, что, уклоняясь от него в социальных сетях в течение нескольких месяцев, я оказался совершенно не готов к реальности того, что у Артура есть серьезный парень. Мне надо было подогреть интерес фотографиями.

Но, с другой стороны, насколько серьезными они могут быть, если еще не сказали «*Я люблю тебя*»?

«Так ты писатель», - говорит Майки.

«Я не публикуюсь».

«Но ты все равно писатель, верно?»

«Да. Я пишу о волшебнике Стью.»

«У него сотни, может быть, даже тысячи читателей, которые хотят от него большего», - говорит Артур. «Так и должно быть - я так люблю эту историю».

Возвращаемся к неловкости. Я очень надеюсь, что у Артура хватило здравого смысла не рассказывать Майки обо всех оригинальных романтических историях между Бенджамином и королем Артуро. Или даже о том, что Артур послужил источником вдохновения для персонажа - хотя Артуро больше не является любовным интересом. Мне не хочется делиться этой новостью с Артуром. Но все опасения по поводу того, что я разобью сердце Артура, улетучиваются, когда я вижу Майки, держащего его за руку.

«Я удалил рассказ с Wattpad, чтобы доработать его в школе. Я очень хочу чтобы его поскорее опубликовали».

«В какой школе ты учишься?» спрашивает Майки.

«В колледже Хостос», - отвечаю я.

Я снова чувствую себя неуверенно, жалея, что у меня нет оценок и финансовые возможности, чтобы поступить на программу творческого письма в Новую школу или куда-нибудь в Нью-Йоркский университет. Но это моя правда. Я сделал все, что мог, а моя семья старалась. Я стараюсь относиться к этому спокойнее. «Мне очень нравится. Отличный учитель, отличные одноклассники. Есть даже парень Марио, который стал моим партнером по проекту и теперь у нас с ним отношения по принципу «хотим-не хотим».

«Это он был с вами в «Дэйв и Бастерс», да?»

«Он обыгрывал нас практически в каждой игре», - говорит Артур.

«А где он сейчас?»

«Он в Лос-Анджелесе со своим дядей. Видимо, там потрясающе».

«Почему ты не поехал с ним?»

Я качаю головой. «Это слишком большой шаг, ведь он не мой парень. Кроме того, мне я должен работать над своей книгой».

«Да, но ты можешь писать где угодно», - говорит Майки.

Почему он так настаивает на этом? Как будто он не хочет, чтобы я жил в одном городе с

Артуром.

«На самом деле у меня нет денег, чтобы купить билет на самолет в последний момент».

Когда речь заходит о деньгах, мне становится не по себе. Это напоминает мне, что неважно сколько бы я ни старался, откладывать особо нечего. Это заставляет меня чувствовать себя еще более беспомощным. Вот тут-то и пригодился бы контракт на издание книги. К нам приезжал редактор посетила Хостос, чтобы поговорить об издательстве, и она дала нам несколько реалистичных прогнозов, на которые можно рассчитывать при заключении первого контракта. Даже самые скромные авансы могли бы изменить мою жизнь. Возможно, тогда у меня были бы деньги, чтобы ездить куда хочу и когда захочу.

Миссис Гарсия однажды спросила класс, что побуждает нас писать, помимо того, что нас привлекают истории. То, что заставляет нас писать черновик за черновиком. Я очень нервничал, но поднял руку и сказал, что хочу финансовой безопасности. Чтобы больше не беспокоиться о том, как я трачу свои деньги. Увидеть что-то классное в интернете и купить это, потому что могу и хочу, а не потому, что мне это нужно. Чтобы заботиться о своей семье так же, как они заботились обо мне. Чтобы отплатить Дилану за все те разы, когда он давал мне деньги, хотя ни разу не попросил ни доллара обратно, даже когда видит, что я иногда получаю по почте двадцатку от моей бабушки.

Когда все доедают мороженое и разговор уходит от темы денег, я решил оставить их наедине.

«Я не буду вам мешать. Большое спасибо за мороженое, Артур». Я встаю из-за стола и выбрасываю мусор.

«Ты нам не мешаешь!» говорит Артур, слишком бодро. «Прогуляешься с нами?»

«Я...»

«Я имею в виду, ты даже не сказал мне, чем занимается Бенджамин в этот раз!»

Что-то подсказывает мне, что Майки мог бы прожить и без этого обновления, но Артур выглядит таким странно испуганным, что я просто пожимаю плечами. «Конечно».

Но Майки берет Артура за руку, как только мы выходим из магазина, и это как бы путает мой мозг. Я постоянно теряю нить разговора, на полуслове. Я не скажу, что это самое радостное событие в моей жизни, когда я подхожу к дому Артура, но это точно самое большое облегчение.

Я поворачиваюсь к Майки. «Было очень приятно познакомиться с тобой. Надеюсь, тебе понравится оставшаяся часть твоего путешествия».

«Спасибо, Бен». Майки протягивает руку. Я бы полез обниматься, но рукопожатие более чем достойно. «Удачи в написании. Я уверен, что все получится».

Я скрещиваю пальцы. «Будем надеяться».

«Доберись домой благополучно», - говорит Артур. «Ни с кем не ссорься в поезде».

Два лета назад мы стали жертвами приставаний гомофоба в поезде, потому что мы с Артуром обнимались. Артур был очень взволнован, и, честно говоря, я до сих пор напрягаюсь, когда проезжаю ту остановку метро, думая, что могу увидеть его снова. Это еще одна черта этого города, которая преследует меня.

«Я постараюсь», - говорю я.

Мы с Артуром обнимаемся так быстро, словно более длительное объятие будет воспринято как близость. Затем он выходит в холл вместе с Майки. Несколько мгновений я смотрю им вслед, прежде чем отвернуться, потому что ревность берет верх. Я хочу крепких отношения, как у них.

И я хочу их с Марио.

На следующий вечер Дилан снова потащил меня в Верхний Вест-Сайд на ранний ужин.

Кафе «Земля» кажется очень прохладным, и все время, пока мы едим, Дилан продолжает осматривать место, словно хочет вложить в него деньги. Я не понимаю комизма, но я просто позволяю ему осматривать каждую посуду, тарелку и температуру еды. Но я провожу черту, когда он пытается заказать три разных вида печенья. Он возмущается, заказывая по одному из каждого вида печенья на десерт.

Он разрезает шоколадный круассан пополам. «Оцените это от одного до ста?»

«Это широкий диапазон».

Он откусывает кусочек. «Это твердые восемьдесят семь». Он откусывает второй кусочек.

«Нет, восемьдесят восемь».

Я слишком сыт после куриного салата, чтобы есть что-то еще, поэтому позволяю ему откусить. Это наш мальчишеский вечер, так как Саманта и Джесси гуляют вместе, но он кажется очень рассеянным весь вечер. Я не знаю, что с ним, но он настаивает, что все в порядке.

«Итак, - говорю я. «Майки был милым».

«Перевод: скучный придурок».

«Нет, Майки - хороший парень. Он может быть немного заносчивым, но спокойным. Я не могу сказать о нем ничего плохого. Значит ли это, что он подходит Артуру?»

Дилан поглощает вторую половину круассана, размышляя над этим вопросом.

«Я думаю, Артуру нужно нечто большее, чем просто хороший человек. Но я не знаком с этим парнем».

«Им должно быть хорошо вместе. Кроме того Артур не стал бы встречаться с тем, кто не приносит результата. Кроме того, на тебе тысяча крошек».

Дилан опускает взгляд на свою рубашку. «Говори что хочешь о своем бывшем парне, но когда дело доходит до моих крошек, ты не лезь не в свое дело».

«Принято к сведению. Интересно, было ли наше с Артуром расставание для него чем-то хорошим в долгосрочной перспективе».

«Меня больше волнует, было ли это хорошо для тебя».

Пока Дилан ест черничное печенье, мой телефон звонит.

Я улыбаюсь. «Это Марио», - говорю я и отвечаю на звонок. «Привет!»

«Привет, Супер Марио», - говорит Дилан с набитым ртом. Он хватает свой телефон, вероятно, чтобы оценить пирожные.

«О, ты не дома», - говорит Марио. «Не хочу тебя беспокоить, если ты занят».

«Нет, все в порядке. Дилан ведет себя как ресторанный критик, потому что... он Дилан? Ты нормально добрался?»

«Приземлился недавно и сейчас направляюсь домой. Я все еще работаю по времени Лос-Анджелеса, и у меня есть несколько лишних часов. Я подумал, может быть, мы могли бы потусоваться, и ты сможешь поприветствовать меня в будущем».

«Я в игре!» Я даже не собираюсь изображать спокойствие. «Я с Ди. Ты не против групповой тусовки?»

«Чем больше, тем веселее, лишь бы ты был там, Алехо. Придумай план. Я уже почти дома и собираюсь принять быстрый душ».

Я уже практически чувствую запах его средства для мытья тела с океанским бризом. Мне хочется, чтобы мы могли бы провести вечер вместе, но мои родители дома, а его дом никогда не пустует в субботу вечером.

«Te veo pronto», - говорю я и вешаю трубку.

«Что это за секретный язык?» спрашивает Дилан.

«Просто говорю, что скоро увижу его, раз он вернулся. Куда нам пойти?»

Глаза Дилана расширяются. «Ты ведь знаешь, кто находится поблизости?»

Я знаю, о ком он говорит, но качаю головой. «Нет».

«Да. Мы находимся на территории Артура. Ты готов веселиться, как в прошлый раз?»

«Я далеко не готов».

Дилан протягивает телефон. «Они ждут нас!»

«Что?» Я беру его телефон и вижу, что он написал Артуру смс, сообщая ему, что мы находимся поблизости. «Ты делаешь что-то вроде *Родительской ловушки* и пытаешься заставить нас снова быть вместе? Он со своим парнем, Ди. Мы должны оставить их в покое».

«Если у них все надолго, у них будет достаточно времени, чтобы побыть наедине».

«Почему ты говоришь так, будто ты мудрый человек, разбирающийся в долгосрочных отношениях? Ты и Саманта встречаетесь уже два года».

«Что делает меня экспертом по сравнению с тобой и Артуром». Он не ошибся в этом. «Я думаю, у тебя есть прекрасная возможность показать своего парня - знаю, знаю! - и проводить больше времени с Артуром и его семьей».

Марио и Майки в одной комнате - это уже совсем другая динамика. Это могло бы даже развеять многие мои опасения. Доказать раз и навсегда, что то, что мы с Артуром не были вместе, открыло нам дверь для поиска лучших пары.

«Двойное свидание», - говорю я.

«Плюс один, конечно», - говорит Дилан с широкой улыбкой. «Я должен это увидеть».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

АРТУР

Суббота, 30 мая

«Они придут... когда?» Майки выглядит слегка озадаченным.

«Без понятия. Дилан только сказал, что они в Верхнем Вест-Сайде, и, видимо. Марио вернулся в город?» Я передаю ему едва вымытую тарелку, на которой все еще были крошки хлеба. «А потом он спросил, дома ли мы, я ответил, что да, и он сказал, что они уже едут, и все. Я могу написать ему еще раз, если хочешь».

«Не надо», - говорит Майки, не глядя на меня. Я смотрю, как он заполняет посудомоечную машину, пытаюсь привести свое сердцебиение в норму.

«Хей». Я хватаюсь за край стойки. «Я не забыл о том, о чем мы говорили».

Он подносит тарелку и аккуратно ставит ее рядом с остальными. «Хорошо.»

«Ты хочешь поговорить об этом сейчас? Я собирался подождать, пока Джесс но...»

«Позже».

«Позже», - повторяю я, игнорируя чувство вины в груди. Нет ничего плохого в том, чтобы поговорить позже. Просто эти *«позже»* продолжают нагромождаться друг на друга. Сначала Бен, провожавший нас домой после мороженого вчера вечером, а потом Джесси и еще Джесси, а потом мы спали, а сегодня музей и Сикс, а потом *разговор* о Сикс, а потом ужин. Так что было много. И вот теперь это, как раз когда Джесси отправилась к родителям Саманты.

Как раз в этот момент в дверях появляется Джесси с дорожной сумкой, перекинутой через плечо. «Намрата считает, что я должна взять с собой презервативы и выпивку».

«Этикет оргии на высоте». Я сжимаю ладони вместе.

Глаза Майки расширяются, а Джесси смеется. «Это абсолютно на сто процентов не оргия», - уверяет она его. «Друг Саманты, Патрик приехал в город, так что мы едим кексы и смотрим фильмы».

Я качаю головой. «Я все еще не могу поверить, что ты переписываешься с Намратой. Она и Джульетта вели себя так, будто я был маленьким ребенком».

«То есть, ты вроде как был им? Это было два года назад».

Два года назад. От того, как Джесси это произносит, у меня перехватывает дыхание. Из ее уст это звучит как «каменный век», но, возможно, это действительно была совсем другая

эпоха. Я в шестнадцать лет, со всеми моими высоко октановыми чувствами. Я был как человек-вулкан. Я помню каждый удар того лета, все, что я чувствовал, все, о чем думал. Это прямо здесь, но я не могу погрузиться в это снова. Это похоже на то, что я прочитал в книге.

Когда через десять минут я открываю дверь, Дилан обнимает меня так, будто вернулся с войны. «Посмотри на себя. Ничуть не постарел. Сколько времени прошло?»

Я отсчитываю время до «Дэйва и Бастера». «Восемь дней?»

«Точно, точно, но мы не считаем ту ночь, когда ты отдал моего сына Супер Марио». Он выходит в фойе, Бен следует за ним.

«Марио в метро», - говорит Бен. Затем он поворачивается, чтобы обнять Майки. «Привет, парень, рад снова тебя видеть».

«Знаменитый Майки! Трубказуб так много рассказывал мне о тебе!» - говорит Дилан.

Лицо Майки похоже на лицо школьника, которого целует в щеку незнакомый пожилой родственник. Ничего, кроме вежливой паники. Это как смотреть на свой собственный альбом для бар-мицвы. Бен поворачивается ко мне.

«Надеюсь, ничего страшного, что мы здесь? Саманта выгнала Дилана на ночь».

«Не выгнала. Я сбежал в лучах славы. Я не связываюсь с этой толпой».

«Кто, Джесси?»

Бен закатил глаза. «Он имеет в виду Патрика».

«Я не хочу слышать это имя. Я не хочу видеть это лицо». Дилан проходит через гостиную, плюхаясь на кресло. «Этот человек – чертова мозоль на ноге в моей жизни. Ты же знаешь, что они с Самантой раньше спали в одной постели, верно?»

«Во время семейных поездок», - говорит Бен. «Когда им было по шесть лет».

«Кровать есть кровать!»

«Мы с тобой делили кровать. Много раз».

Дилан хмыкает: «И это должно меня успокоить? Бенцо, каждый раз, когда мы с тобой находимся в десяти футах друг от друга, ты можешь резать сексуальное напряжение ножом».

Бен быстро улыбается Майки. «Ты бы поверил, что он трезвый?»

«Что является преступлением».

«Нет. Это буквально противоположность преступлению», - говорит Бен.

Дилан игнорирует его. «Сьюзик, что тут у нас с выпивкой?»

«Так. Ладно, вода, конечно. Кола, молоко, сок и... эээ... Я могу поискать другие напитки». Я встаю.

Мгновение спустя Бен тоже встает. «Нужна помощь?»

«О!» Я украдкой бросаю быстрый взгляд на Майки. «Эм...»

«Отлично. Вы двое, принесите мне немного сока Сьюза. нам с Майком давно пора побыть друзьями». Дилан придвигается ближе к Майки, который выглядит в ужасе.

Через минуту я стою с Беном на крошечной светлой кухне моего дяди, пытаюсь вспомнить, как происходят разговоры. «Итак, эм. Я думаю, что большинство алкоголя - это...»

«Это шоколадный ликер?» Бен протягивает бутылку, которую Джесси, должно быть, оставила на прилавке. «Это, можно взять с собой или...»

«Да, нет, конечно», - говорю я, кивая с излишним энтузиазмом.

Не знаю, как я забыл об этом чувстве - о том, как наедине с Беном мое сердце начинает биться сильнее. Мой взгляд устремляется на розы из винного погреба Майки, которые теперь выставлены в металлическом кувшине, который я нашел в шкафу дяди Милтона.

«Ты когда-нибудь пробовал это?»

Я качаю головой.

«Тебе стоит попробовать. Это как печенье Levain в виде напитка». Он достает ложку из ящика со столовыми приборами моего дяди. «Годива» - это настоящий напиток. Моя мама однажды получила его в подарочной корзине».

«И она дала его тебе?»

«Подумала, что это шоколадный соус, и подмешала мне в мороженое. Ладно, попробуй это».

Он подталкивает ко мне ложку с ликером, словно это сироп от кашля, но внезапно застывает в воздухе. Я быстро отворачиваюсь, застигнутый врасплох.

«Вот.» Он протягивает ложку мне, и я подношу ее к губам. Технически это не первый раз когда я пробую алкоголь, но я уверен, что это первый раз, которому не предшествовали слова стариков «Благословение вина и виноградного сока». Я держу его во рту, и сначала мне кажется, что вкус похож на шоколад, только хуже. Но чем дольше я его ем, тем больше он мне нравится, и к тому времени, как я расправляюсь с ложкой, я уже готова.

Бен выжидающе смотрит на меня. «Что ты думаешь?»

«Он такой богатый».

«Да. Я имею в виду, что обычно его с чем-то смешивают. У тебя есть Bailey's?»

«Кто?»

«Bailey's Irish Cream». Или бурбон. Я пытаюсь придумать, что будет сочетаться с шоколадом».

«Откуда ты все это знаешь? Марио - бармен или что-то в этом роде?»

«Марио не пьет».

«О...»

«И ему двадцать. Он не... О, у тебя есть водка! Это должно сработать». Бен смотрит на меня.

«Ты уверен, что твой дядя не будет против?»

«Да, он совершенно не против».

«Хорошо, круто». Он открывает рецепт на своем телефоне. «Значит, нам нужно столько, чтобы хватило на четверых, верно?»

«На троих. Майки тоже не пьет».

То есть, технически, я тоже не пью.

Хотя не, то чтобы я не пил. Я просто еще не пил. Но однажды я попробовал кусочек брауни с травой вместе с Мусой. Конечно, возможно, мы не знали, что в брауни есть трава, так что мы тут же выплюнули его и провели остаток ночи в панике, думая о проваленных тестах на наркотики и разбитых судьбах, но суть в том, что я уже не тот наивный ребенок, каким был два лета назад. И, возможно, Бену нужно это знать.

«Ладно, попробуй это». Бен протягивает мне стакан, полный того, что выглядит как растопленный шоколада. Но как только я делаю глоток, мне приходится прижать руку ко рту, чтобы не выплюнуть это. Глаза Бена расширяются. «Ты в порядке?»

«Да! Нет, все хорошо!»

Он берет стакан обратно и отпивает глоток. «Да, это немного крепко. Давай я изменю пропорции». Я смотрю, как он наливает еще «Годивы», стараясь не думать о том, что Бен просто отпил из моего бокала, как будто ничего не было. Разве это не является своего рода пропуском к поцелуям?

Я отшатываюсь назад от этой мысли так быстро, что чуть не падаю на кухонную плитку моего дяди.

Как только я опускаюсь на диван, Дилан наклоняется ко мне. «Я как раз рассказывал Микелису, как ты пел Бену песню про крысу».

«Отлично». Я делаю глоток своего напитка.

«Послушай, оглядываясь назад, это был гениальный ход. У тебя есть серенада, которая уже стала победительницей, но потом ты добавляешь еще и сексуальную крысиную составляющую...»

Бен покачал головой. «Крысы не сексуальны».

«Крысы, как известно, сексуальны!»

Я делаю еще один глоток своего напитка.

Дилан делает паузу. «О, знаешь что? Я думаю о кроликах».

«А что, если бы ты тратил меньше времени на размышления о сексуальной жизни животных?» - спрашивает Бен.

«Моя точка зрения в силе! Давайте не будем забывать, что случилось после караоке...»

«Хорошо!» Бен вскакивает. «Марио внизу».

«Я могу позвонить ему...»

«Я просто впущу его. Вернусь через секунду». Бен практически выскочил за дверь.

Дилан откидывается на подушки, небрежно положив руку на спинку дивана.

«Это здорово, да? Вечер для парней. Здесь вся моя гей-группа. Вы двое очаровательны». Он машет рукой на нас с Майки, а потом указывает на дверь.

«Они очаровательны. Но знаете, кто не очарователен?»

«Патрик?»

«Гребаный Патрик». Следующее, что я помню, это то, что Дилан нападает на Патрика так что заставил бы покраснеть весь раздел комментариев на YouTube. Но Майки вежливо кивает в ответ на каждое слово, даже после двухминутного перерыва. Дилан все еще продолжает, когда Бен снова появляется в фойе ведя за собой Марио.

«О черт, это место просто огромное», - говорит Марио, и, хотя он не говорит с сарказмом, мои щеки пылают жаром. Я никогда не увижу мир таким, каким его видит житель Нью Йорка. Я даже не могу оценить пространство, как житель Нью-Йорка.

Марио садится на последнее свободное место рядом с Майки - конечно же, мы с ним сидим неправильно. Я вскакиваю. «Вы, ребята, наверное, хотите сидеть вместе, да?»

«О, мы не против». Он садится. «Привет! Ты, должно быть, Майки. Я Марио - я принадлежу к этому типу».

Он указывает на Бена, который выглядит таким же ошеломленным его фразой, как и я.

Я опрокидываю остатки своего напитка и практически вскакиваю с дивана, чтобы налить еще. И хотя я немного неуверенно держу фильтр Brita, мне удастся набрать воды для Майки и Марио. Правда, теперь мне приходится возвращаться из кухни с тремя полными стаканами, что немного похоже на прохождение полосы препятствий с завязанными глазами. Только без повязки. И я думаю, что единственным препятствием являются мои собственные ноги.

Я возвращаюсь к Марио в середине рассказа о его путешествии, но он улыбается мне, когда я протягиваю ему стакан. Я снова сажусь рядом с Майки.

«Это было потрясающе - просто быть там», - говорит Марио. «Я хочу переехать туда однажды, понимаешь? Писать для телевидения, вот и вся мечта».

«Мы пробовали себя на телевидении», - величественно говорит Дилан. «Я и Бенто Бокс. В наше время мы произвели фурор в сфере реалити-шоу».

«Были *плохими мальчиками*?» спрашиваю я.

Марио ухмыляется. «Ничего себе».

Майки неловко ерзает рядом со мной, и мне приходит в голову, насколько тихим он был. Наверное, подавлен всем этим. Я чувствую внезапную волну умиления к нему - к моему парню-овечке с широко раскрытыми глазами. Я наклоняюсь к нему так близко, что почти слышу биение его сердца. «Ты в порядке?» шепчу я, позволяя своим губам на мгновение коснуться его щеки. Майки кивает.

Бен встает и смотрит на мой бокал. «Беру второй. Хочешь, я тебе налью?»

Я поднимаю голову.

«Твой напиток». Все его лицо краснеет. «Я...»

«Звучит здорово!» Я опрокидываю остатки своего напитка одним большим глотком, прежде чем сунуть стакан ему в руку.

Дилан идет за Беном на кухню, и тут Марио и Майки начинают говорить о Nintendo. Так что я просто откидываюсь на подушки, слушая как они рассказывают о репе и кодах друзей. За весь вечер я не видел Майки таким оживленным. Я даже не удивлен, что Марио любит такие полезные для ботаников игры вроде Animal Crossing, потому что он такой классный человек. Он такой классный, что его даже не волнует, круто ли он выглядит. Он из тех, кто громко смеется в кинотеатрах, поет в продуктовом магазине и радостно сообщает, что его любимая певица - Тейлор Свифт, потому что он просто обожает музыку Тейлор, возможно, потому что

ее музыка чертовски удивительна, и она - богдиус, это новое слово, которое я только что придумал и которое означает и гений, и богиня, но я думаю, что проскакиваю мимо сути, которая заключается в том, что Марио даже на секунду не задумывается о том, что он слишком мейнстримный или базовый. Кроме того, даже его чехол для телефона выглядит круто просто олдскульный Марио с хвостом енота летящий на небесно-голубом фоне. Он разблокирует экран и наклоняется к Майки. «Так, подожди, открываю приложение».

Я кладу подбородок Майки на плечо, переводя взгляд с одного экрана на другой. У меня немного кружится голова, как будто меня крутят по бальному залу.

«Ваши телефоны - друзья», - сообщаю я им.

Бен и Дилан выходят из кухни - правда, Дилан задерживается, делая паузы, чтобы набрать текст на своем телефоне. Но Бен протягивает мне очень щедро налитый бокал.

«Держи. Провизия высшего сорта».

«Так и есть! В буквальном смысле! Мой дядя хранит их на верхней полке. Мой двоюродный дедушка». поспешно добавляю я. «И он великий. Он великий двоюродный дедушка. Не прапрадедушка, это был бы его отец. Я думаю». Я делаю паузу, чтобы сделать глоток. «Или это был бы мой прадедушка?»

Бен выглядит так, будто не знает, смеяться ему или отбирать у меня напиток.

«Ладно, это действительно так вкусно? Бен! Ты должен быть барменом. Или - подожди - ты мог бы написать книгу о бармене-волшебнике, а напитки могли бы быть зельями!»

Бен просто смотрит на меня. «Ладно, так. Я не хочу быть полицией вечеринок, но... ты ведь знаешь, что пьешь это очень быстро?»

«Я предпочитаю «быстро». - улыбаюсь я ему. «Я в порядке. Но мне нужно в туалет».

Я вскакиваю на ноги, но как только я оказываюсь в вертикальном положении, мой желудок совершает крен. Я зажимаю рот рукой.

Майки смотрит вверх. «Ты в порядке?»

«Черт». Бен подбегает ко мне, хватая мою чашку и ставит ее на стол. «Эй. Ты...?»

Я судорожно киваю, стараясь подавить рвотный позыв.

«Все в порядке. Ты в порядке. Дыши». Он прижимает руку к моей спине, и я чувствую как будто кто-то рисует пикселями мой мозг. Но затем Бен смотрит на Майки, и его рука опускается. «Эм... Может, кто-нибудь проводит его в туалет?»

«О!» Майки вскакивает. «Ладно. Эм...»

Бен указывает на ванную комнату. «Вон там».

«Я знаю», - говорит Майки.

«Мне жаль. Майки...»

«Ничего». Майки скользит рукой по моей талии. «Давай просто...»

«Эй, я, кажется, собираюсь уйти», - неожиданно говорит Дилан.

Бен настороженно смотрит на него. «Ты в порядке?»

«Никогда не было лучше. Пойду спасти свою женщину из лап Сатаны».

Мой желудок снова вздрагивает, и я закрываю рот обеими руками.

«Я знаю, Сьюзикал, знаю. Он мне тоже противен».

«Хорошо!» Бен поворачивается ко мне. «Иди с Майки. Тебя сейчас стошнит на крыльцо. И, Ди, обещай мне, что не убьешь Патрика».

«Я ничего тебе не обещаю».

Бен открывает рот, чтобы ответить, но я не улавливаю ни слова. Потому что, *оказывается*, я все еще человек-вулкан в свои почти девятнадцать лет. Майки доводит меня до ванной как раз вовремя.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

БЕН

Воскресенье, 31 мая

Семья Марио в отъезде – его братья отправились в комнату отдыха, родители на работе, поэтому сегодня утром я приехал к нему домой в Квинс. Как бы мне хотелось иметь собственное жилье, чтобы заниматься сексом со своим потенциальным парнем, когда захочу. Тем не менее, встретиться с Марио после его отсутствия было очень, очень хорошим способом начать день.

Я принимаю душ в одиночестве, щедро используя его гель для душа, чтобы запах Марио вокруг меня сохранился еще немного. Когда я выхожу из ванной, Марио удивляет меня тарелкой с яичницей и смайликом, нарисованным кетчупом.

«Что это?» спрашиваю я.

«Поздний завтрак», - говорит Марио. «Ешь».

Я иду за ним в его спальню, которая находится в подвале, где он живет с одним из своих братьев. Это настоящая мужская пещера с игровыми приставками, потрепанным диваном, который используют гости, когда остаются на ночь, мини-холодильник для его брата, пристрастившегося к чаю со льдом, и пятидесятидюймовый телевизор. Стол в мастерской Марио, где он шьет свои рубашки. Я сажусь на его кровать, где мы уже несколько раз ужинали вместе, но обычно это было что-то, что готовили его родители или что мы заказывали. Я знаю, что это всего лишь яичница с кетчупом из пакета «Макдоналдс», но это был его выбор. Выбор, который он сделал чтобы позаботиться обо мне.

«У тебя хорошее настроение», - говорю я.

«Как я могу быть не в хорошем настроении после всего этого?» говорит Марио, выбрасывая мой презерватив в мусорное ведро и пряча его под неудачными эскизами дизайна рубашек.

«Не знаю, Алехо, я наконец-то чувствую, что раскрываюсь. Как будто я становлюсь все ближе и ближе к тому, чтобы стать тем, кто, как мне так хотелось верить, не был какой-то глупой мечтой».

«Это тоже благодаря мне или твоей поездке?»

Марио наклоняется и целует меня. «И то, и другое. Я хотел поговорить с тобой обо всем вчера вечером, но у нас не было времени».

«Прости, я бы не пригласил тебя к Артуру, если бы знал».

«Не стоит извиняться. Мне было очень весело». Марио садится. «Особенно с тобой».

«То же самое». Мое сердце колотится. Кажется, это тот самый момент, которого я так долго

ждал.

«Ты нравишься мне больше, чем мои предыдущие парни, Алехо. Не хочу показаться неуважительным, но они не сравнятся с тобой. Ты такой очаровательный. Ты такой замечательный человек. Спасибо тебе за это».

Я добрый.

Я очень красивый.

Мое сердце - это все.

Независимо от того, сколько времени я провел в одиночестве, повышая свою самооценку, я все равно радуюсь словам Марио о том, как много я для него значу. Я верю ему, когда он говорит, что мое сердце - это все.

Как сказать «Ты пытаешься заставить меня плакать?» по-испански? Марио улыбается. Я хватаю его за руку. «Ты один из самых прекрасных людей, которых я знаю. И ты и сам чертовски красив».

«Я всерьез жалею, что не начал разговаривать с тобой, как только ты вошел в класс».

Я рад, что он этого не сделал. Я все еще был глубоко в своих чувствах к Артуру, и мне нужно было больше времени, чтобы открыться кому-то новому.

«Всему свое время», - говорю я.

Марио смотрит на наши руки. «Вот только я облажался, не приняв меры раньше. Появилось кое-что очень интересное».

Я испытываю искушение отпустить его, нервничая от того, чем он собирается поделиться.

«Хорошо...»

«Итак, Гектор, писатель, которого я встретил в Лос-Анджелесе? Он поделился своими наработками для серии про андроидов, чтобы я мог увидеть, как выглядит правильный рекламный пакет. Это было так круто, и мне понравилась идея. Но мне показалось, что его молодые персонажи нуждаются в некоторой доработки, и я предложил ему несколько идей. Гектор действительно пошел и переписал некоторые сцены и сказал, что они стали ярче».

«Это потрясающе», - говорю я.

Я все еще жду удара.

«Гектор еще не уверен, что телеканал купит его, но если купит, то он хочет нанять меня в качестве помощника сценариста».

«Это так круто...» Я останавливаюсь, когда понимаю, что он говорит.

«Эта работа не в Нью-Йорке».

Он не поднимает на меня глаз. «Это будет в Лос-Анджелесе».

«Думаешь, ты бы поехал?»

«Конечно, поеду».

Это та новость, о которой люди сначала спрашивают, сидишь ли ты, прежде чем рассказывать. Почему для меня все должно быть так чертовски сложно? Я годами ждал, чтобы найти подходящего человека, и когда он наконец признался в своих чувствах ко мне, он готов уйти? Из-за такого дерьма я не хочу верить в силу Вселенной. Я продолжаю встречаться с невероятными людьми в этом городе, которые оставляют меня и продолжают жить лучшей жизнью.

«А как насчет колледжа?» спрашиваю я.

Я знаю, что хватаюсь за соломинку, что он ни за что на свете не останется ради меня.

«Мне бы платили за то, чтобы я учился в настоящей студии сценаристов, а не платил школе за то, чтобы она меня обучала».

«Когда ты узнаешь? Если шоу купят?»

«Может быть, в ближайшие пару недель».

«Недель. Ничего себе.» Он может исчезнуть так скоро. «Марио, ты уверен, что не после всего этого лос-анджелесского солнца?»

Марио наконец смотрит мне в глаза. «Я думаю, что в Лос-Анджелесе есть версия меня, которая будет счастливее, чем я сейчас. За этим стоит гнаться. Как ты думаешь, ты здесь счастливее всего?»

«Нет. Я не был счастлив какое-то время. Но благодаря тебе стало лучше».

«И кроме братьев, я буду скучать по тебе больше всего. Ты единственный в своем роде, Алехо. Думаю, тебе бы понравился Лос-Анджелес».

«У меня нет ни денег на Лос-Анджелес, ни дяди с пансионом».

«Но у тебя есть Марио, у которого есть. Может, ты как-нибудь поживешь у меня?»

Я не знаю, что на это ответить. Я чувствую себя так, как будто мы встречались все это время, и я отключился, когда мы сделали это официальным, потому что был слишком занят, глядя в его карие глаза.

«Скажи что-нибудь», - говорит Марио.

Сейчас мне не до этого. «Я просто думаю обо всем, что я могу потерять», - говорю я.

Я практически чувствую его губы на своих, его голову на моем плече, гордость за него, когда я понимаю его по-испански.

«Эй, может, я не знаю, о чем говорю, и сценарий Гектора на самом деле отстойный», - говорит Марио. «Тогда я никуда не пойду».

«Я хочу, чтобы ты выиграл в жизни», - говорю я. «Даже если для этого придется скучать по тебе».

«Пока не скучай», - говорит Марио.

Он наклоняется для поцелуя, и как бы мне ни хотелось отступить, чтобы защитить свое сердце, я приветствую его губы, потому что знаю, что скоро они будут на другом конце страны.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

АРТУР

Пятница, 5 июня

Знаете, что такое «ожидания против реальности»? Это моя профессиональная жизнь.

Я люблю свою работу, не поймите меня неправильно. Я могу шутить с Таджем и дышать одним воздухом с Эмметом Кестером и Амелией Чжу. Я даже стал немного более спокойным рядом с Джейкобом, возможно, потому что он такой же пугающий, как Санта в торговом центре - пока не увидишь, как он перевернет всю сцену с ног на голову, одним-единственным движением. Весь этот процесс завораживает меня - я наблюдаю, как история складывается воедино, кусочек за кусочком.

Просто я думал, что буду кое-что сшивать.

«Так ты думаешь, что отправил его?» спрашивает Тадж, умудряясь передать искреннее «*Боже правый Артур*» за одну долю секунды вздергивает бровь. Как будто я самый большой бездарь на земле.

«Нет, я отправил его. Конечно». Я наклоняюсь вперед, сканируя список тем в моем почтовом ящике. «Я переслал его ему в... пятницу. Ха!» Я указываю на журнал сметы прошлой недели на экране, молча поблагодарив прошлого Артура за то, что он не забросил работу.

«Ладно, круто. Он, наверное, просто пролистал его. Почему бы тебе не отправить его заново, а я быстро свяжусь с Джейкобом, чтобы убедиться, что это все, что ему нужно».

Мой телефон вибрирует на вилке моего рабочего стола.

«Звучит отлично!» быстро говорю я.

Я почти уверен, что это новое сообщение от Бена - он всю неделю то и дело жаловался мне на странное предчувствие, из-за Дилана, и я на миллион процентов этому рад. И не только потому, что странные предчувствия - это мой бренд.

Честно говоря, тот факт, что Бен снова в меня влюбился, кажется мне очень хрупким и драгоценным, как я не могу объяснить. Наверное, я думал, что мы потеряли это навсегда.

Как только Тадж уходит, я заглядываю в приложение «Сообщения» и убеждаюсь: ты действительно не думал, что он выглядел странно в субботу вечером.

Хм, - отвечаю я, - зависит от того, что ты подразумеваешь под словом «странный», я думаю. Как будто он был хаотичным, но это ведь его обычное состояние, верно?

Если Бен хотел увидеть настоящий хаос, ему стоило остаться на ту часть когда мне очень сильно захотелось в туалет, но также очень сильно не хотелось вставать, так что я просто плакал об этом в объятиях Майки целый час.

Да, может быть, я придаю этому слишком большое значение? Но еще он был так прикован к своему телефону, как будто слишком сосредоточен, - отвечает Бен, и я не могу решить, очарован я или раздражен тем, как он всегда беспокоится о Дилане. На этой неделе Бен, похоже, не потерял сон из-за того факта, что в субботу вечером я буквально напился до тошноты. Не то чтобы я ожидал от него этого. Потому что это было бы очень, очень странно ожидать это от своего бывшего. Очень.

Я пишу в ответ. Может быть? Честно говоря, я не заметил!

Забавно, - отвечает Бен, - ты казался таким бодрым и внимательным в тот вечер.

Я с усмешкой смотрю на свой телефон.

Приходит еще одно сообщение от Бена. А то, как он случайно подпрыгнул в конце?

Ну, ему пришлось спасти Саманту от...

Лол, хорошая мысль.

Ладно, но, если серьезно, неужели Патрик настолько плох? пишу я.

Бен в ответ пожимает плечами. Никогда его не видел и, наверное, никогда не увижу.

Знаешь, что тебе стоит сделать? пишу я, а потом нажимаю «отправить», чтобы он сидел в ожидании, пока я изложу свой многоэтапный план постепенного введения персонажа Патрика в канон *«Войны злых волшебников»*. Патрисио, плутоватый вор, который похищает Сэма О'Мэла, но в конце концов ему мешает величайший союзник герцога Дилла, легендарный саблезубый рыцарь-воин химеры, сэр Сейбр. Предоставлю Бену и Дилану выбор, какая из трех голов сэра Сейбра нанесет смертельный удар. Послушайте, я не говорю, что я дьявольский гений, но если рога соответствуют...

«Ну, как Майки?» спрашивает Тадж, усаживаясь обратно за свой стол.

«Что?» Я поднимаю на него глаза. «Майки уехал несколько дней назад».

Брови Таджа делают работы тысячи подмигиваний. «Я знаю. Я просто говорю, что, когда ты с ним разговариваешь, у тебя появляется любовный трепет. Вот здесь». Он прищуривает уголки своих глаз.

«Это не...» Я останавливаюсь, и жар приливает к моим щекам. Что я вообще должен сказать?

Что я не уверен, что влюблен? Что я избегал этого разговора целую неделю?

Что это даже не Майки, с которым я переписываюсь?

Мой телефон вибрирует, и я стараюсь не смотреть на экран. Это начальная школа снова и снова. Я с карточкой поведения, перешедшей с зеленого на желтый, и знаю. Я нахожусь на расстоянии одного наклона стула от того, чтобы получить замечание домой. Я, все равно половину времени проваливаюсь. Все мои табели были вариациями на одну и ту же тему. *Очень сообразительный. Ученик с большим энтузиазмом. Приятно проводить время на уроках. Черт возьми. Полный бардак, не поддающийся контролю.*

«Итак, - говорю я, возвращая свой мозг на землю. Я смотрю, как Тадж прокручивает список значков папок, каждая из которых аккуратно промаркирована и упорядочена по годам. «Все в порядке с бюджетом?»»

«О да. Я просто привожу некоторые цифры за последние несколько лет, чтобы Джейкоб мог увидеть все это в деталях. Он снова говорит о замене GDB».

GDB, иначе известный как «Чертов ребенок». По сути, по сценарию на сцене должен быть ребенок, но Джейкоба продолжает пугать каждая кукла, которую покупает мастер по реквизиту. Поэтому мы продолжаем возвращать их для возврата денег, который иногда занимает несколько дней, а то и недель. Это наносит урон бюджету проекта.

«Это же не закончится тем, что он принесет настоящего ребенка, верно?» смеется Тадж. «На самом деле такое уже было на Бродвее. Была пьеса под названием...»

«*Паромщик!*»

«Не могу поверить, что ты это знаешь», - говорит Тадж.

Мой телефон снова звонит, но прежде чем я успеваю украдкой взглянуть на него, Джейкоб материализуется из ниоткуда. «Ты переписываешься с мальчиком?» - спрашивает он, улыбаясь.

Я резко выпрямляюсь в кресле.

Джейкоб смеется. «Обещаю, я здесь не для того, чтобы играть в телефонного полицейского. Напиши ему ответ!»

Он. Мальчик. Джейкоб думает, что я разговариваю с Майки, как и Тадж думает, что я разговариваю с Майки. Потому что почему бы и нет? Почему бы мне не переписываться со своим парнем, который влюблен в меня, и которого я, возможно, люблю в ответ, на этот вопрос я уже точно должен в состоянии ответить?

«Хорошо!» объявляет Тадж. «У меня есть данные с 2016 по 2019 год. Я готов, когда

захочешь».

Джейкоб хлопает в ладоши. «Боже, я люблю тебя».

Мой мозг замирает на месте.

«Сейчас вернусь», - говорю я, убирая телефон со стола. «Гардеробная. Ванная».

Тадж торжественно кивает. «Удачи».

Всю дорогу туда я едва осознаю, что стою на ногах.

Потому что...

Боже, я люблю тебя.

Люблю.

Это такое неточное слово. В этом-то и проблема. Любовь означает слишком много вещей. Джейкоб любит Таджа за то, что тот составил кучу бюджетных таблиц. Я люблю шоколад, *Гамильтона*, моих родителей и Баббе. Я имею в виду, это довольно абсурдно если задуматься, правда? Вот он я, задыхающейся под тяжестью большого вопроса «люблю ли я Майки», когда я бы даже не моргнул, если бы это был кто-либо другой в моей жизни. Люблю ли я Итана и Джесси? Конечно! И я люблю своих друзей из Уэслиана. Я люблю Мусу. Это даже не вопрос. Так почему же он возникает, когда я пытаюсь применить эту концепцию к Майки?

Я имею в виду, что я люблю Майки в обычном смысле. Очевидно. Просто все остальное туманно.

Я так отвлекся, что даже не заметил, как Эммет вышел из гримерки пока не столкнулся с ним лицом к лицу.

Я смотрю на него, и у меня отвисает челюсть. Эммет Кестер.

Я только что на полном ходу столкнулся с человеком, чье лицо буквально красуется на билборде на Таймс-сквер. Конечно, он немного в стороне, как бы спрятавшись за Майей Эрскин и Бьюзи Филиппс. Но это потому, что он будет сниматься в телешоу! С Майей Эрскин! И Бьюзи Филиппс! И в наши дни вы даже не можете загуглить его, не наткнувшись на очередной список «Out and Proud Icons» или «Двадцать странных черных звезд моложе тридцати».

«Мне *очень* жаль», - задыхаюсь я. «Я не...»

«Эй. Все в порядке...» Он ободряюще похлопывает меня по руке. «Артур, верно? Я Эм».

Эмметт - Эмметт Кестер знает мое имя. Он хочет, чтобы я называл его *Эм*. И сейчас мы

просто тусуемся в гримерке, как пара приятелей и это совершенно не похоже на реальность. Еще несколько недель назад у меня не хватало смелости заговорить с актерами. А теперь у нас есть общие прозвища?

«Привет! Да! Извините, обычно я более осторожен...» Я делаю паузу, достаточно долгую, чтобы прокрутить в суперскоростном режиме подборку лучших хитов, начиная с того момента, когда я сделал Бену комплимент по поводу размера его упаковки. «О, а я Артур! Я рад познакомиться с тобой официально, Бен-Эм».

Мое сердце упало где-то в районе желудка. Черт. Блядь, блядь, блядь. Отменить. Стрелка назад. Удалить.

Эммет просто улыбается. «Я тоже рад с тобой познакомиться. Уверен, мы еще увидимся».

После его ухода я просто смотрю на себя в зеркало в гримерке, прижимая руки к горячим щекам. Я похож на маленького, еврейского, загорелого Маколея Калкина.

Не могу поверить, что назвал его Беном.

Я делаю несколько глубоких очищающих вдохов и достаю телефон. Два сообщения от Бена. Я сразу же перехожу к нашей переписке и ищу последнее сообщение, которое я ему отправил. Это было почти полчаса назад. Знаешь, что тебе следует сделать??

Ответ Бена, несколько минут спустя:??

И еще через несколько минут: «какое напряжение!!».

Я прокручиваю страницу вниз, чтобы перечитать неотправленное сообщение, которое я набирал, о Патрисио, сэре Сейбре и герцоге Дилле, и это так мучительно сложно, что я даже не могу дочитать до конца, не сморщившись. Я резко нажимаю на кнопку удалить.

Извини, меня затянула работа! пишу я, на секунду задерживаясь над восклицательным знаком. Но, по-моему, это нормально. Может быть, даже хорошо. Сдержанно, без лишних извинений, без принуждения. Я знаю, что это не совсем снимает напряжение (*какое напряжение!!*), но, возможно, оставить немного тайны не так уж и плохо.

Лол, все в порядке, - пишет он в ответ.

Я думаю, иногда это похоже на игру с Беном, где чем больше я вкладываю, тем больше теряю. Я всегда пишу первым и отвечаю быстрее, и почти все наши переписки заканчивается на мне. Не только этим летом. Так продолжается уже два года. Я проигрываю уже *два года*.

Может, мне просто не отвечать? Уйти, пока я впереди, хотя бы раз.

Но нет. Это не то. Мы только начали восстанавливать нашу дружбу, и я не хочу потерять ее снова. К тому же, учитывая предполагаемые странности Дилана, он явно нуждается в друге больше, чем когда-либо.

Я снова подключаюсь к нашей переписке, пролистывая окно с той не скрываемой искренностью, которую я всегда стараюсь сдерживать в эти дни. По крайней мере, с Беном я сдерживаюсь. Но в этот раз я нажимаю «отправить» раньше, чем успеваю себя отговорить.

Ладно, я собиралась пошутить о Дилане и его странном одностороннем соперничестве с Патриком, но если серьезно, я знаю, что ты беспокоишься о нем, и я просто хочу, чтобы ты знала, что я готов если ты когда-нибудь захочешь сесть и поговорить об этом.

Или встать и поговорить об этом? Я добавляю. Или встать на одну ногу и поговорить об этом?

Бен тут же пишет ответ. Спасибо, да, это очень мило с твоей стороны, может быть, я соглашусь на это! Я чувствую, как уголки моих губ приподнимаются. Назови дату, и я внесу ее в календаре, это будет все равно что записываться на терапию к дико некомпетентному психотерапевту.

Какое убедительное предложение, Бен пишет ответ, и как раз в тот момент, когда я собираюсь ответить клоунским эмодзи, он добавляет: «Хорошо, что ты делаешь в ближайшую среду? Я на мгновение замираю на экране, чувствуя себя так, будто только что выпил полную бутылку шоколадного ликера. Но я отгоняю эту мысль и начинаю печатать. Ничего, просто работа! Должен выйти около шести.

Круто, ты ведь недалеко от меня, верно? Хочешь, я встречу тебя на улице, и мы решим, куда идти дальше?

Лучший план на свете, - пишу я.

Ведь что с того, что в прошлые выходные мы с Беном перекинулись парой неловких фраз. Может быть, нашей дружбе просто нужно еще один шанс. Я помогу ему проанализировать все его взаимодействия с Диланом, шаг за шагом.

И может быть, Бен - тот самый друг, который поможет мне прорваться сквозь туман Майки, наконец-то.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
МЫ МОЖЕМ ПОПРОБОВАТЬ ЭТО

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

БЕН

Вторник, 9 июня

Сегодня все идет наперекосяк.

Как только я вошел, какой-то ребенок без присмотра сидел в углу с кастрюлей, которую показывали по телевизору, и смешивал фруктовый пунш и Спрайт из холодильника, чтобы приготовить волшебное зелье. Я приветствую воображение, но этому ребенку запрещено посещать мой будущий парк развлечений после того, как мне пришлось убирать весь этот беспорядок. Другая покупательница накричала на меня у кассы, потому что ей не хватило семьдесят пять центов на колоду карт, и я не мог просто смотреть в другую сторону. У меня так много дополнительной работы, потому что мой коллега заболел, хотя в его Instagram можно увидеть, как он устраивает пикник с друзьями у Бруклинского моста. У меня такой соблазн показать папе, но тогда я стану человеком, который настучит своему отцу, чтобы доставить коллегам неприятности.

Мне становится все равно.

Эта работа - не то, что я есть, и я не собираюсь оставаться здесь навсегда.

Я также не уверен, что больше не думаю только о Duane Reade, когда нахожусь здесь.

За девять дней, прошедших с тех пор, как Марио сообщил новость о том, что он может получить работу в Лос-Анджелесе, я испытал целый спектр чувств: гордость за то, что его талант признан, зависть, что кумовство для Марио означает работу на телевидении, а у меня лишь уборка в «Дуэйн Рид», молясь высшим силам о том, что руководители телекомпаний ненавидят андроидов, чтобы Марио не пришлось уходить.

Я пытаюсь сосредоточиться на своей работе, не позволяя своим чувствам мешать. В последнее время писать стало труднее. Я все время смотрю на одни и те же слова, не зная, как их расставить и сделать правильными.

Все так запутано, и я больше не знаю, какой должна быть моя история.

Может, Марио прав, что в Лос-Анджелесе я буду счастливее.

Новый дом. Новые люди. Новая жизнь.

Но я все время возвращаюсь к мысли о том, как больно будет прощаться с Марио. Если с

Артуром, который был влюблен в меня, отношения на расстоянии были невозможны. Я не могу рассчитывать на то, что отношения с Марио сохранятся. Я не готов к еще одной серии бессонных ночей, ненавижу свое одиночество.

Я не готов к тому, чтобы позволить еще одному потрясающему человеку ускользнуть от меня.

Я заканчиваю протирать проход, вешаю знак «Осторожно» и иду в комнату отдыха. Хотя я все еще должен мыть пол. Дверь комнаты отдыха Па закрыта, а туалет для сотрудников пуст, так что я могу спокойно поговорить с Марио по FaceTime. Пока я не передумал. Я смотрю на стену, где висит мое расписание на оставшуюся часть недели, так сильно желая сорвать его, уволиться и не возвращаться сегодня домой к своему боссу.

«Алехо», - мягко отвечает Марио. То, как он произносит мое имя, одновременно успокаивает и возбуждает меня. Он в своей спальне и ставит телефон на стопку книг, как обычно.

«Это глупо, что я скучаю по тебе, хотя мы виделись вчера?»

«Ни капельки».

«Я боюсь скучать по тебе еще больше, когда ты будешь далеко на поезде».

«Помни, это может и не случиться».

«Все получится. Или что-то получится. Ты переедешь, и я буду скучать по тебе».

«Мы можем что-нибудь сделать с этим, ты же знаешь».

«Я тоже об этом думал». Я оглядываю комнату отдыха. «Я не хочу быть здесь».

«Когда заканчивается твоя смена?»

«Я не имею в виду здесь. Думаю, я имею в виду Нью-Йорк».

Марио улыбается и выглядит так, будто сдерживает напор. «Ты думаешь не о переезде в Лос-Анджелес, случайно?»

«Ты сам это сказал. Возможно, там я буду счастливее».

Затем дверь в кабинет менеджера открывается, и оттуда выходит папа. Я вешаю трубку так быстро, что можно подумать, будто я смотрю порно на телефоне. «Я не на этаже, так что ты не можешь злиться на меня за то, что я достал телефон».

«Ты не должен разговаривать по телефону в рабочее время, но проблема не в этом. Помни, я прежде всего твой отец. Я только что подслушал, что ты хочешь переехать в Лос-Анджелес?»

«Да. То есть да, это то, что ты услышал. Но я все еще не уверен, что это то, чего я хочу».

Па кивает. «Не так-то просто взять и уехать».

«Тебе не знаешь. Ты всю жизнь прожил в Нью-Йорке».

«Потому что, Бенито, не так-то просто взять и уехать».

«Если я всегда буду бороться, то почему я не могу бороться где-нибудь в другом месте?»

«Есть большая разница между борьбой под крышей родителей и борьбой в одиночку».

«Я бы не остался один».

«Ты имеешь в виду парня? Ты бы переехал к нему?»

«Он не мой парень». Неважно, насколько это правда, но это самая глупая вещь что я мог сказать.

«Послушай себя. Тебе хорошо от этого? Имеет ли это смысл для тебя?»

Нет, мне это не нравится и это не имеет смысла.

Но что, если это сделает меня счастливым?

«Слушай, Марио даже не знает наверняка, что он поедет, ясно? Я не никуда завтра...»

«Я знаю, что не поедешь, потому что твоя мама сразу же прибежит, и потащит тебя обратно».

«Когда со мной обращаются как с ребенком, я очень хочу остаться, па».

«Это не то, что я хочу сделать. Я хочу, чтобы твоя жизнь была удивительной, но ты совершаешь огромную ошибку. Тебе еще учиться в колледже и...»

«Тогда я совершаю ошибку, - перебиваю я. Это моя жизнь. «Па, у меня не было приключений как у моих друзей. Дилан и Саманта уехали из города. Артур действительно счастлив со своим парнем в Уэслиане. А я застрял здесь».

«Мне жаль, что ты так застрял здесь, но многие люди хотели бы оказаться на твоём месте».

«Я знаю».

Я устал от того, что не могу владеть своими чувствами, потому что кому-то приходится хуже. Я знаю, что мне повезло, что у меня есть крыша над головой, родители, которые меня любят и еда на столе. Я знаю, я знаю, я знаю. Но я могу хотеть для себя большего.

«Бенито, я не хочу, чтобы ты принял импульсивное решение, о котором потом пожалеешь. Ты даже не привел этого мальчика домой, чтобы познакомить с семьей, и думаешь о том, чтобы уехать с ним из города».

Похоже, он думает, что Марио просто какой-то придурок. Но Па действительно прав. Нам с Марио нужно разобраться в себе, прежде чем я начну вести разговоры о Лос-Анджелесе. Но впервые я не чувствую, что моя жизнь находится за много световых лет отсюда. В моей

голове складывается карта, на которой Лос-Анджелес обведен кругом. И я знаю, какой первый шаг мне нужно сделать, чтобы попасть туда.

«Я пойду обратно. Я быстро», - говорю я.

«Поговорим позже», - говорит Па, выходя за мной на этаж.

Как только покупатель покидает отдел с лекарствами, я достаю телефон и получаю сообщение от Марио.

Все в порядке?

Да, - отвечаю я. Не хочешь прийти на ужин к моим родителям в конце этой недели?

Не знаю, как я не вспотел. Я нервничаю, но я благодарен, что не спросил его об этом лично или по FaceTime на случай, если он ответит отрицательно. Хотя, с меня хватит. Нам с Марио нужно разобраться, что это такое, прежде чем я решу, что делать дальше.

Он отвечает прежде, чем я успеваю убрать телефон обратно в карман.

Я читаю сообщение и улыбаюсь.

Я в деле!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

АРТУР

Среда, 10 июня

Увидеть Бена вне репетиционной студии - все равно что пройти через червоточину. Я не знаю, как еще это объяснить. Возможно, это просто ностальгия по бывшему парню, но его лицо заставляет меня забыть, какой сейчас год.

«Я проходил мимо этого места миллион раз», - говорит Бен, быстро обнимая меня.

«Даже не догадывался, что ты здесь работаешь». Он одет в слишком много слоев для июня, светло-серый свитер, поверх голубой рубашки-поло.

«Ты выглядишь очень по-осеннему, как студент колледжа», - говорю я ему.

Он смеется. «Подожди... что?»

«Как будто... не знаю, как будто ты одет для большой игры на выпускной? Это не так уж и плохо!»

Мне вдруг приходит в голову, что я никогда не видел Бена осенью - ни разу вживую, по крайней мере. Я никогда не стоял рядом с Беном в любое время года, кроме лета, и от одной мысли об этом у меня на секунду перехватывает дыхание.

«Игра на выпускной», - говорит Бен. «Ты как Джорджия».

Но когда он выходит на перекресток, я следую за ним несмотря на то, что знак «Пешеходный переход» еще не переключился и если это не чисто нью-йоркский инстинкт, то я не знаю, что это такое. Забавно, как легко снова погрузиться в это городское пространство - уклоняться от такси, предугадывать переключения светофора, и ходить в три раза быстрее, чем дома. Я там же, где и два лета назад, как будто какая-то параллельная версия меня никогда не переставала переходить эту улицу.

«Итак, Дилан ведет себя странно и отстраненно», - говорю я.

«Вообще-то нам не обязательно об этом говорить».

«Но я хочу». Он слегка вздрагивает, но я отмахиваюсь от него. «Я твой друг! Я забочусь о тебе».

Бен просто смотрит на меня, и я не могу понять его выражения. Но потом он слабо улыбнулся и сказал: «Хорошо, но я даже не знаю, с чего начать».

«Просто начни с самого начала. Ты сказал, что это довольно сложно, верно?»

«Не для меня, но да». Мы поворачиваем на Сент-Маркс-Плейс, и Бен теребит рукав своего свитера. «Типа, это все еще Дилан, и это все еще *шоу Дилана*. Но, несмотря на это, он всегда был искренним со мной, а сейчас этого не происходит. У меня такое чувство, что он неделями от меня отгораживался». Он пожимает плечами, жестом указывая на близлежащую площадь. «В общем. Ты знаешь, что здесь раньше была скульптура носорога?»

«Носорог как носорог?» Я показываю на свой лоб.

«Ладно, это единорог». Бен опускает мой рог на несколько дюймов, пока моя рука не упирается в нос. «Носорог. Это было похоже на сообщение о том, как они умирают».

«Звучит забавно», - говорю я, стараясь не обращать внимания на стук своего сердца.

Он смеется. «Они не были мертвы в скульптуре».

Мы проходим мимо Купер Юнион, кучи ресторанов и тату-салонов, и я не могу перестать путать прошедшее и настоящее время. Мне шестнадцать лет, у меня в руках пакет, полный презервативов, и каждый квадратный фут этого тротуара ощущается как святая земля. Я прохожу мимо зданий, которых никогда не видел, с мальчиком, который знает их наизусть.

Бен так и сыплет историями. Он показывает на боковую улицу, чтобы рассказать мне о ресторане, где подают Латкес, который он произносит как «лот-кейс». А когда мы дошли до Томпкинс-сквер, он рассказал мне, как они с Диланом избегали друг друга во время своих первых игр, потому что мамы отвели их на разные площадки в разных концах парка.

«Похоже на какую-то метафору». Бен бросает мне слабую улыбку.

«Ты хоть понимаешь, в чем дело? Например, почему он от тебя отгораживается?»

Он смотрит прямо перед собой. «Я имею в виду. Я полагал, что он был поглощен Самантой, понимаешь? Люди всегда бросают своих друзей, когда у них начинаются отношения».

Я вздрагиваю. «Что...»

«Но потом он снова отменил планы», - продолжает Бен, по-прежнему не глядя на меня,

«Я спросил, почему, а он такой: «О, у меня прием у врача».

«Подождите». Я поднимаю глаза. «Ты же не думаешь, что у него проблемы с...» Я осекся, почему-то не желая вслух упоминать о болезни сердца Дилана. Но я указываю на свою грудь.

«Да. Я не знаю».

«Черт».

Он моргает. «Может я просто преувеличиваю. Возможно, он просто в мире Саманты».

«Да, надеюсь». Я делаю паузу. «Не то, чтобы я хотел, чтобы он тебя бросил. Это не...»

«Я знаю, Артур».

На мгновение мы оба замолкаем.

«Хей», - говорю я наконец. «Могу я спросить тебя кое о чем?»

Он смотрит на меня, но ничего не отвечает.

Я сплываю. «Ты чувствуешь, что я тебя бросил?»

«Я имею в виду.» Он нахмуливает брови. «Бросил» - это неправильное слово. Просто, знаешь. Расставлял приоритеты, наверное? Но это нормально».

Я качаю головой. «Ты никогда не должен ожидать, что тебя бросят. Если я заставил тебя чувствовать себя так...»

«Нет. Я сам заставляю себя так чувствовать».

Его голос такой мягкий, когда он говорит это. Но слова отдаются в моей голове, будто он выкрикнул их в пещеру. *Я заставляю себя чувствовать так.*

Внезапно все, о чем я могу думать, это о тех трех месяцах, когда мы не разговаривали, и о том, что с тех пор никто из нас не вспоминал об этом. Наверное, мне казалось, что существует негласное соглашение, по которому мы делаем вид, что весеннего семестра никогда не было. Но может быть, нам стоит поговорить об этом. Друзья должны иметь возможность говорить о своей дружбе, верно?

«Кажется, я облажался», - говорю я неловко.

Бен смотрит на меня. «Что?»

«С тобой». Бен открывает рот, чтобы ответить, но я останавливаю его. «Я знаю, что между нами все было как-то странно, может быть? Я не знал, можно ли говорить с тобой о Майки Стью».

«Со мной ты можешь говорить, о чем угодно».

«Да, но...» Я делаю паузу, пытаюсь разобраться в своих путающихся мыслях в поисках чего-то более-менее связного.

«Я просто не знал, как много сказать, наверное, и я не пытаюсь быть мудаком... Я не говорю, что ты все еще влюблен в меня», - поспешно добавляю я.

«А что, если так?»

Я замираю. «Ты имеешь в виду...»

«О.» Щеки Бена становятся ярко-красными. «Прости, я просто имел в виду, что, *если бы* я все еще был влюблен в тебя? Например, это не было бы твоей виной. Я бы не хотел, чтобы ты перестал со мной разговаривать».

«Я имею в виду, у меня такое чувство, что ты действительно хотел, чтобы я перестал с тобой разговаривать».

С минуту Бен не отвечает — он просто бросает взгляд на указатель на парковую зону и ведет нас мимо развилки. Но затем он делает резкий вдох.

«Я так и не ответил на твое сообщение о дне рождения».

«Всю нормально, серьезно. Прости...»

«Нет, это моя вина. Я хотел ответить, но мы не разговаривали почти два месяца, и это казалось таким важным, понимаешь? А потом я как бы выстроил это в своей голове, и чем дольше я не отвечал...»

«Бен, все в порядке!»

Он быстро улыбается мне и молчит какое-то время.

«Что ж, - говорит он наконец. «Вы, ребята, кажется, очень здорово смотрите вместе».

Я моргаю, чувствуя себя немного не в своей тарелке. «Ты имеешь в виду...»

«Ты и Майки».

«То же самое с тобой и Марио. Он кажется удивительным человеком». Я слегка поморщился.

«Извини, я не знаю, стоит ли об этом говорить».

Бен смеется. «Почему это должно быть проблемой?»

«Из-за Калифорнии? Это отстой, что он переезжает». Я потираю затылок, чувствуя, как мои щеки горят. Может, тема «Марио переезжает в Калифорнию» запрещена. Бен точно не упоминал об этом - с тех пор как сообщил новость в случайном сообщении в воскресенье вечером. Но мне так любопытно.

Он ничего не говорил о разрыве. Но куда еще это может завести? Бен дал понять, что он не из тех, кто живет на расстоянии.

«Я имею в виду, что это не на всю жизнь, но да. Это отстой», - говорит Бен. Он поджимает губы и моргает. «Эй, могу я тебя кое о чем спросить?»

«Конечно! Всегда».

Он делает быстрый вдох. «Ты когда-нибудь чувствовала, что застрял?»

«Застрял? Как...»

«Нет... я не имею в виду Марио. Я не знаю. Это просто жизнь в целом. Я не люблю школу. Не люблю Дуэйн Рид».

«Дуэйн Рид – тебе нравится магазин?»

Он отводит взгляд, краснея. «Да. Хм.» Он расстегивает кардиган, обнажая маленький вышитый логотип. «Итак, я теперь там работаю. На своего отца».

«О, хорошо! Круто.»

Он делает лицо. «В смысле, мне нужны деньги, но это просто довольно неприятная работа. Летом немного лучше, но когда снова начнутся занятия, у меня почти не будет времени на то, чтобы делать уроки, а тем более работать над книгой».

«Это действительно отстой». Я сделал паузу. «Может, есть способ сделать так, чтобы твоя книга засчитывалась в зачет уроков или что-то в этом роде?»

«Я не знаю», - говорит Бен. «Не знаю, хочу ли я этого».

«Нет, да, я понимаю...»

«Честно говоря, я даже не уверен, что хочу учиться в колледже».

Я смотрю на него. «Ты имеешь в виду...»

«Может быть». В его голосе появились нотки раздражения. «Я просто хочу сказать, что, возможно, колледж не для всех».

«Я знаю. Я просто думал, что тебе нравится. Творческое письмо...»

«Да, мне нравится этот предмет, но это как...» Он надул щеки. «Я так много плачу за обучение, а мне даже не кажется, что я что-то получаю от большинства других занятий. Между тем существует миллион обычных писательских семинаров, на которых преподают точно такие же навыки, но стоят они в разы дешевле. К тому же тебе даже не нужно ничего из этого, чтобы быть...»

«Конечно, нет. Прости. Я не хотел на тебя давить».

«Все нормально. Я просто... наверное, я немного чувствителен к этому». Он потирает затылок. «Прости, мы можем поговорить о чем-нибудь другом? Как жизнь на Бродвее? Тебе уже разрешили кричать в мегафоны?»

«Хотелось бы. Все еще в Городе электронных таблиц».

Бен делает гримасу.

«То есть, все в порядке. Я начинаю разбираться. Просто скучно...» Я останавливаюсь, краснея. «Боже, ты, наверное, думаешь, что я самый большой засранец».

Бен удивленно смеется. «Что?»

«Количество людей, которые убили бы за то, чтобы получить мою работу, а я жалуясь на то, что мне приходится пересылать файлы Excel».

«Ладно, это же я! Ты можешь жаловаться на это».

«Нет, я знаю. Я просто пытаюсь относиться к этому лучше. Мне действительно нравится это место. И все там такие замечательные. Может, я впитаю всю их гениальность каким-то образом».

Мы сворачиваем за угол, уходя от брызг воды из гидранта. Через него бежит группа детей, визжа и смеясь, а из чьего-то телефона на крыльце доносится испанская музыка.

«И Тадж все еще крут?» спрашивает Бен.

«О, точно», - говорю я, думая о кружевной рубашке на пуговицах с короткими рукавами, которую он сегодня надел. И о том, что он только что вернулся из сказочного длинного уикэнда в Монтоке со своим партнером. «Он именно *такой*, каким я хочу быть в двадцать пять. А следующий шаг - стать дядей-геем, как Джейкоб, с мужем-британцем и гипоаллергенной собакой...»

«Bay...»

«И за мою идеальную, самую впечатляющую форму?» Я делаю паузу для пущего эффекта.

«Неуклюжий гей-отец двух дочерей по имени Розы и Руби».

Он смеется. «Ты как домашний покемон-гей».

Мы проходим мимо пожилой пары, которая здоровается с Беном по имени на английском с акцентом.

«Это мистер и миссис Диас из моего дома». Он останавливается под навесом и смотрит на меня с быстрой, застенчивой улыбкой. «И... Кстати, о моем доме...»

Я поднимаю глаза, мгновенно узнавая его. «Ого. Давно не виделись, да?»

«Серьезно», - говорит он. «Тебе стоит подняться. Я гарантирую, что мои родители будут в шоке если ты зайдешь».

Еще одна червоточина. Я здесь, прямо с работы, следую за Беном Алехо по лестнице в его квартиру. Я странно нервничаю - может быть, потому что так давно не видел родителей Бена. Интересно, подумают ли они, что я изменился по сравнению с тем, что было два лета назад. Может, я и изменился. В конце концов, ты никогда по-настоящему не чувствуешь, пока это не произойдет.

Дверь в прихожую Бена вышвыривает нас прямо к его квартире, где Изабель балансирует с кучей пакетов с продуктами и ищет ключи. Она задыхается, когда видит меня. «Артур Сьюз. Боже мой!»

«Я так рада тебя видеть!» Я хватаю несколько ее сумок, а потом я чуть не уронил их, пытаюсь обнять ее.

«Артур, спасибо тебе». Она сжимает мою руку. «О, я не могу поверить. Как ты?»

«Хорошо! Знаешь, вернулась в Нью-Йорк на лето».

Изабель поворачивает ключ, толкая дверь бедром. «Бенито сказал, что ты работаешь на известного бродвейского режиссера!»

«Думаю, он немного преувеличивает». Я быстро ухмыляюсь через плечо Бену, который ухмыляется в ответ и поднимает ладони вверх. «Это не Бродвей, но мне нравится».

«И это главное», - говорит она, когда мы с Беном следуем за ней внутрь. «Диего, ты не поверишь, кто здесь!» Она снова поворачивается ко мне. «Посмотри на себя. Еще более красивый, чем раньше. Держу пари, ты разбиваешь сердца парней направо и налево».

Я смеюсь. «Надеюсь, что нет».

Я оглядываю пространство, впитывая его. Всякий раз, когда мы с Беном общались по FaceTim, я представлял себя раскинувшегося на его кровати или сидящим за его маленьким столом в столовой. Здесь все выглядит таким же, вплоть до ковриков. Честно говоря, вся квартира выглядит так же, как и раньше, если не считать нескольких мелких деталей - школьного аттестата Бена в рамке на стене и нескольких новых семейных фотографий.

«Смотрите, кого кошка притащила», - говорит Диего, направляясь ко мне.

«Сумки можно поставить на стойку, зайчонок», - говорит Изабель. «Большое спасибо».

Диего обнимает меня. «Что тебя сюда привело? Просто по соседству?»

«Он работает неподалеку отсюда», - говорит Бен.

«С очень известным режиссером», - добавляет Изабель.

Диего хлопает в ладоши. «Это правда?»

Я краснею. «Он вроде как? В определенных кругах, наверное».

Я начинаю выгружать один из пакетов с продуктами, и Бен подходит, чтобы помочь мне. Диего наблюдает за нами с минуту, глаза блестят. «Бенито, продолжай приводить этих мальчиков поблизости. Джорджия позаботится о продуктах, а Калифорния приедет в эти выходные, чтобы приготовить для нас асопао де полло. Мы даже не знакомы с этим парнем, а он готовит для нас».

Это звучит как удар по горлу - на мгновение, клянусь, я перестаю дышать.

«Асопао», - объясняет Бен, как будто основное блюдо - это бомба. Он выглядит в панике.

«Это тушеный рис по-пуэрторикански. Его можно приготовить по—разному, но в рецепте бабули курица - это и есть полло - и голубиный горошек. Гандулес».

«Отличное произношение». Диего похлопывает его по плечу. «Бенито, я впечатлен».

«Он так старался», - говорит Изабель, но я не могу перестать смотреть на пакет, который только что вытащил из сумки с продуктами.

Голубиный горох.

Точно. Не думал, что Вселенная найдет способ заставить меня распаковывать ингредиенты для большого ужина в честь знакомства Бена и Марио с родителями, но вот, пожалуйста.

«А теперь скажи мне, Артур, - говорит Диего, придвигаясь ко мне. «Ты знаком с этим Марио? Этот мне ничего не говорит». Изабел бросает на него взгляд и тихо бормочет что-то на испанском. Диего переводит взгляд на меня и поднимает ладони словно защищаясь. «Ладно, ладно».

Изабель сжимает мое плечо. «В любом случае», - говорит она, выговаривая все слоги. «Мы так рады, что ты здесь. Почему бы тебе не присоединиться к нам за ужином сегодня вечером?»

«О-о-о.» Я качаю головой и откладываю горох. «Спасибо. Мне нужно... мне лучше пойти домой».

Бен нахмуливает брови. «Тебя проводить до метро?»

«Это не...»

«По крайней мере, позволь мне проводить тебя вниз». Он делает паузу. «Пожалуйста».

«Артур, в следующий раз тебе придется прийти подольше. Я хочу услышать, как поживают твои родители».

«У них все хорошо», - говорю я, быстро кивая, уже на полпути к двери. «Действительно рад видеть вас, ребята».

Бен следует за мной в коридор, и наши глаза встречаются, как только дверь закрывается за нами.

Я прочищаю горло. «Значит, у вас с Марио все серьезно, да? Встречаетесь с родителями».

Его смех разносится по коридору. «Ладно, на самом деле все не так...»

«Нет, я рад за тебя! Полагаю, ты изменил свое мнение об отношениях на расстоянии, да?»

«О...»

«Прости. Ладно!» Мое лицо становится красным. «Я ухожу, но да. Увидимся!»

Я уверен, что мое горло сжимается само по себе. Но это бессмысленно. Он не мой парень.
Бен не мой парень.

Наверное, я должен радоваться, что он наконец-то нашел парня, который стоит того, чтобы преодолеть расстояние.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

БЕН

Суббота, 13 июня

Прошло несколько дней, а я все еще не отошел от выражения лица Артура в тот момент, когда Па упомянул Марио. Я не знаю, почему он решил, что это нормально - случайно спросить чьего-то бывшего о парне, который его заменил. Думаю, я бы на минуту забыл, как дышать если бы кто-то вот так спросил меня о Майки.

Это просто отстой, потому что до этого момента все было идеально. Снова идти рядом с Артуром было так правильно, как будто мы вернулись к тому, с чего начали два лета назад. Даже разговоры о нашей дружбе не были так уж и плохи. Это было даже какое-то облегчение - может быть, между нами снова все будет нормально.

Но Артур был так далек от нормальности в коридоре, что даже не мог притвориться.

Полагаю, ты изменил свое мнение об отношениях на расстоянии, да?

Почему он так решил? И если он так странно относится к отношениям на расстоянии, то как он отреагирует, когда я скажу ему, что подумываю о переезде? Но я не могу беспокоиться об этом сейчас. Особенно если это может даже не произойти, если это шоу не возьмут. Зачем заикливаться на вымученных улыбках Артура или на слезящихся глазах Артура, пока не пришло время?

Стол уже накрыт к ужину, а Марио только что прислал смс, что идет на метро прямо сейчас. Что совершенно не страшно, и не стоит волноваться ни в коем случае. Он ведь даже не в первый раз здесь. Конечно, мамы и папы рядом не было. Это было сделано намеренно, особенно после того, как Па узнал, что у нас с Марио был секс. Время, проведенное с ним наедине, всегда было прекрасным. Это давало мне представление о том, какой будет жизнь, когда я немного отойду от родителей. Какой она может стать, если я окажусь в Лос-Анджелесе с Марио.

Из кухни доносится прекрасный запах. У нас есть тосты посыпанные чесноком на закуску, жаркое из свинины, которое запекается в духовке дольше обычного, чтобы оно получилось хрустящим, и эмпанадильи, которые я всегда люблю подавать с небольшим количеством острого соуса.

Звонок в дверь. Я напрягаюсь, как и в предыдущие два раза, когда приводил парня домой для знакомства с родителями. Забавно, как ты возвращаешься в прошлое, когда думаешь о будущем. Мама и папа всегда тепло относятся к моим гостям, но тут не было никакого соревнования между тем, как сильно они обожают Артура и Хадсона. И Теперь Марио здесь,

готовый очаровать моих родителей, как он очаровывает всех вокруг.

Я открываю дверь.

Марио в комбинезоне и расстегнутой клетчатой рубашке. В руках у него сумка с едой. «Ола. У меня есть кое-какие товары».

«Gracias. Заходи».

Когда я впервые впустил Марио в квартиру, я не нервничал так, как обычно приглашая людей в дом. Я еще даже не был в доме его семьи, но уже знал, что они живут небогато. У Марио было столько историй о том, как его мама выметает из дома мышей, словно персонаж мультфильма и как его братья ведут себя так, будто у них аллергия на белье, и как его отец - единственный, кто умеет починить плиту, но не настолько хорошо, чтобы горела лампочка. Было приятно не чувствовать, что мой дом должен быть идеальным. Я не стеснялся кухонных шкафов, которые старше меня, или нашего холодильника, который издает звук, похожий на скрежет металла, если его открыть на десять секунд, или того, как иногда случайная муха разбивает лагерь в нашей гостиной, словно пытаюсь присоединиться к нам для семейного киносеанса.

Это чувство легкости редко где встретишь, и это одна из причин, по которой я всегда считал, что мы идеально подходим друг другу.

«Ма, Па. Это Марио».

«Привет, Марио!» Маша вытирает руки, обнимает его и целует в щеку. «Добро пожаловать!»

Папа пожимает Марио руку. Хорошо, что Марио не догадывается, насколько внимательным обычно бывает Па, иначе это могло бы обеспокоить его так же, как меня. «Спасибо, что пришел».

«Вы шутите? Спасибо, что пригласили меня. Бен действительно скрывал вас от меня».

Марио ни разу не попросил познакомить его с моими родителями. Все это время мне казалось, что мы прячемся от них, чтобы обеспечить максимальную приватность. Даже не только ради секса. Как приятно положить голову ему на плечо, пока мы лежим в моей кровати и он играет в Animal Crossing. Или когда наши ноги сплетены вместе, а он делает наброски в своем блокноте, пока я редактирую TWWW. И поэтому я могла спокойно слушать все, чему он меня учил по-испански, а потом благодарить его поцелуями. Но я никогда не хотел давить на Марио на знакомство с моими родителями. Это казалось слишком большим шагом. Может быть, Марио уважал мое пространство так же, как я уважал его.

«Уверена, ему стыдно за нас», - легкомысленно говорит Ма.

«Ты же знаешь, что это не такт», - говорю я. Я уже много лет не стыжусь своей семьи, и то только из-за денег. Я перестал стыдиться, когда понял, что может у меня, и не самые свежие кроссовки или новые игровые приставки в дни релизов, но мои родители всегда были замечательными для меня и моих друзей, что нельзя сказать о других людях.

«Пардон». Как вас зовут?» спрашивает Марио на испанском.

Да, я не представил своих родителей должным образом.

«Yo soy Isabel y este es Diego», - говорит Ма.

«Mucho gusto», - говорит Марио с легким поклоном. «Здесь потрясающе пахнет».

«Беннито сказал, что ты будешь готовить для нас асопао», - говорит Ма. «Удачи впечатлить Диего. Он терпеть не может, когда я его готовлю».

«Ментироса», - говорит Па.

«Ментироса?» спрашиваю я.

«Ложь», - переводит Марио.

«Похоже, вы еще не дошли до буквы «М» в своих уроках», - говорит Па.

«Ты же понимаешь, что мы идем не по алфавиту?» говорю я.

«А ты нет?» Па поворачивается к Марио. «Нам придется отозвать твою лицензию».

Марио поднимает руки сдаваясь. «Посмотрим, смогу ли я вернуть ваше доверие с помощью еды».

«Только потому, что у меня хороший аппетит», - говорит Па, приглашая Марио на кухню.

Мама улыбается мне и хлопает в ладоши. «Он милый», - говорит она.

Я киваю.

Ма включает музыку, и все уходят на кухню. Там много народу и мы все вспотели за несколько минут, а Марио снимает свою клетчатую рубашку. Я могу всю ночь смотреть на него в одной белой майке и комбинезоне. Он увлечен разговором на испанском с моими родителями. Мне удастся разобрать слово, то тут, то там, что-то связанное с цифрами, и я сдаюсь, потому что они говорят слишком быстро. Мне не нужен переводчик, чтобы понять, что мои родители искренне смеются. Это делает меня по-настоящему счастливым. И даже немного грустно, что мы не сделали этого раньше.

Может быть, в будущем у нас будет больше таких возможностей.

Пока я смешиваю чай со льдом, Марио переводит мне свою историю.

Во втором классе у него были проблемы с вычитанием. Он хотел решать только задачи на сложение, поэтому он рисовал вертикальные линии на знаках минус, превращая их в знаки плюс. Его учительница отправила родителям записку домой попросив их лучше следить за выполнением домашнего задания.

Эта история очень милая, но я до сих пор потрясен тем, как ему удастся непринужденно и быстро рассказывать такие истории на испанском. Больше времени с Марио должно помочь мне достичь этого уровня.

Когда вся еда готова, мы усаживаемся за обеденный стол. Это похоже на двойное свидание с моими родителями.

Все обмениваются историями, и я, как связующее звено между Марио и моими родителями, я вроде как уже знаю их всех. Но я все равно обращаю внимание, когда Марио начинает рассказывать о том, что его мать и отец родом из Каролины в Пуэрто-Рико и жили в нескольких городах друг от друга, но не встречались, пока не переехали сюда, в Штаты. Появляются все новые и новые подробности, например, как его мать покупала кристаллы на рынке в Квинсе, когда она столкнулась с отцом Марио, который делал покупки ко дню рождения своей сестры. Мама Марио помогла ему, и после того, как они поладили, она попросила у него номер телефона. Они даже не подозревали о своей связи с Каролиной до четвертого свидания. Это очень милая история.

Мои родители расспрашивают Марио о занятиях, и мы с Марио цитируем самые популярные заметки нашего учителя, такие как «Нужно?» и «Я сокращаю», когда что-то затягивается в наших работах. Они хотят знать, почему он бросил колледж, и он объясняет им это так же, как и мне. Но для моих родителей это сложно, потому что они не такие творцы, как мы.

«Следование своему сердцу может иметь свои последствия», - говорит Па.

Марио кивает. «Я думаю, что дело не столько в том, чтобы следовать своему сердцу, сколько в том, чтобы понимать, что оно меня куда-то влечет».

Я никогда раньше не думал об этом с такой точки зрения. Формально это его выбор - следовать своим мечтам, но в глубине души это не так. Это притягательно и неизбежно. Именно так я чувствую себя, рассказывая истории. Однажды я не просто проснулся с желанием писать.

-Я просто начал это делать.

Для меня это имеет большой смысл. Мои родители тоже кивают, как будто они смирились с решением Марио. Очень помогает то, что он не их сын.

После того, как мы поужинали, Ма преподнесла нам чуррос с карамельным соусом. Пока

Марио рассказывает об этапах создания телешоу, я вспоминаю тот случай, когда мы гуляли с Артуром и я познакомил его с чуррос. Это привело к важному разговору между нами, о том, что значит для меня быть белым и пуэрториканцем, о чем мне никогда не приходилось рассказывать Марио ведь он в той же лодке. Артур был действительно потрясен тем, что все это продвигалось вперед. Это неудивительно, учитывая, какое у него большое сердце. И он рассказал мне о еврейском стиле. Я помню, как в выпускном классе мы проговорили три часа в Йом Кипур, потому что Артур постился и мне нужно было его отвлечь. Он сказал, что Йом Кипур - это когда ты признаешься в своем дерьме и клянешься исправиться, и мне понравилось, как он рассмеялся, когда я сказал что это похоже на идеальный второй шанс.

Конечно, год спустя Майки был единственным, кто отвлекал его и кот был ему нужен.

Марио сжимает мое плечо. «Когда Алехо здесь опубликует свою книгу, может быть, я смогу адаптировать ее для фильма».

«Да, пожалуйста», - говорит мама. «Бенито, я обещаю смотреть фильм, не задавая миллион вопросов».

«¡Mentirosa!» говорит Па.

Это занимает у меня секунду. Потом я вспоминаю значение. «Ложь?»

«Ай-яй-яй!» говорит Марио. «Хорошая работа!»

Па протягивает тарелку с последним чурро. «Марио, мой подарок тебе».

«Muchas gracias», - говорит Марио. Он делит чурро со мной.

Я вижу, как родители улыбаются.

Уже поздно, поэтому после того, как мы доели десерт, Марио помогает прибраться на кухне. Он прощается с моими родителями, говоря им по-испански, что надеется скоро увидеться с ними в ближайшее время. Мама и папа отвечают, что им тоже этого хочется. Это много значит для меня, особенно от Па.

Я спускаюсь вниз вместе с Марио, почти не вспоминая о том времени, когда Артур разрыдался и поцеловал меня на лестничной клетке второго этажа, потому что он только что набрал Google Translated «я люблю тебя» на испанском.

«Я люблю их, Алехо», - говорит Марио. «Мои родители замечательные, но между всеми моими братьями трудно получить такое внимание дома. Я понимаю, почему ты не хочешь покидать их».

«Слишком много внимания может стать проблемой. Я готов к большому уединению».

«Послушай, если это шоу будет продолжаться, то Лос-Анджелес может стать для тебя

реальным шансом перезагрузить свою жизнь. Я имел в виду это, когда приглашал тебя туда. Мне бы очень хотелось, чтобы ты был там со мной».

«Думаю, мне бы тоже».

Я целую его на улице и думаю о том, чтобы поцеловать его в Лос-Анджелесе, на улицах, где я никогда не целовал Артура.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

АРТУР

Воскресенье, 14 июня

Джесси хмурится, глядя в свое настольное зеркало с подсветкой. «Напомни мне, зачем я это делаю».

«Потому что Намрата уговорила тебя, а ты не можешь ей отказать». Я улыбаюсь ей с нижней койки. «Джесс так спариваются юристы в дикой природе. Младшие юристы нанимают своих стажеров, которые затем становятся младшими юристами, которые нанимают своих стажеров-...»

«Я разрываю этот круг. Никаких свиданий вслепую за поздним завтраком для моих стажеров. Запомни мои слова». Она выдавливает капельку косметики на кончики пальцев с подчеркнутой настойчивостью.

«Знаешь, как я буду смеяться, если этот парень окажется твоим соулмейтом?» Я поднимаю подушку Джесси и прижимаю ее головой к стене. «Ладно, давайте пройдемся по тому, что мы о нем знаем. Грейсон, двадцать лет, учится в Брандейс, из Нью-Йорка».

«Лонг-Айленд. Монток».

«Монток! Тадж только что был там. Его фотографии были потрясающими». Я прижимаю ладони к решетчатой раме верхней койки. «Ты должна провести свою свадьбу у большого маяка!»

«Это было бы вполне нормальным и разумным решением до того, как я познакомлюсь с этим парнем».

«Эй, любовь действительно непредсказуема! Ты должна быть готова».

«Это говорит парень, который до сих пор не ответил на «Я люблю тебя» своего парня».

Я корчу ей рожицу. «Это совсем другое дело».

«Правда?» - спрашивает она, нанося маленькие точки светло-коричневой жидкости на свои скулы. Джесси всегда говорит, что не знает, что делает с косметикой. -Но я не могу сказать, наверняка. Но есть что-то такое умиротворяющее наблюдать, как она открывает и закрывает все эти крошечные баночки, напевая при этом плейлист Фиби Бриджерс. Готов поспорить, я мог бы заснуть прямо на месте.

Вот только каждый раз, когда я закрываю глаза, я начинаю думать о Майки. *Я тоже тебя люблю. Я подбираю слова в своей голове. Я тоже тебя люблю. Я тоже тебя люблю. Я тоже тебя люблю.* Четыре быстрых слога, уже на кончике моего языка. Как я до сих пор не сказал

их?

Майки больше не поднимал эту тему - даже не намекал на вопрос. Но чем дольше он остается без ответа, тем больше его становится, и это действительно начинает напоминать на какой-то странный экзамен. *Вопрос № 1, который стоит всей вашей чертовой оценки:*
Ты любишь или не любишь Майки?

Возможно? Возможно? Признаки указывают на «может быть»?

Я просто хочу нанять какого-нибудь ученого, чтобы он поковырялся в моем мозгу и превратил это в PowerPoint. Подсчитать все цифры, построить графики и просто сказать мне, что я чувствую.

Я не знаю, что со мной не так. Я был так уверен в Бене. Знать, что я что люблю его, было все равно что знать свое собственное имя. Но это ощущение такое скользкое, как будто я пытаюсь вспомнить сон. Я знаю, что любовь должна быть другой, когда ты становишься старше.

Может быть, уверенность приходит после того, как ты произносишь это вслух.

«Мне кажется, что это бессмысленно», - говорит Джесси. «Мы оба вернемся в школу через два месяца. Я точно не ищу парня, который живет в часе езды».

«Это лучше, чем парень, живущий на другом конце страны».

«Не уверена, что назвала бы Бостон «другим концом страны». «Джесси смеется, но потом смотрит на меня. «Точно. Бен и Марио».

«Это просто бессмысленно. Они даже не совсем бойфренды».

«Ну, может быть, теперь они ими стали. Ужин с родителями Бена звучит довольно по-бойфрендовски». Джесси выключила свет в зеркале и посмотрела на деревянные часы на стене в виде лошадиного силуэта.

Бойфренды. Я подтягиваю колени, чувствуя оцепенение. Может, Джесси права - может их статус изменился с тех пор, как мы с Беном в последний раз говорили об этом. Нельзя отрицать, что приглашение парня домой, чтобы познакомить с родителями, несет в себе огромную энергию «Бойфренда с большой буквы Б».

«Я должен написать ему», - говорю я.

Джесси замирает. «Ты имеешь в виду Бена?»

«Да... не знаю. Я просто чувствую себя мудаком из-за того, как я все бросил в среду со всеми

этими Марио Стью.» Я нащупываю телефон. «Я должен посмотреть чем он занимается».

«Я не знаю, стоит ли...»

Музыка стихает, и телефон Джесси начинает вибрировать рядом со мной. «Хм...» Я перевожу взгляд с экрана на Джесси. «Ты не поверишь, но Итан звонит тебе».

Джесси бросается к нему и нажимает «принять». «Привет!» У нее перехватило дыхание.

«Беги опаздываю, извини. Позвонить тебе?» Она делает паузу. «Да».

Я смотрю на нее, ошеломленный. «С каких это пор вы разговариваете?»

«Мне пора», - говорит она. «Я объясню позже. Люблю тебя! Не пиши своему бывшему».

Не пиши моему бывшему? Когда буквально через две секунды после того, как я произнес имя Бена, Джесси позвонил *ее бывший*? Могла ли Вселенная быть более ясной, или Джесси нужно, чтобы это было высечено на каменной скрижали? **ТЫ ДОЛЖЕН РАССЕЯТЬ НЕЛОВКОСТЬ ПРЕДЫДУЩЕЙ НЕДЕЛИ, ПЛАТОНИЧЕСКИ ПЕРЕПИСЫВАЯСЬ СО СВОИМ БЫВШИМ.**

Я открываю переписку еще до того, как Джесси входит в фойе.

Я был странным в среду - есть шанс, что ты (и Марио!) согласишься на повторную встречу? Может, в центральном парк? Я нажимаю «отправить», чувствуя себя таким взрослым, что мне, честно говоря, нужно посидеть здесь и насладиться этим в течение минуты. Доказательство прямо здесь, в письменном виде: Я самый холодный, самый достойный бывший в игре.

По крайней мере, я спокоен, пока Бен не начинает печатать. Лол, ты не был странным! Я бы точно с радостью согласился бы на повторную встречу в Центральном парке, но я должен помочь Дилану примерить костюм для свадьбы кузины Саманты, он слишком напуган, чтобы идти в Блумингдейл один.

Патрик был недоступен? спрашиваю я.

ЛОЛ, - отвечает Бен, - ЛОЛ большими буквами.

Я ухмыляюсь, глядя на экран телефона. Я и забыл, как сильно мне нравится его смешить. Бен снова начинает печатать.

Подожди, как ты отнесешься к тому, если мы сделаем это групповым?? Может, ты поделишься со мной своим мнением о музыке Дилана?

О, хорошо! Ты уверен, что Ди не будет против, если я буду третьим лишним?

Реакция Бена мгновенна. Ты не будешь третьим лишним! Ты должен прийти...

Встречаемся в полдень во флагманском магазине на Лексе, мужская формальная одежда

рядом с «Армани».

Это тот, что рядом с нашим почтовым отделением, - добавляет он.

Нашим почтовым отделением.

А я-то думал, что Майки - единственный мальчик, который может выбить воздух из моих легких тремя словами.

Стоя рядом с кучей манекенов в костюмах Армани, Бен и Дилан выглядят как пара вожатых, пришедших на Met Gala. Когда я подхожу к ним, Дилан уже успел сделать заявление. «Я был там, когда она заказывала его. Клянусь жизнью моих предков, что там есть костюм с именем Дигби».

«Пустое обещание», - говорит Бен. «Твои предки уже мертвы».

«Мы говорим не о моей родословной, Бенстаграм. Речь идет о Дигби. Уортингтон Уитакер, выпускник Йельского университета, получивший диплом с отличием. Прояви немного чертово уважение».

«Дигби - кузен Саманты?» спрашиваю я.

«Артропод! Эта рубашка!» Дилан загорается. «Это как *Stranger Things* встречает... солнце».

«Ха, да. Думаю, она довольно желтая». Я дергаю воротник, щеки становятся теплыми.

«Спасибо, что позволил мне испортить твой поход по магазинам».

«Рад, что ты здесь, брат». Он похлопывает меня по плечу. «Мне нужно проверить костюм Дигби. но ты располагайся поудобнее. *Mi casta es su casta*».

«*Mi casa*», - говорит Бен.

«Да, дорогой, это наша каста». Дилан закатывает глаза и улыбается.

К тому времени, как он исчезает в магазине мужской формальной одежды, Бен успевает извлечь бирку между пуговицами сложенной голубой рубашки. «Ни хрена себе. Угадай, сколько это стоит».

«Пятьдесят долларов?»

Бен поднимает ладони вверх и жестом показывает, чтобы я поднялся выше.

«Сто?»

«Двести двадцать пять», - говорит он, - «за рубашку на пуговицах».

«Уф. Армани не шутит».

«Я не понимаю», - говорит Бен. «Почему это лучше, чем, например, Marshalls? Оно усыпано бриллиантами? От его ношения ты получаешь оргазм?»

«Ола, я бы хотел сделать заказ на одну футболку с бриллиантовыми нитями для оргазма, пожалуйста».

Мы оба оборачиваемся, чтобы увидеть Марио в свободной голубой майке, выглядящего так, будто он телепортировался прямо с пляжа. Он приветствует меня поцелуем в щеку, который что застает меня врасплох, и я с трудом могу осознать, что он вообще здесь. Я уверен, что Бен не упоминал о его приезде, но, видимо, присутствие Марио - это стандартная ситуация.

Но не успеваю я толком поздороваться, как Дилан снова появляется, неся в руках черный костюм на вешалке. «Джентльмены, пора примерить этого плохого мальчика. И под «плохим мальчиком» - он лукаво взглянул на Бена – «я не имею в виду костюм».

«Я не собираюсь заниматься с тобой сексом в примерочной магазина Bloomingdale's», - говорит Бен.

«Тогда мы оставим это для Бергдорфа». Дилан гладит волосы Бена. «Да ладно, я не хочу быть единственным, кто примеряет это на себя».

Бен качает головой. «У меня нет...»

«Не волнуйся, Бенджи. Я найду тебе что-нибудь горячее».

«Ди, я даже не думаю, что смогу купить здесь носки».

Но Дилан уже подталкивает Бена к раздевалке, оставляя нас с Марио плестись за ними. Конечно, я не могу удержаться от того, чтобы не посмотреть на ценники из чистого нездорового любопытства. «Вот этот - *восемьсот долларов*». Я бросаю взгляд на манекен в костюме-тройке темно-синего цвета. «Насколько шикарна эта свадьба? Двоюродный брат Саманты - Джефф Безос?»

«Черт.» Марио хватается за манекен. «Я вижу тебя, мистер фантастически модные штаны». Через несколько минут я следую за Марио в помещение, которое могло бы сойти за назвать минималистичную квартиру-студию, с деревянными стенами, подвесными светильниками-шарами и обрамленными черно-белыми фотографиями уличных знаков. Это не примерочная, где под занавесками видны ноги, но по голосам легко определить, в каких кабинках находятся Бен и Дилан. Особенно Дилан. Я устраиваюсь на одном из черных кожаных диванов без спинки рядом с Марио, который тут же закрывает рот руками и спрашивает: «Где мой показ мод? Мне нужно немного развязности».

«Ты не можешь справиться с моей развязностью», - отвечает Дилан, и Марио открывает рот, чтобы ответить. Но тут дверь рядом с Диланом со скрипом открывается, и мой мозг

переключается в портретный режим. Все расплывается, кроме Бена в его темно-сером костюме с расстегнутым пиджаком, кроссовками, выпирающими из-под слишком длинных серых брюк. Он розовощекий и застенчивый, а то, как он держит руки, заставляет меня вспомнить о пингвинах. Я чувствую себя неловко, просто глядя на него.

«Вау, - тихо говорит Марио. Он хватается за сердце, но Бен только гримасничает.

«Я мог бы оплатить половину нашей аренды этим костюмом. Это просто смешно».

Я прочищаю горло. «Ты сделал асимметричный галстучный узел».

Он улыбается и говорит «да», а потом мы просто смотрим друг на друга в течение минуты. Или десять минут. Или десять часов. Я не знаю, как измерять время, когда Бен смотрит на меня.

«Вот!» доносится голос Дилана через дверь кабинки. Он распахивает ее, демонстрируя костюм, который почему-то еще шикарнее, чем у Бена. «Это я, выходящий из своей куколки, преображенный силами природы и красоты».

Я показываю ему большой палец вверх. «Мне нравится».

«Нравится?» Он смотрит на меня. «Ты говоришь как моя мама».

«Это... плохо?»

Марио изучает его. «Мне нравится этот костюм. Мы готовы выслушать конструктивные замечания по поводу галстука-бабочки?»

«Я... не знаю, готовы ли мы для этого». Дилан достает телефон из нагрудного кармана и начинает печатать. «Я попрошу Саманту... написать ее кузине, чтобы она узнала».

«Ах», - говорю я. «Какой замечательный жених?»

«Абсолютно», - говорит он.

«Ладно, вот как мы это сделаем». Марио вскакивает и поворачивается к Дилану. «Ты идешь со мной. Мы подберем несколько вариантов и отправим фотографии Грумзилле».

«Супер Марио, я в твоём распоряжении», - говорит Дилан, но тут же разворачивается и хватается Бена за рукав пиджака. «И куда это ты собрался?»

«Обратно в примерочную?»

«Абсолютно нет». Он тычет Бена в плечо. «Не смей переодеваться, пока Франц не увидит тебя. Я сейчас вернусь».

Бен закатывает глаза и опускается на диван рядом со мной. Но мгновение спустя он встает, снимает пиджак и садится обратно. «Я действительно не ожидал, что буду играть в переодевания».

«Ну...» Я краснею. «Ты отлично выглядишь».

«Спасибо. Просто мне так неловко. Этот парень, Франц, устроил нас здесь, и он был таким милым. Мне не нравится, что я делаю для него лишнюю работу без всякой причины».

«Он поймет. Люди постоянно примеряют костюмы», - говорю я. По крайней мере, я уверен, что эти слова прозвучали из моих уст, моим голосом.

Не могу вспомнить, видел ли я раньше Бена в рубашке на пуговицах и галстук. И я думаю, в последний раз я видел Бена в костюме, когда мы разговаривали по FaceTime из наших туалетов перед выпускным балом. Просто в это трудно поверить.

Когда Дилан возвращается, на его плечи наброшены четыре или пять галстуков как талит. Марио бежит прямо за ним, но, как только видит нас с Беном, сразу же спохватывается и достает из кармана телефон. «Bay!»

Бен наклоняет голову. «Что ты делаешь?»

«Сейчас увидишь». Все еще глядя в объектив камеры, он тянется вперед и выхватывает пиджак с коленей Бена. «А теперь верни руки на место», - он делает снимок, - потому что вы ребята, - «точное воспроизведение *Ла-Ла Ленда* прямо сейчас».

Я резко смеюсь. «Что?»

«Посмотри, как ты сидишь». Марио делает поцелуй как шеф-повар. «И все такое».

У Дилана расширяются глаза. «Ни хрена себе».

«Должно быть, это знак». Марио наклоняется вперед и целует Бена в губы.

Бен неловко улыбается. «Чего?»

«Что ты полюбишь Лос-Анджелес и никогда не захочешь вернуться обратно».

С минуту он не может понять, что происходит. Слова не складываются в единое целое. *ЛОС-АНДЖЕЛЕС. Никогда. Не вернусь.*

Дилан смотрит на Бена так, как никогда раньше. «Ты переезжаешь?»

У меня что-то тянет в груди. Может, это мои вены и артерии отсоединяются, как шнуры из розетки. Может, каждый клапан моего сердца потемнел.

«Эм. Возможно? Думаю, это зависит от того, возьмут ли шоу Марио». Бен бросает взгляд на Марио. «Это не навсегда. Просто чтобы попробовать. Сменить обстановки».

«Какого хрена? Ты собирался упомянуть об этом или нет?»

«Да!» Бен поморщился. «Ди, я как бы... не знаю, я просто решил...»

«Ты просто решил переехать в Калифорнию? Ты никогда не покидал Нью-Йорк. Ты даже не навестил нас с Самантой в Иллинойсе».

Бен недоверчиво смотрит на него. «Ты злишься, что я не смог...»

«Я сказал, что заплачу за это!»

«Ну, меня это не устраивает!»

«Точно». Дилан резко смеется. «Но ты не против переехать в *Калифорнию* ради парня, которого ты знаешь всего два месяца?»

Бен выглядит так, будто может разрыдаться. «Мы учились вместе весь год! И я не... я не собираюсь ни ради кого переезжать».

Я отмалчиваюсь. Мне даже не кажется, что я здесь. У меня такое чувство, что я наблюдаю за собой на гигантском экране с расстояния пятидесяти ярдов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

БЕН

Среда, 17 июня

Меня вызвали в «Дрим и Бин».

Я выхожу из здания вокзала и заканчиваю переписку с Артуром пока иду по кварталу.

Думаю, Дилану просто нужно остыть, - говорю я.

Я никогда не видел его таким расстроенным, - отвечает Артур. Ты превратил его в настоящего парня, Джеппетто.

Я смеюсь. А он обращается со мной так, будто я какой-то Буратино с большим носом! Я не лгал. Я просто не сказал ему об этом. Я останавливаюсь возле «Дрим и Бин» и делаю снимок. Воспоминание!

Артур набирает сообщение. Останавливается. Набирает. Останавливается. Набирает. Это напряжение начинает меня доставать. Наконец-то пришло сообщение: Принеси Дилану очень большой кофе со льдом, чтобы охладить его!

Должно быть, он что-то удалил. Может быть, даже абзацы чего-то, и я не могу не задаться вопросом, что это мог быть за текст. Может, это было про Калифорнию?

Хотел бы я знать, о чем думал Артур. Он ничего не сказал об этом

Пока что он ничего не сказал об этом, кроме того, что сообщил мне о реакции Дилана. Если уж на то пошло, он казался почти веселым. Что вполне логично. Или, по крайней мере, это не имеет смысла. За исключением тех случаев, когда я думаю о том, каким ошеломленным он выглядел в Bloomingdale's.

Я не могу не задаться вопросом, есть ли что-то, о чем он умалчивает. И конечно же он не обязан мне отвечать. Он вправе держать все в себе, если хочет. Но дело в том, что именно так все и началось прошлой зимой. Именно так Артур и я потеряли друг друга. И когда я думаю о том, чтобы снова потерять Артура...

Может, это бессмысленно? Может, мне стоит оттолкнуть его сейчас, чтобы покончить с этой потерей.

Ладно, я слишком много думаю. Возможно, он просто занят на работе или очень придирчив к формулировке шуток, потому что это Артур, а он такой. И это не вопрос. Мы будем

оставаться на связи, независимо от того, в каком часовом поясе я нахожусь. Я буду отправлять сообщения перед сном, и к тому времени, как я проснусь будет полднюжины сообщений от Артура, описывающих все, что произошло за утро, начиная с выбора одежды и заканчивая тем, чем они с Майки занимаются. Потом я расскажу ему о своем дне с Марио.

Может, Артур и Бен как друзья и есть лучшие из нас.

Я быстро отправляю ответное сообщение: Иду. Пожелай мне удачи. Отправляй спасительные сообщения на случай, если мне понадобится выйти.

Есть, капитан, - пишет он.

Я захожу в «Дрим и Бин», и это похоже на прогулку по тропинке воспоминаний. Только вот это совсем не похоже на тот случай, когда мы с Диланом обнаружили постер Артура с моей фотографией на стене. Дилан сидит с Самантой за угловым столиком. Его руки сложены, и он смотрит мне в глаза, а затем смотрит в потолок, словно не замечая меня.

Я закатываю глаза.

Я подхожу к Саманте и целую ее в щеку. «Привет. Как ты?»

«Устала», - говорит она. «Длинная ночь».

«Все в порядке?»

«Некоторые семейные дела... Я не хочу сейчас об этом говорить».

«Не беспокойся. Надеюсь, все наладится». Я поворачиваюсь к Дилану. «Привет, Ди». Дилан отворачивается.

Я даже не потрудился придвинуть стул. «Чувак, ты... я цитирую. -«вызвал» меня сюда, чтобы поговорить. Ты действительно не собираешься говорить?»

«Он будет говорить», - говорит Саманта.

«Через тебя?»

«А ты что думал?»

«Я думаю, мы слишком стары для этого».

Саманта хлопает. «Я так и сказала. Сядь и поговори со мной. Дилан может присоединиться к нам, когда вырастет».

Дилан поворачивается к ней. «Я вырос».

Саманта достает свой телефон.

«Не ставь таймер», - говорит он.

«Я и не ставлю. Я ставлю секундомер, чтобы зафиксировать, как долго ты будешь продолжать в том же духе».

«Это выглядит довольно по-детски».

«Горшок называет чайник черным». Саманта запускает секундомер. Дилан смотрит на него, но ничего не говорит.

«В общем, Бен. Этот переезд в Лос-Анджелес. Как давно ты об этом думаешь?»

«Давно. То есть, вроде как. Марио заговорил об этом, но я чувствовал себя беспокойно в Нью-Йорке. Моя жизнь совсем не меняется, не то что у вас, ребята. Я знаю, все, что изменилось - вы двое видите друг друга двадцать четыре часа в сутки, но это приятно. Даже если я не знаю, как вы это пережили». Я жестом показываю на Дилана, который выглядит так, будто хочет что-то сказать, но вспоминает, что не говорит со мной.

«Я выживаю, потому что здесь не двадцать четыре на семь», - говорит Саманта. «Я принимаю очень долгий душ и практически умоляю своего консультанта в кампусе позволить мне погулять с ней подольше».

«Звучит здорово», - говорю я.

«Звучит здорово», - насмешливо повторяет Дилан.

Я наклоняюсь. «О, что это? Ты меня слышал?»

Дилан ничего не говорит.

Саманта качает головой. «Бен, я думаю, это очень неожиданно. Ты уже зарегистрировался на осень, тебе нравятся твои занятия и...»

«Я люблю только класс по творческому письму. И Марио там не будет».

«Но с каких это пор ты следуешь за Марио по всему миру?»

«Это очень драматично».

«Дилан добавляет, как будто он сейчас не драматизирует ситуацию до смешного».

«Ладно, ты думаешь о том, чтобы поехать за Марио через всю страну. В город в котором ты никогда не был».

«Я не обязан там оставаться, если мне там не понравится».

«Я лично думаю, что тебе понравится Лос-Анджелес, но я не уверена, что это правильный шаг чтобы привести тебя туда».

«Это что, интервенция?»

«Это дружеский совет. Мы хотим для тебя самого лучшего, даже если детское молчаливое обращение Дилана говорит об обратном».

Мой телефон вибрирует. Я почти не проверяю сообщение, но рад, что проверяю. Это Артур

подбадривает меня и говорит, чтобы я оставался сильным. Как будто он сидит на этом пустом кресле рядом со мной.

«Мне просто нужна поддержка. Я всегда поддерживал вас двоих, даже тогда, когда этот слишком рано назвал тебя своей будущей женой. Я не пытаюсь выйти замуж за Марио, понятно? Я просто думаю о том, чтобы провести некоторое время в Лос-Анджелесе с ним».

«Для этого нужно бросить школу», - говорит Саманта.

«Да, бросить школу! Я не получаю стипендию, как ты, и это образование не стоит того, чтобы напрягать финансы моей семьи. Другие занятия не очень-то помогают мне писать. Я могу записаться на какие-нибудь местные курсы и не разорить свою семью».

Саманта кивает. «Я понимаю. Бен, ты ведь знаешь, что публикация книги не гарантирует, что все изменится, верно?»

«Что, ты не веришь в меня?»

«Я-» Саманта делает глубокий вдох и поворачивается к Дилану. «Прекрати. Твоему лучшему другу приходится нелегко, и я не собираюсь быть злодейкой, потому что ты ведешь себя как ребенок». Она снова поворачивается ко мне. «Бен, я люблю тебя и верю в тебя. Ты удивительный и преданный писатель. Я хочу, чтобы у тебя была волшебная история, в которой ты публикуешь книгу, и твоя жизнь меняется в лучшую сторону. Но я не хочу чтобы твоя мечта в конечном итоге укусила тебя за задницу». Она встает и встряхивает свою пустую бутылку из-под сока. «А теперь извините меня, мне нужно в туалет». Она поворачивается обратно к Дилану. «Если ты не будешь говорить Бену о том, как сильно ты хочешь заняться с ним любовью к тому времени, как я вернусь, то ты еще долго будешь заниматься любовью с самим собой в течение долгого времени».

Саманта идет к туалету, бросая бутылку в мусорное ведро как будто это микрофон.

Дилан закрывает глаза. «Один капучино, два капучино, три капучино, четыре капучино...» Он никогда не был большим поклонником счета с Миссисипи, потому что считает, что ни одно слово не должно быть таким сложным для написания. Мне это всегда казалось глупым, ведь он не произносит слово по буквам, но Дилан будет Диланом.

«... десять капучино». Он открывает глаза и останавливает секундомер на телефоне Саманты. «Привет, Бенджамин. Я ценю, что вы нашли время, чтобы мы могли поговорить как вежливые люди».

Я смотрю на него с укором.

«Я хотел бы поговорить с вами о том, что меня весьма расстроило, если вы готовы вести со мной диалог по этому вопросу».

«Именно поэтому я здесь».

«И снова я ценю ваше присутствие». Итак, речь идет о том, что вы рассматриваете возможность переезда в Лос-Анджелес. Не от тебя, как можно было бы ожидать от лучших друзей на всю жизнь, а от некоего Марио Колона. Он бросил бомбу, как будто это игрушка, хотя, уверяю вас, бомбы - не игрушки».

«Поговорите с ним об этом».

«Сейчас он мне не особенно нравится. Он забирает моего лучшего друга из Нью-Йорка».

«Ты даже не живешь здесь больше».

«Это может измениться! В Чикаго самые ужасные зимы!»

«Знаешь, где зима не самая худшая?»

«Только не говори...»

«Лос-Анджелес».

«Будь ты проклят, Бенджамин. Ты сказал это, когда я просил тебя не делать этого, и я беспокоюсь, что наша вежливая беседа рискует превратиться в нецивилизованную».

У меня от этого сильно болит голова. «Ди, почему тебя это волнует? Ты говорил о том, что мы будем проводить вместе все лето, а вместо этого ты отменял встречи тысячу раз...»

«Ложь! Ложь!»

«И твои причины так слабы. Почему я должен оставаться в Нью-Йорке, когда тебя здесь нет? И даже когда ты здесь, ты ведешь себя еще более странно, чем обычно?»

Дилан наклоняется. «Здесь действуют силы, о которых я не могу говорить, потому что я поклялся хранить тайну», - шепчет он. «То, что происходит в семье Саманты, но это ее дело, и мне, как ее парню, доверили это и я не могу этим злоупотреблять. Даже перед тобой, моему веснушчатому лучшему другу, который приравнивает отмену моих планов к такому же преступлению, как и переезд через всю страну не предупредив меня».

«Я еще не переехал. Мы даже не знаем, возьмут ли шоу!»

«И когда эта информация может появиться, скажи на милость? Или мне спросить у Марио?»

«Я имею в виду, Марио считает, что мы скоро узнаем. Может быть, через неделю или две? Но даже если Марио придется уехать раньше, я не думаю, что уеду раньше следующего месяца».

«В следующем месяце?!»

Саманта возвращается из ванной. «Я не вижу, чтобы кто-нибудь из вас занимался любовью».

Дилан поворачивается к ней. «Он переезжает в следующем месяце!»

Саманта берет его за руку. «Это его жизнь. Мы должны уважать это».

«Я могу возненавидеть его и вернуться», - говорю я.

«О, пожалуйста, ты собираешься уйти от своего горячего парня, который, возможно, делает лучшие замки из песка, занимается серфингом, как олимпиец, и выглядит сексуально все время?»

«Вообще-то Марио не умеет плавать».

«А как же песочные замки, Бен? А как же песочные замки?»

Я пожимаю плечами.

Дилан вздыхает. «Думаю, дай мне знать, когда ты навсегда переедешь в Лос-Анджелес в следующем месяце».

«Нам просто нужно еще пообщаться», - говорит Саманта. «Мы с Диланом идем на вечер открытых микрофонов в пятницу. Почему бы тебе и Марио не присоединиться к нам?»

Я киваю. «Звучит заманчиво». Я беру телефон, отвлекаясь на то, как Дилан бормочет что-то Саманте.

Я набираю «Вечер открытых микрофонов в эту пятницу с Диланом и Самантой?» и спрашиваю: «Что это, Ди?».

«Ничего», - отвечает он.

«Он сказал, что надеется, что вечер открытых микрофонов заставит тебя снова полюбить Нью-Йорк», - говорит Саманта. «Это не входит в мои планы. Я просто хочу увидеть тебя пока есть возможность».

Мой телефон жужжит.

Звучит весело! Где?

Мир замирает.

Я написал не тому человеку.

«Хм...» Я сглатываю. «Я случайно написал Артуру вместо Марио о пятнице. Должен ли я...?»

«О, не стоит», - говорит Саманта. «Пригласи их обоих! Чем больше, тем веселее».

«Спасибо».

Я пишу Марио - на этот раз по-настоящему - и он сразу же соглашается. Только мы вдвоем в эту пятницу. Что может пойти не так?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

АРТУР

Четверг, 18 июня

Не хочу бить тревогу раньше времени, но я уверен, что меня преследует Калифорния. Сначала это была дурацкая гифка, которую Джесси прислала мне за обедом. Затем: реклама такси для *«Настоящих домохозяек Беверли-Хиллз»*, автобусник, поющий «Отель «Калифорния»», парень, читающий «Биг-Сур» на платформе, и не менее четырех статей в моем новостном приложении о фильме *«Однажды... в Голливуде»*. Не знаю, считает ли Вселенная это забавным или что, но, если я увижу еще одну пальму, закат или большую белую букву, я буду требовать судебного запрета.

Хотя, блядь, настоящий победитель - Итан, засоряющий мой мозг ссылкой на последний пост Марио в Instagram. «Пожалуйста, скажи, что ты это видел».

Я опускаюсь на диван, пытаюсь представить себе мир, в котором я не проверял этот пост миллион раз с тех пор, как Марио его выложил. С каких это пор ты подписался на Марио? Я спрашиваю.

Мгновение спустя: - Лол, с тех пор как ты прислал мне его ленту?

Я нажимаю на страницу Марио, открывая уже знакомый пост: Бен и я на диване в примерочной, обрезанный рядом со скриншотом Эммы Стоун и Райана Гослинга на скамейке в парке. Подпись Марио гласит: «Найдите разницу». Это уже набрало почти восемьсот лайков, и каждый из них словно в меня вонзили иглу. Но хуже всего то, что я не могу удержаться от того, чтобы не пролистать квадраты нелинованных фотографий Марио и снимки из Лос-Анджелеса: ямы Ла Брея, стопка блинов, внешний вид бара, где снимался эпизод RuPaul's Drag Race. Слишком легко вставлять Бена в каждый кадр. Марио и Бен идут по пирсу Санта-Моники, держась за руки. Ноутбук Бена рядом с ноутбуком Марио на столике во внутреннем дворике. Это как синяк, который я не могу перестать натирать.

Люди не предупреждают, что боль в сердце - это хроническое заболевание. Может быть, она немного утихает со временем, или вы можете смягчить ее расстоянием, но боль никогда не сходит на нет. Она затаилась на заднем плане, готовая вернуться как только вы ослабите бдительность.

Бен уезжает из Нью-Йорка. И мне кажется, что он уезжает именно от меня.

Что не имеет смысла. Я даже не живу здесь. А даже если бы и жил, Бен не мой парень. Он абсолютно, однозначно не...

Майки. На экране появляется фотография, словно я ее вызвал: мы с Мией вдвоем в тусклом

свете ее спальни. Это самая милая фотография, которую я когда-либо делал, и от чувства вины, что меня чуть не стошнило.

Но откуда вообще взялось это чувство вины? Я не переступал никаких границ. И не переступлю. Я бы не стал. Майки знает о каждой тусовке Бена за все лето. Я опускаю колени на диван и нажимаю кнопку голосового вызова.

Он отвечает шепотом. «Эй, подожди секунду. Я только что вышел из комнаты Мии». А мгновение спустя дверь со скрипом закрывается, и я представляю, как Майки идет по коридору в своих белоснежных носках. «Ладно, я вернулся», - говорит он. «Мы можем пообщаться по FaceTime? Я хочу спросить тебя кое о чем».

Мой желудок скручивается, но я улыбаюсь. «Я должен нервничать?»

«Почему ты должен нервничать?»

«Потому что ты сказал, что хочешь меня о чем-то спросить, а вопросы пугают».

«Это не страшно, обещаю». Майки появляется на видео, улыбаясь. Он за своим столом, телефон прислонен к стене, камера направлена снизу вверх. И как всегда, вечно плохо работающий FaceTime. «Итак, мои родители наконец уговорили Робби и Аманду на свадьбу», - говорит он.

«О! Вау...»

«Совсем крошечная. Просто танцы и торт на заднем дворе. Но я могу привести плюс один, так что...» Он застенчиво улыбается. «Оставим дату на одиннадцатое июля?»

Я сделал паузу. «В этом году?»

«Знаю, это до смешного рано. Но, судя по всему, у них уже есть наш пастор и, кажется, они уже заказали шатер».

«Майки, я не могу», - тихо говорю я. «Мне так жаль. Спектакль открывается в эти выходные. Я должен быть на работе».

Он нахмуливает брови. «Ты думаешь, никто не сможет тебя подменить?»

«В выходные?»

«Ты же стажер ассистента».

Мои щеки загорелись. «Да, я понимаю, что ты разочарован, но, пожалуйста, не надо поливать грязью мою работу».

«Это не...» Он на мгновение закрывает глаза. «Артур. Мне очень жаль. Это прозвучало неправильно. Я просто скучаю по тебе, понимаешь?» Его щеки покраснели. «И дело не только в свадьбе. Мне кажется... в последнее время я чувствую себя так, будто это я прилагаю

все усилия».

Мой живот напрягается. «Что ты имеешь в виду?»

«Не знаю. Просто повседневная работа и FaceTime...»

«Мы разговариваем каждый день!»

«Да», - мягко говорит он. «Потому что я звоню тебе каждый день».

Я останавливаюсь. «Прости. Я и не подозревал...»

«И ты так хорошо справляешься с важными моментами. Например, Новый год, билеты в театр. Но мне кажется, что мы немного теряемся между этими событиями».

«Ну, - говорю я, - может быть, я хочу, чтобы у тебя было больше ярких моментов».

«Как тогда, когда я сказал тебе, что люблю тебя?» - говорит Майки.

Весь воздух покидает мои легкие.

«Прости». Он щиплет переносицу. «Прости. Я не должен был давить на тебя».

«Нет, ты прав». Я делаю глубокий вдох. «Мне так жаль. Ты был так терпелив. Я хочу сказать тебе это в ответ. Я просто не... не знаю, что со мной не так. Я продолжаю думать об этом, и в итоге получается, что я думаю по кругу».

Майки быстро кивает, не встречаясь с моими глазами. Мы оба молчим с минуту.

Когда я наконец заговариваю, мой голос срывается. «Мне не стоило приезжать в Нью-Йорк».

«Артур, нет! Это работа твоей мечты. Я не должен был ничего говорить». Его голос дрожит, и от этого у меня сжимается вся грудь.

«Майки».

«Я пойду». Он пытается улыбнуться, но улыбка не получается.

«Майки Маус. Хей. Мы можем поговорить об этом?»

«Завтра. Прости. Я не злюсь, ладно?» - говорит он. «Я скучаю по тебе».

Затем он завершает разговор, прежде чем я успеваю ответить.

На следующий день на работе Тадж подкарауливает меня, прежде чем я успеваю поставить сумку на пол. «Готов немного потрахаться? Ты не поверишь». Он радостно разводит руками.

«Театр забронировал нам билеты на выходные десятого числа».

Мой рот открывается. «Ты серьезно? На выходные открытие?»

«Угу».

«Это, типа... нормальное явление?»

Он издал придушенный смешок. «Это *далеко* не нормально. Маркетинг уже начался. Постеры. Я схожу с ума, черт возьми», - говорит он, потянувшись к своему дневник. Затем он тратит следующие несколько минут на описание всего обновленного графика производства, который я тут же забываю, потому что, похоже, в моем мозгу есть место только для двух дат.

17 июля, наша новая премьера. И 11 июля - свадьба.

Когда Майки сказал сохранить дату, я думаю, Вселенная прислушалась.

Тадж уходит к Джейкобу, но я едва замечаю его отсутствие. Я слишком поглощен тем, что должно быть самым простым уравнением всех времен: Майки плюс один. Я устраиваюсь за столом, опустив подбородок на руки, и жду, когда же я почувствую себя на седьмом небе от счастья.

Это хорошо, без сомнения. Мне нравятся Робби и Аманда, я люблю торт, я люблю танцы. Мне очень нравится делать Майки счастливым. И кто знает, может быть, увидев Майки в костюме - и все встанет на свои места. Мы будем целоваться под звездами и держаться за руки под столом, и я, наконец, буду уверен, что полностью влюблен. Что я был влюблен все это время.

Но мне чего-то не хватает. Я знаю, что не хватает. Как будто какая-то мысль кружит в моем мозгу, ожидая разрешения на посадку. Что-то о свадьбах и танцах, и женихах и о том, что во всем этом есть что-то особенно. Из поколения в поколение.

Я думаю о своей бар-мицве и о том, как я пропустил обед в честь кидуша, потому что плакал в пустом классе воскресной школы. Я умудрился пропустить строчку в Торе, и хотя мои родители клялись, что никто этого не заметил, я знал, что это чушь. Бог заметил. А разве не в Боге вся суть? Разве моя Бар-мицва вообще считается?

Я был дрожащим комком полосок и геля для волос, когда Баббе нашла меня, и сначала она ничего не сказала. Она просто придвинула стул рядом со мной и стала растирать круги по спине, как она делала, когда я был маленьким. Но когда она наконец заговорила, это было похоже на первый настоящий взрослый разговор в моей жизни. «Дело не в Торе», - мягко сказала она, и я поднял глаза в изумлении. «Нет! Твоя Зайде была призвана к Торе, и твой дядя Милтон, и мой отец, и его отец, и так далее. Но мы с мамой никогда не читали из Торы. «Когда я была девочкой, для девочек было необычно даже читать хафтару. Моя мама прочитала цдаку и получила личное благословение дома. Нет ничего особенного в том, как должен выглядеть ритуал. Вы могли бы встать там и исполнить Чарльстон, и это не имело бы значения, главное, чтобы вы чувствовали это прямо здесь». Она прикоснулась обеими руками к своей груди и улыбнулась. «Это наша связь с поколениями, которые пришли до нас, и это

то, как мы сохраняем место для тех, кто еще не родился. Л'дор в'дор, Аарон», - сказала она, используя мое ивритское имя, и я понял, что она думает о моем прадедушке Аароне. Баббе была совсем маленькой, когда умер ее отец - даже моя мама не успела с ним познакомиться. Но меня называли в честь него, и Баббе всегда говорит, что у меня такое же сердце, как у него.

Дело в том, что это не просто торт и не просто танцы. Это *свадьба*. А это значит, что в нее вплетены все свадьбы, которые были до нее, и все те, которые еще не состоялись. Может быть, даже моя.

Я прижимаю руку к лицу. Внезапно я сдерживаю слезы.

Я прочесывал свой мозг дюйм за дюймом, но мне никогда не приходило в голову увеличить масштаб. Теперь все ясно, как крестик на карте.

Я полностью влюблен. Я был влюблен все это время.

Но не в Майки. И когда я думаю о будущем, Майки там нет.

Должно быть, я снова путешествую во времени. Каждый раз, когда я моргаю, проходит еще один час - полный пятничный рабочий день, исчезнувший без следа. Я не помню, как спускался на лифте, но вот я уже под навесом студии, жду, когда стихнет дождь. По плану я должен был позвонить Майки из дома, но, возможно, мне стоит сделать это сейчас, пока я не потерял самообладание.

Вот только руки не перестают дрожать. Я даже не знаю, как должен выглядеть этот разговор. Где-то должен быть сценарий для этого. Я не первый парень на земле, который расстанется с кем-то. Я даже не первый раз расстаюсь с Майки.

Эта мысль пронзает меня с такой силой, что я едва удерживаю телефон в руках.

Я знаю, что я импульсивный. И легкомысленный. Но то, как я обращался с Майки? То, как я вырываю свое сердце из его рук каждый раз, когда он пытается его поймать?

Я - его первое «*Я люблю тебя*», его первый секс, его первый поцелуй, его первое *все*.

Я - его Бен.

Дождь еще не утих, и я возвращаюсь в холл студии. Майки так легко найти в моих контактах - его имя в самом верху моего избранного. Я нажимаю кнопку вызова и пытаюсь перевести

дух, пока звонит телефон.
Я в долгу перед ним, думаю я.

Но он не берет трубку. Тогда я засовываю телефон в пластиковый пакет и шагаю прямо под дождь.

Когда я дохожу до своего дома, мне уже все равно, что я насквозь промок. Я нажимаю на кнопку лифта с такой силой, что у меня хрустят костяшки пальцев. А потом смотрю на зеркальную дверь, наблюдая за тем, как шевелятся мои губы, когда я пробегаю по своим строчкам.

Эй, мы можем поговорить?

Майки Маус, ты заслуживаешь гораздо большего, чем все это дерьмо.

Ты заслуживаешь самого большого, самого громкого «я люблю тебя» без всяких колебаний.

Но, Майки, я не думаю, что смогу добиться этого.

Потому что. Потому что. Потому что.

Как, черт возьми, я собираюсь рассказать ему эту часть?

Эй, Майки, помнишь, чего именно ты боялся?

Лифт выкидывает меня в собственный коридор, но по тому, как колотится мое сердце, можно подумать, что я иду по доске. Всего несколько шагов, и я там. Я высушусь и переоденусь, а потом возьму себя в руки и позвоню ему. Я сорву пластырь.

Эй, Майки, мы можем поговорить?

Эй, Майки, ты же сам мне говорил.

Я поворачиваю ключ и открываю дверь. В гостиной горит свет. В прихожей стоит чемодан.

Я чувствую себя как на старомодной киноплёнке, где крутится обратный отсчет.

За все месяцы, что мы знакомы, Майки никогда не целовал меня так. Это так искренне, что у меня подгибаются колени.

Я изумленно смотрю на него.

«Как тебе такой важный момент?» - спрашивает он.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

БЕН

Пятница, 19 июня

Кофейня New Town Street в Трайбеке — одно из лучших мест для открытых микрофонов, по мнению Yelp и Дилана, который пробыл здесь столько же времени, сколько и все мы. Мне не с чем сравнивать, но это довольно круто. Первому комику, которого мы увидели, удалось закончить выступление, не привлекая особого внимания, что всегда приятно. Что самое неприятное, так это то, что освещение очень тусклое, и вы не можете разглядеть картины на стене, подаренные художниками для демонстрации. Это все равно, что я передаю свою рукопись в дар библиотеке только для того, чтобы ее использовали в качестве подпорки для двери.

Дилан возвращается с напитками - два имбирных эля для Саманты и себя, «Пепси» для меня, лимонад для Марио, и мы поднимаем тост за нашу ночь. Прошел почти час, а от Артура до сих пор нет вестей. Я даже написал ему смс с шуткой «Посмотри, кто опаздывает», но ответа нет. Я собираюсь подождать еще десять-пятнадцать минут, а потом позвоню ему, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Не удивлюсь, если он заснул перед ноутбуком, пересматривая «Официанток», как это уже бывало.

«Пожалуйста, поприветствуйте Рас-People на сцене!» - говорит ведущий.

«Ууу!» Саманта аплодирует, а Дилан продолжает качать головой, как будто он на каком-то спортивном матче.

«Кто они?» спрашивает Марио.

«Без понятия еще сто раз», - говорю я.

«Патрик мне их порекомендовал», - говорит Саманта. «Рас-People были в тренде в TikTok, и он подумал, что мне понравится их звучание».

«В одном Патрик может быть прав», - говорит Дилан.

«А как насчет того, что он сказал, что ему нравится твоя прическа?» спрашивает Саманта.

Дилан возмущенно поднимает подбородок. «Я с ним не согласен. Мужские прически на выход».

Я не обращаю на него внимания и сосредоточиваюсь на Рас-People, которые готовятся к выходу на сцену. Их пятеро, все одеты в классические цвета Рас-Man/Ms. Рас-Man - ярко-желтый, красный, синий, розовый и снова желтый. И как только начинается музыка, она настолько энергична, что кажется, будто вы слышите ее во время действительно веселого уровня в видеоигре. Марио обнимает Дилана сзади и раскачивается вместе с ним, а Дилан совсем не стесняется танцевать.

«Держи мой напиток, детка», - говорит Дилан, передавая Саманте свой имбирный эль, и она, как чемпионка, делает двойную ставку.

«Держи мой напиток, Алехо», - говорит Марио на испанском, протягивая мне свой лимонад.

«Мальчики будут мальчиками?» спрашивает меня Саманта.

«Марио и Дилан будут Марио и Диланом», - говорю я.

Сегодня они были очень спокойны с Марио, а Дилан сделал всего десять шуток про то, что ты украл моего лучшего друга. Мне нужно, чтобы Дилан активизировал свою игру, потому что у нас с Самантой на кону доллары, сколько раз Дилан будет помогать Марио о моем переезде в Лос-Анджелес до конца вечера.

«Такие милые», - говорит кто-то, проходя мимо наших ребят.

«Спасибо!» говорит Дилан.

«По сравнению с ним уверенность в себе кажется рутинной работой», - говорю я.

«И бодрящей», - с улыбкой говорит Саманта.

«Я не скажу ему, что ты это сказал».

«Я и так ему это говорю».

«Саманта, ты кормишь монстра!»

«Я знаю».

The Ras-People ставят еще одну песню, и Дилан с Самантой поворачиваются друг к другу и аплодируют.

«Баллада об Афродите!» - говорят они одновременно.

Саманта оттаскивает Дилана от Марио, и они раскачиваются вместе.

«Звучит так, будто Купидон создал песню, используя только арфу и электронную клавиатуру», - говорит Марио.

«И это вроде как работает, да?»

Он протягивает руку. «Давай посмотрим, работает ли это».

«Как ты вообще под это танцуешь?» спрашиваю я.

Марио берет меня за запястья и двигает ими, словно я какая-то марионетка.

«Не знаю, да и неважно. Просто двигайся».

И я двигаюсь вместе с ним, смеясь, пока не звонит его телефон.

«Это мой дядя. Не возражаешь, если я отвечу?»

«¡Ve! ¡Ve!»

Марио поворачивается, чтобы уйти, но возвращается и целует меня, прежде чем направиться к выходу. Между этим поцелуем и теми, которые он дарил мне всю неделю, когда мы приветствовали друг друга, это то, чего мне не хватало с ним все это время.

Пока Дилан и Саманта заняты покачиванием, я звоню Артуру. Раздается один гудок, прежде чем переключиться на голосовую почту. Вслед за этим приходит сообщение: Буду через пять минут, извини!

Ура! Я набираю ответ.

Я смотрю, как Рас-People заканчивают свой сет, когда возвращается Марио и тащит меня к входной двери с самой большой улыбкой на лице.

«У меня есть новости», - говорит Марио. «У меня *есть новости*».

«Шоу...»

«Шоу продано на торгах! Это все происходит!» Марио подпрыгивает, как будто нажимает на кнопку прыжка в игре «Супер Марио». Он останавливается и берет меня за руки. «Алехо, я чувствую, что мои мечты сбываются. Я буду работать над телешоу и помогу оживить андроидов». Включить их. Что угодно. Вау. ВАУ! Я не могу в это поверить».

Он стоит, застыв. Как будто представляет свое удивительное будущее. Теперь я делаю то же самое. Марио уедет в Лос-Анджелес, и я собираюсь последовать за ним. Это самое захватывающее начало жизни.

Он хватается меня за руку. «Это еще не все, Алехо».

«Боже мой. Что?»

Может быть, он будет не просто ассистентом в шоу.

«У Тио Карлоса много контактов в индустрии, и он дружит с одним агентом из UTA - United Talent Agency. Агент Даризель – это квир, обожающий фэнтезийные истории. Карлос рассказал о «Войне злых волшебников».

Я почти уверен, что неправильно его понял. «О чем? Твой дядя знает об этом?»

«Конечно. Я говорил ему, как мне это нравится».

Марио и вправду думает обо мне, даже когда я не с ним.

«Но я еще не закончил свою редакцию».

«У тебя все получится. Даризель очень любит эту тему и может порекомендовать несколько литературных агентов, если книга ему понравится».

Это очень волнующе и в то же время ошеломляюще. Мне кажется, что я должен бежать домой и приступить к работе на случай, если у этого предложения закончится срок годности. Я так благодарен, что мне хочется его поцеловать. Когда я наклоняюсь, я слышу свое имя из рта Артура.

«Прости, что опоздал, но сюрприз!»

Артур держит за руку Майки - того самого Майки, который должен был быть в Бостоне. У меня сводит желудок. Видя их вместе, мне хочется прижаться к Марио еще сильнее.

«Ух ты. Привет, Майки».

«Привет!»

Я веду Артура, Майки и Марио обратно к нашему столику, как раз в тот момент, когда Дилан и Саманта возвращаются на свои места. Дилан оглядывается, прежде чем броситься прямо в объятия Майки.

«Тройное свидание!» кричит Дилан. «Самое первое в мире!»

«Этого не может быть», - говорит Майки.

«Что привело тебя обратно?» спрашивает Саманта. «Ты пришел на очередное бродвейское шоу?»

«Я хотел удивить Артура. Просто так».

«И ты удивил Артура!» говорит Артур.

«Я пойду выпью», - говорит Майки. «Хочешь «Спрайт?»»

«Отлично», - говорит Артур. После того как Майки уходит, он тупо смотрит на следующего комика, выходящего на сцену.

«Эй, ты в порядке?» спрашиваю я.

«Отлично», - снова говорит Артур, хотя в его глазах стоят слезы.

Я подхожу к нему ближе. «Хочешь пойти куда-нибудь и поговорить?»

Очень больно видеть его таким.

Артур качает головой. «Я не могу. Я имею в виду, мне это и не нужно. Все в порядке. Я как тот пес в шляпе, который говорит, что все в порядке, несмотря на пожар. Только никакого пожара нет».

Я хочу остановить время и разговаривать только с Артуром. Ни с Майки, ни с Марио. Ни с кем другим. Я хочу, чтобы он был честен со мной, чтобы я мог быть рядом с ним, в чем он, очевидно, нуждается прямо сейчас. Но он мне этого не позволяет

Он ведет себя так, будто слушает комика, фальшиво смеется над шутками, на которые Марио и Дилан искренне реагируют.

Майки возвращается с напитками. «Извини, что так долго».

«Не нужно извиняться. Тебе навсегда запрещено извиняться», - говорит Артур.

Серьезно, что Майки с ним сделал?

Или что Артур сделал Майки?

Следующие несколько сетов я не могу успокоиться. Кто-то поет «Jingle Bell Rock». Майки замечает, что это правильный выбор, и хвалит ее пение. Затем два человека импровизируют, на что тяжело смотреть, и Дилану это тоже не нравится, поэтому он поворачивается к ним спиной.

Когда ведущий возвращается на сцену, он говорит: «Следующий - Майки!».

Глаза Артура расширяются. «О, вау. Ура!»

Дело в том, что как бы Артур ни любил Бродвей, он не актер. Я могу сказать, что он не так воодушевлен, как притворяется. Через что бы он ни проходил, может, Майки делает это, чтобы подбодрить его?

Майки целует Артура в макушку и идет к сцене. Он берет микрофон и говорит: «Это посвящается моему парню Артуру. Ты заслуживаешь ярких моментов, и это первый из многих других».

«Ооо,» - говорит Дилан, поглаживая колено Артура. Кто-то начинает играть на пианино.

«Тема Артура!» кричит Марио. «Отличный выбор!»

Я никогда раньше не слышал эту песню. Я потерял дар речи, когда Майки поет о том, как он оказался между луной и Нью-Йорком. У него великолепный голос, и у меня на глаза наворачиваются слезы от того, как это красиво. В свете прожекторов Майки выглядит таким милым, когда поет в микрофон: *«Лучшее, что ты можешь сделать, - это влюбиться»*.

Я отодвигаю стул и встаю.

Марио улыбается мне. «Ты в порядке?»

Я бормочу что-то про туалет, а потом сваливаю.

Я должен быть счастлив за Артура. Он ведь заслужил это, верно? Он заслуживает бойфренда, который будет ставить спектакли, достойные Бродвея, и удивлять его просто так. Я бы ни за что на свете не смог подарить Артуру такой момент, который Майки дарит ему сейчас.

И конечно, может быть, Артур не был счастлив, когда вошел в бар сегодня вечером. Может, они с Майки не идеальны. Но я говорю на языке Артура лучше, чем кто-либо другой, и я точно знаю, что значит для него такой широкий жест. Что бы они вдвоем ни переживали, я уверен, что все пошло прахом как только Майки вышел на сцену. Я уверен, что они пойдут домой, займутся сексом и произнесут кучу слезливых признаний в любви.

Это совершенно нормально. Я тоже могу делать что-то по-своему.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

АРТУР

Пятница, 19 июня

Все это не имеет смысла. Майки не играет соло. Он *определенно* не играет соло, стоя на стульях в магазинах Трайбека. И все же парень, который только что пел от всего сердца в комнате, полной незнакомцев, был, несомненно, мой парень, который не любит быть в центре внимания.

От его милого взволнованного выражения лица мне хочется разрыдаться.

«Ты невероятный», - говорю я, не встречаясь с ним взглядом. Я беру его за руку, чтобы отвести его обратно к столу, но даже это кажется ложью.

Дилан приветствует нас медленными аплодисментами. «Черт возьми, сэр Микес-отличник».

Марио задирает рукав, чтобы показать нам свои мурашки. «Охуенно. Настоящий старомодный голливудский грандиозный жест».

И тут все начинают говорить о том, что Марио должен написать об этом телешоу, но я перестаю слушать довольно быстро. В основном потому, что Бен наконец-то вернулся из уборной, и его лицо завладело моим мозгом.

«Кстати, о Голливуде, - говорит Марио, быстро обнимая Бена за плечи.

«Алехо, может, расскажем им важные новости?»

«Подожди, насколько большую? Я хочу подготовиться». говорит Дилан. «Мы говорим о новом фильме «Мстители», или это больше похоже на список В...

Саманта закрывает ему рот рукой. «Его взяли?»

Марио лучится. «Десять часовых эпизодов. Полный, блядь, заказ сериала».

Саманта ударяет по столу. «Боже мой! Ты телевизионный сценарист?»

«Я телесценарист!»

Глаза Майки расширились. «Это невероятно».

«Поздравляю», - говорю я, переводя взгляд на Бена. Он выглядит немного удивленным.

«Думаю, это делает его официальным», - говорит Дилан. «Мой Бенхэттен переезжает в Лос Бенгелес».

«Да». Бен улыбается. «Наверное, да».

Марио подталкивает его. «Ладно, теперь расскажи им, что у тебя в планах».

Бен краснеет. «Например, про агента?»

Марио ухмыляется. «Ты имеешь в виду агента, который хочет проверить «Войну злых волшебников», как только ты закончишь?»

«Да, потому что вы с Карлосом продолжаете ее рекламировать. Посмотрим, что он скажет, когда прочтет», - говорит Бен, закатывая глаза. Но в его голосе не скрывалась надежда.

«Ему понравится», - говорю я, пытаюсь натянуть улыбку. «А как иначе?»

Я помню ночь, когда Бен дал мне почитать его черновик, и то, каким священным это казалось. В то время это казалось самым сокровенным, чем можно поделиться с человеком. Твое незаконченное сердце.

Но именно Марио перенес мечты Бена в реальность. Возможно, я был первым черновиком Бена, но Марио - его книга в твердом переплете. Наверное, так оно и бывает. Иногда долго и счастливо - это вовсе не в твоём случае.

Майки держит меня за руку всю дорогу от метро, и с каждым шагом я чувствую себя все большим лжецом. Я не знаю, с чего начать. Как это вообще работает, когда мы не ссоримся? Как расстаться с парнем, который не сделал ничего плохого?

«Не могу поверить, что ты нашел песню под названием «Тема Артура»», - пробурчал я.

Майки слегка смеется. «Я уже знал это. Я думал над ней минуту».

Круто, круто. Приятно знать, что Майки готовит великолепные сюрпризы, пока я сокрушалась по Бену. Приятно знать, что я настоящий гребанный монстр.

«Ну, спасибо», - говорю я. «Это было очень мило».

«Ты заслуживаешь серенады».

Мое горло сжимается. «Ты тоже».

«Хей. Ты в порядке?» спрашивает Майки.

«Что? Конечно! А что?»

«Не знаю. Ты такой тихий. Кажется, ты погрузился в размышления».

«Я... да, я не...» Я останавливаюсь перед своим домом, отпускаю руку Майки, чтобы поискать ключи. «Прости. Просто это была странная неделя».

В подъезде горит свет, когда мы заходим в квартиру, точно так же, как мы ее оставили.

«Никого нет дома», - говорит Майки. «Видимо, свидание Джесси прошло хорошо».

«Ха. Да», - говорю я, не глядя на него.

«Может, нам стоит...»

«Хочешь посмотреть кино?» вмешиваюсь я, практически пикируя на диван. Я чувствую себя таким нервным и странным, как человек, который икает. Я хватаю пульт и начинаю листать каналы, но все изображения сливаются в одно. И тут я понимаю, что у меня на глазах выступили слезы.

«Артур?»

Я откладываю пульт и прижимаю ладони к глазам. *Я не могу. Я не могу, блядь, сделать это. Только не сегодня.* «Я в порядке», - говорю я.

«Ты выглядишь неважно». Его голос такой нежный, что у меня на мгновение перехватывает дыхание.

«Тебе не обязательно говорить об этом», - быстро добавляет он. «Но если захочешь, я здесь». Мое горло сжимается - на мгновение я не могу вымолвить ни слова. «Ты такой хороший человек», - говорю я. Выходит хрипло и натянуто.

«Нет, не хороший. Я просто влюблен в тебя».

Я пытаюсь улыбнуться, но улыбка не получается. Я прижимаю руки к лицу.

«Хей». Майки притягивает меня ближе. «Тебе не обязательно говорить это в ответ. Ты ведь знаешь это, верно?»

Завтра, думаю я, и ненавижу себя за это. Он целует меня в макушку, и мои глаза закрываются.

В последний раз забираюсь в постель рядом с Майки. В последний раз он поставит свои очки на мою тумбочку. В последний раз в полумраке я буду изучать его черты: его скулы, наклон носа, белоснежные ресницы.

Я - единственный парень, с которым он когда-либо делил постель. Я единственная, кто знает, что он обнимает подушку, когда спит. Что мне делать с этой информацией? Куда мне ее девать? Когда он дышит, подушка поднимается и опускается вместе с его грудью, но потом он открывает глаза и наклоняет голову ко мне. Какое-то время мы просто смотрим друг на друга.

«Не можешь уснуть?»

Я качаю головой. «Не очень».

«Я тоже». Он переворачивается на бок, оставляя между нашими лицами всего дюйм. Я пытаюсь улыбнуться, но почему-то это уже переходит в слезы. «Мне так жаль».

«За что?» Он обнимает меня одной рукой, притягивая ближе. «Хей».

«За то, что был мудаком».

«Ты не мудака».

«Майки». Я делаю глубокий вдох. «Я даже не знаю, как это сказать. Я собирался подождать до завтра».

Его грудь прижимается к моей. «Хорошо».

«Майки».

«Пожалуйста, просто скажи мне».

Я на мгновение замуриваю глаза. «Я думаю, когда ты сказал мне, что любишь меня». Я делаю паузу, вытирая слезу. «Я просто... я не ожидал этого. В тот момент. Поэтому я как бы замкнулся. Я не знаю».

«Артур, я знаю. Я понимаю.»

«И я люблю тебя. Очевидно. Я знал это. Но я не мог сказать, что это та же самая любовь, и я не хотел говорить об этом, пока не был уверен...»

«И это нормально! Не стоит торопиться».

«Я знаю, знаю. Ты был» - я сглотнул – «таким замечательным и терпеливым. Я этого не заслуживаю».

«Но ты заслуживаешь».

«Не заслуживаю».

Я встречаюсь с ним взглядом, и мне кажется, что я в свободном падении. Его выражение лица словно застыло.

«Майки, я так сильно хочу влюбиться в тебя».

Он закрывает глаза, натянуто улыбаясь. «Но это не так».

Я медленно качаю головой. «Нет».

По переносице Майки скатывается слеза, и он грубо вытирает ее. Затем он откатывается от меня и ложится на спину.

«Это не...»

«Дело не в тебе, а во мне.»

«Я знаю, как это звучит, но это правда!» Я сажусь, прижимая колени к груди. «Ты идеальный парень. Я не знаю, что со мной не так. Я ломаю голову, пытаюсь понять, что не сходится. Как

я могу любить каждую вещь в тебе, но не могу заставить это щелкнуть... Майки, ты заслуживаешь парня, который может дать тебе это. Мне кажется, что я удерживаю тебя от встречи с ним».

«И что? Это просто... это?»

«Мне так жаль».

«Вау.» Майки смотрит в потолок.

«Мне чертовски жаль. Майки. Я просто хочу, чтобы ты знал, как невероятно-»

«Я не хочу слышать, какой я невероятный!» Он садится, зарываясь лицом в свои руки. «Боже, Артур. Можно мне на секунду задуматься о том, что я приехал сюда на поезде, чтобы ты меня бросил?»

Я поморщился. «Мне не нравится слово «бросить»...»

«Мне не нравится, когда меня бросают!»

Я снова начинаю плакать. «Мне жаль...»

«Ты можешь просто остановиться?»

Я поджимаю губы и киваю.

«Ты хочешь, чтобы я ушел?» говорю я. «Я могу спать в гостиной».

«Пожалуйста. Перестань. Тебе не обязательно спать в гостиной».

«Тогда мы можем поговорить об этом?» спрашиваю я.

«Что ты хочешь, чтобы я сказал? Что это не так?»

«Нет...»

«Это не так». Он откидывает голову назад, устремляя взгляд в потолок. «Откуда это взялось?

Я что, смутил тебя сегодня?»

«Нет! Боже, нет, ты был великолепен! Это было не сегодня. Я пытаюсь понять это уже целый месяц».

«Месяц. Значит, примерно в то время, когда ты приехал в Нью-Йорк и начал видеться со своим бывшим парнем каждый день?»

«Не поэтому...»

«Правда?» Майки поворачивается ко мне лицом. «Посмотри мне в глаза и скажи, что это не имеет ничего общего с Беном».

Все мои слова исчезают.

«Понял». По его щеке стекает слеза.

«Ничего не было», - хрипло говорю я. «Клянусь Богом».

«Ничего, как будто у вас не было секса или...»

«Ничего, это ничего! Майки, я бы никогда не изменил, никогда».

Он просто смотрит на меня. «Ты целовал его?»

«Нет! Для меня поцелуй - это измена». Он ничего не отвечает. «Майки, ты знаешь о каждой нашей встрече. И это все. Не секс, не поцелуи, не держались за руки. Просто проводим время. И половину времени Марио там».

Майки прижимает руку ко лбу. «Если ты с ним не встречаешься, что ты вообще от этого получаешь?»

«Что? Ничего! Он мой друг».

«Твой друг, в которого ты был влюблен! Как долго тебе пришлось думать прежде, чем сказать ему это в ответ?»

Я уставился на свои колени.

«Сколько вы вообще встречались? Три недели?»

«Три недели и два дня», - говорю я, не задумываясь, и Майки выглядит так, будто я дал ему пощечину. «Мне было шестнадцать. Он был моим первым парнем. Что ты хочешь, чтобы я сказал?»

«Я так рад, Артур. Я так рад, что у тебя была такая особенная история первой любви. Хочешь услышать мою? Мы спали в одной постели каждую ночь в течение трех месяцев, но он не называл меня своим парнем. А потом он бросил меня за два часа до зимнего концерта. Для меня это было здорово. Мне это понравилось».

«Майки, прости меня. Я не...»

«Хочешь знать, как я провел Рождество? Я плакал навзрыд. Едва встал с постели. Моя мама была так напугана, что пропустила церковь».

Я, вздрогнув, поднимаю взгляд. — «Но ты же сказал, что...»

«А что я должен был сказать? Привет, я знаю, ты только что прилетел в Бостон ради меня, но давай поговорим о том, как ты испортил Рождество»

«Ты должен был это сказать!» Мои глаза наполняются слезами. «Я это заслужил!»

«Я был так влюблен в тебя, Артур. Ты хоть понимаешь это? Думаешь, этим летом мне впервые захотелось это сказать? Впервые я почувствовал это?»

Я ошеломленно смотрю на него. «Я не знал-»

«А потом ты появляешься на пороге моего дома в канун Нового года и говоришь, что хочешь быть моим парнем?» Майки прижимает обе руки к груди. «Это все, чего я хотел. Все, чего я хотел, это начать с тобой все сначала»

«Мне так жаль», - говорю я так тихо, что это почти выдох. «Я был таким глупым и растерянным. Я только что расстался с Беном...»

«Это всегда Бен». Майки закрывает глаза за стеклами очков. «Так что, ты влюблен в него или что?»

«Я-»

«Наверное, поэтому ты и приехал в Нью-Йорк».

«Нет! Вовсе нет. Мы даже не разговаривали!» Я делаю глубокий вдох. «Майки, ничего не происходит. Я клянусь. Он едет за своим парнем в Калифорнию. Я понятия не имею, увижу ли я его когда-нибудь снова. Вот и все. Вот и вся история. Нет никакого эпилога, где мы встречаемся». Мой голос задыхается. «И да, у меня есть чувства к нему. Наверное, они всегда были. Я не силен в этом, понимаешь? Я думал, что покончил с ним, но, видимо, это не так, и кто, блядь, знает, смогу ли я вообще. Но ты не должен сидеть и ждать, пока это случится!»

Майки на мгновение замолчал, потирая переносицу. «Тогда я думаю. Вот и все», - говорит он наконец.

Я киваю, уголки моего рта мокрые и соленые от слез.

Он молчит, но делает длинный, дрожащий выдох, который я чувствую до самого мозга костей. Желание обнять его подобно силе тяжести. Мои руки оказываются на полпути к нему, прежде чем мысль достигает моего мозга. «Можно я...»

Майки кивает, и я обнимаю его. Не думаю, что когда-либо любил его сильнее. Может быть, в другой вселенной этого было бы достаточно.

Я не помню, как долго мы плакали и когда решили уснуть. Все, что я знаю это то, что когда я просыпаюсь, я один. Одеяла на стороне кровати Майки натянуты и аккуратно сложены.

Ранняя птичка, думаю я, хотя уже больше десяти. Я слышу слабый звук телевизора доносящийся из гостиной. Майки, наверное, смотрит Netflix, пока готовит завтрак. Кроме...

Пустое место рядом с моим комодом. Его чемодан исчез. Я соскальзываю с кровати и иду через всю комнату к двери, чувствуя себя оторванным от своего тела. Когда я вхожу в гостиную, по телевизору звучит школьный звонок.

Он ушел. Конечно, он ушел. И когда Джесси поднимает глаза с дивана, я полностью теряю

самообладание.

«Черт». Она выключает телевизор. «Ты в порядке?»

«Я так плохо выгляжу?» Я пытаюсь рассмеяться.

«Как абсолютное дерьмо». Она уже на полпути через всю комнату. «Что случилось?»

Здесь нет места началу. У этой истории нет первой страницы. Я даже не знаю как ее рассказать. Все, что я знаю, это то, что его больше нет. Я заслужил это. Я чувствую облегчение. И я скучаю по нему. И я хочу сказать Бену, чтобы он коснулся моего лица, поцеловал меня и сказал, что любил меня все это время. Но он не скажет, потому что это не так, и то, что я разбил сердце Майки не изменит того факта, что Бен *снова* разбивает мое.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

БЕН

Вторник, 23 июня

«Это не то, что я имел в виду, когда говорил «давай потусуемся».

Дилан пожимает плечами. «Нет, нет, нет, нет, нет. Ты ныл и жаловался о том, что я - единственная причина, по которой ты уезжаешь из Нью-Йорка, потому что мы не проводим время вместе. Ты не имеешь права жаловаться и ныть, когда мы действительно общаемся».

«Ты не единственная причина. Ты даже не входишь в тройку причин».

«Это оскорбительно, но мне сейчас плевать на твою мелочность, потому что я покупаю подарки к юбилею», - говорит Дилан, когда мы заходим в цветочный магазин в Алфавит-Сити. «Майки только что выступил в эпизоде Glee со своим соло, и теперь я должен убедиться, что Саманта чувствует ту же любовь, что и Артур».

Я не уверен, что Артур вообще чувствовал любовь. Не знаю, может быть, я неправильно все понял, но я могу поклясться, что Артур стал вести себя еще более странно после того, как Майки закончил свою песню. Он был таким тихим весь вечер, почти полностью отключился. Я вообще не мог понять, в чем дело. Я был так уверен, что выступление Майки сняло бы напряжение между ними.

Я все время порывался написать ему, чтобы узнать, как дела, но не знал, как затронуть эту тему, чтобы это не выглядело странно. Я имею в виду, я не умираю от желания, чтобы Артур узнал, сколько времени я провел, заикливаясь над его отношениями.

Но, возможно, это все в моей голове. Возможно, я вообразил себе это напряжение. И даже если они действительно ссорились, я уверен, что они уже поцеловались и помирились. Я уверен, что Майки тоже получил свое «я тебя люблю».

Но мне не очень хочется об этом слышать.

«Пссс.» Дилан наклоняется ко мне. «Находясь в этом прекрасном магазине, я задумался о том, каково это - быть...»

«Не могу поверить, что Саманта прожила с тобой почти два года», - перебиваю я.

«Теперь уже никуда не деться».

«Думаешь, ты неуязвим для разбитого сердца?»

«Ты разбиваешь мне сердце каждый день», - говорит Дилан, читая открытки с цветами, пока

продавец помогает другому покупателю. «Но мы с Самантой счастливы».

«Я вижу. Приятно не беспокоиться о тебе. По крайней мере, на этом фронте. Я очень беспокоюсь, что однажды ты переиграешь Дилана не перед тем человеком и однажды получишь взбучку. Надеюсь, Саманта спасет ситуацию».

«О, пожалуйста. Я смотрю WWE. Хоть бы кто-нибудь попробовал».

Только Дилан мог подумать, что просмотр фальшивой борьбы - это тренировка по самообороне. Он протягивает несколько маленьких белых цветочков, собранных в пучок.

«Что ты что думаешь об этом?»

«Они похожи на цветную капусту».

«Это стефанотис, дурак!»

«Откуда ты вообще знаешь это слово?»

К нам подходит флорист. «Отличный выбор», - говорит он своим глубоким голосом. Он чернокожий, с густой белой бородой и виноградными лозами, обвивающими его плечи. Он напоминает мне одного зельевара из TWW. «По какому случаю?»

«Двухлетняя годовщина с моей девушкой».

«А, мазлтов. Вы знаете ее любимые цветы, или мы просто хотим сами что-нибудь организовать?» Дилан достает телефон и открывает приложение «Заметки». «Она любит каллы и ранункулы».

«У тебя есть шпаргалка с ее любимыми цветами? Это мило».

«С такими названиями - обязательно».

Я слежу за ними, пока флорист водит Дилана по магазину.

Дилан указывает на несколько белых роз. «Би-Мэн, что ты думаешь?»

«Они классные».

«Ты что, изображаешь какого-то натурала? Если ты не остановишься и не понюхаешь розы, то на гей-параде у меня появится новый лучший друг».

«Будь моим гостем», - говорю я.

«Ты еще пожалеешь об этом. Это будет грандиозная феерия. Это будет как в «Холостяке», только мы назовем его «Лучший друг», и все твои друзья будут пытаться ухаживать за мной».

«Не могу дождаться, чтобы посмотреть на это».

«Ты капризничаешь. Я собираюсь пообщаться с Филом».

Я желаю Филу удачи.

Я пишу Марио, спрашивая его, как проходит игра в баскетбол с его братьями, а потом брожу по магазину в ожидании ответа. Здесь есть раздел под названием *Цветы для любого*

настроения. Умный ход, ведь вы не хотите приносить ирисы для сочувствия на свидание. Здесь есть розовые и красные розы для любви и радости. Синевато-фиолетовые маргаритки чтобы пожелать кому-то здоровья. Ярко-желтые тюльпаны рекомендуются для того, чтобы поднять настроение. Я думаю об Артуре, хотя, если бы я хотел порадовать его, я бы принес несколько полевых цветов, которые он так любит. Я чуть не отправила ему букет в декабре, после разрыва с Майки. Но единственный букет полевых цветов, который я смог найти был для похорон и стоил шестьдесят долларов, так что вместо этого я отправил ссылку на виртуальную экскурсию по выставке полевых цветов в каком-то парке. Это было лучше, чем букет, потому что мы смогли посмотреть его вместе.

Я все время думаю о прошлом декабре. Мы с Артуром так много общались, что можно было подумать, что мы так никогда и не получили сообщение о том, что расстались. Артур умолял снять сиквел TWWW, и около Рождества я всерьез задумался о нашем собственном сиквеле. Я был готов к тому, что мы будем жить на расстоянии, особенно после того, как увидел, что мы по-прежнему связаны друг с другом.

Я был так близок к тому, чтобы сказать ему о своих чувствах.

А потом Артур выбрал Майки еще до того, как я вышел на ринг.

Теперь я даже не доверяю себе в том, что знаю, что у него в голове. Если бы он действительно расстроился на вечере открытых микрофонов, стал бы он вообще обращаться ко мне?

Если бы он это сделал, я бы выбежал из этого магазина.

Я пропущу гей-парад, хотя он может стать моим последним в Нью-Йорке.

Я бы даже сказал Марио, что нужен кому-то важному.

Но я сомневаюсь, что смогу заставить Артура улыбаться так, как раньше. Я даже не знаю стоит ли мне пробывать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

АРТУР

Пятница, 26 июня

«Он придет в себя», - говорит моя мама. Я представляю как она сидит в своем качающемся кресле, держа телефон, как рацию. «Я уверена, что ему просто нужно немного времени, чтобы все обдумать».

«Какое-то время? Он отписался от меня!»

«Это довольно... Я не совсем понимаю, что это значит», - говорит она. «Почему?»

«Это не так. Это просто означает, что он отписался от моего аккаунта в Instagram. И он в приватном аккаунте, так что я даже не могу увидеть его фотографии!»

Я ошеломленно смотрю в потолок своей спальни, прижав руки к щекам. Я думал, что буду скучать по всему, но кто бы мог подумать, что это будут ужасные фотографии Майки в Instagram. В основном случайные водоемы и передержанные снимки кота его сестры, Мортимера, у которого есть заболевание кишечника, которое Майки часто упоминает в подписях, потому что, очевидно, он первый в мире девятнадцатилетний бумер.

И я не говорю, что скучаю по новинкам в области пищеварения. Я просто скучаю по Майки. Я скучаю по разговорам с ним, дразнить его и заставлять смеяться, и мне хочется попросить прощения перед ним по-настоящему.

Как только мама положила трубку, я растянулся на одеяле, держа телефон чтобы посмотреть на свои мешки под глазами в селфи-камере. Всю неделю я спал как проклятый, и это видно.

Неделю назад Майки ехал в поезде в Нью-Йорк.

Я не могу взять в толк, как все это произошло. Я почти никому не рассказывал о разрыве, а значит, он почти не ощущается. Да, мама звонила мне каждый день на этой неделе, а папа все время пытается связаться со мной по FaceTime на работе. И Тадж знает... он догадался об этом, как только увидел мое лицо в понедельник. Но единственные люди кто знает с моей стороны, это Джесси, Итан и Баббе. А также друзья Баббе по книжному клубу друзья, парень за прилавком в любимом продуктовом магазине Баббе и одна женщина по имени Эди из школы, чей бисексуальный внук учится в университете и не женат. Но я не сказал Мусе. И уж точно не сказал Бену. Я даже не хочу, чтобы Джесси рассказала Саманте, потому что это дойдет до Бена, а я не готов к этому. Просто не готов.

Я снова перехожу на сторисы Марио, просто чтобы прокатиться по спирали страданий до самого конца вниз. Почему бы, блядь, и нет, верно? Сегодня канун прайда, и плакать в боксерах о горячем парне моего бывшего - это глубоко правильное проявление гей-культуры.

Я всего лишь в четвертый раз смотрю эту серию видеороликов – крошечные последовательные клипы, соединенные вместе, с песней «Hollywood Swinging», играющей на заднем плане. В клипах Марио барабанит по картонным коробкам и заклеивая их упаковочной лентой, и время от времени он поднимает голову, чтобы произнести слова песни прямо в камеру. Его воодушевление настолько заразительно, что у меня болит сердце. Все это снимается кем-то за кадром, кто произносит слово wow на середине второго клипа. По крайней мере, я знаю, что это не Бен. Я бы узнал голос Бена в любой вселенной, даже по одному слогу.

У меня звонит телефон, и я так удивляюсь, что чуть не роняю его на лицо.

Это Итан. Мне нравится этот парень, но я не в настроении, поэтому я отпускаю звонок и направляюсь обратно в Instagram. Но прежде, чем я успеваю вернуться в сторис Марио, он звонит снова. На этот раз это какой-то случайный номер с кодом Нью-Йорка.

«Алло?» Мое сердце колотится.

Сначала ничего, кроме помех и уличного шума, но через мгновение мужской голос говорит:

«О! Привет!»

Я нахмуриваю брови. «Привет?»

«Эээ. Извини! Я на улице. Ты меня слышишь?» На заднем плане раздается гудок на заднем плане. «О, это Итан!»

«Прости, что?»

«Итан Герсон? Помнишь меня? Твой лучший друг с начальной школы?»

«Я не - ты где?» Я смотрю на экран телефона, и тут меня осеняет: это не случайный нью-йоркский номер. Это номер, который указывает на то, что кто-то хочет, чтобы его впустили в вестибюль. «На улице, как в Нью-Йорке?»

«Точно как в Нью-Йорке. Хочешь, чтобы я поднялся?»

Я издаю изумленный смешок. «Ни хрена себе. Да! Впущу тебя... Нет, подожди, я спущусь вниз и... нет, Боже, прости, на улице жарко. Я тебя приглашу, но оставайся в холле. Я спущусь и заберу тебя. Мне просто нужно надеть... Одежду». Я посмотрел на свои боксеры и вчерашнюю футболку.

«Я знаю, как пользоваться лифтом. Ты ведь в 3А, верно?»

«Не могу поверить, что ты это помнишь!»

«Я не помнил», - говорит он. «У меня был шпион внутри...»

Я позвал его раньше, и, да поможет нам всем Бог, он начал читать рэп.

«Ты действительно здесь», - говорю я в миллионный раз за день. Я должен показывать Итану Таймс-сквер, но я не могу перестать поворачиваться, чтобы посмотреть на его нелепое туристическое лицо. «Не могу поверить, что ты взял свою работу!»

«А я не могу поверить, что из-за твоей работы у всех есть день для прайда», - говорит он, не отрывая взгляда от гигантского радужного рекламного щита. «В Нью-Йорке такое бывает?» Я смеюсь. «Не думаю. Но это театр для квиров, а мой босс и его мужем устраивают прайд. Они наряжаются и маршируют на параде, и, конечно же, не обошлось без перьев».

«Ого! И каков же наш план действий?»

«Ну...» Я смотрю на Бродвей, прикрывая глаза. «Мы на Сорок второй улице. так что я могу показать тебе некоторые театры, если хочешь. Большинство из них просто -»

«Нет, я имею в виду, какой у нас план на Прайд?» говорит Итан. «Какая у геев повестка дня?»

«Эх, нет, спасибо». Я делаю гримасу.

«Что? Почему нет?»

«У меня не совсем праздничное настроение», - говорю я.

«Не-а. Нет. Гордость не имеет ничего общего с Майки!»

«Ты же знаешь, что Майки - гей, верно?»

«Я имею в виду, что дело не в тебе и Майки. Дело в тебе и твоей идентичности, твоём сообществе. Я имею в виду, посмотри на это. Это невероятно». Итан делает неопределенный жест в сторону на гирлянды и флаги, украшающие витрины магазинов, на гигантские экраны, подсвеченные радугой.

«Хорошо? Конечно, я рад, что он существует. Просто мне не хочется идти на большую гей-вечеринку через неделю после моего большого гей-разрыва».

«Но это же большая гейская возможность двигаться дальше! Что, если ты встретишь парня с которым тебе действительно суждено быть вместе?»

«Тогда ему придется подождать», - говорю я. «Слушай, я ценю твою заботу, но...»

«Или даже с парнем, с которым тебе суждено встретиться. Я могу быть твоим ведомым!»

«Я уверен, что Вселенная не принимает участия в моих свиданиях».

«Да? Тогда объясни это», - говорит Итан, останавливаясь перед бродвейским сувенирным магазином на Бродвее. В витрине стоит манекен в футболке, которую я знаю наизусть, слово «любовь», написанное спереди всеми цветами радуги.

«Это цитата Лин-Мануэля Миранды...»

«Чувак, я знаю эту цитату. Давай, я куплю ее для тебя». Он уже тянет меня в магазин.

«Не обязательно».

«О, я *абсолютно* настаиваю...»

«Я имею в виду, что у меня уже есть эта рубашка, - бормочу я.

Бен прислал мне ее по почте в выпускном классе школы в качестве подарка на Хануку. Я до сих пор помню, что почувствовал, когда увидел его почерк на этикетке.

«Не может быть! Это идеальный вариант...»

«Итан. Прекрати», - огрызаюсь я. «Сколько раз я должен тебе повторять? Я не хочу идти».

«Я знаю. Я тебя понимаю, но...»

«Почему ты так заиклился на этом?»

«Я не заиклился на этом! Блин», - говорит он, слишком пристально глядя на снежный шар.

И тут я вспоминаю, что Итан буквально приехал на поезде из Вирджинии, чтобы подбодрить меня. И вот я кричу на него в сувенирном магазине.

«Итан, Боже. Прости меня».

«Нет, это ты так. Я понимаю.»

«Я просто не в себе сейчас, из-за Майки Стью», - говорю я. «Но это так невероятно круто, что ты пришел сюда. Честно говоря, это круто, что ты хочешь пойти на Прайд! Не каждый парень-натурал стремится стать напарником на Прайде для своего лучшего друга-гея...»

«То есть, - говорит Итан, - я не знаю, правда ли это...»

«Это правда. Я не теряю надежды. Не у каждого есть такой Итан. Поговорим о том, что выше и сверх того. Удивить меня в Нью-Йорке и организовать все это со своей бывшей девушкой?»

«Нет, я имею в виду.» Итан берет в руки снежный шар. «Ладно, думаю, мне есть что рассказать тебе».

«Кое-что».

«Что-то вроде обновления жизни?»

«Хорошо...» Мой разум перебирает возможные варианты, как в слайд-шоу. *Жизнь обновление. Что-то, что он хочет мне рассказать.* Забавно, но это так напоминает мне... Два лета назад. Когда Итан и Джесси объявили, что встречаются. У меня отвисает челюсть. «Вы с Джесс снова вместе!»

Итан выглядит удивленным. «Правда?»

«Ладно, на этот раз я не буду придурком. Ничего себе! Я знал, что вы, ребята снова

общаетесь...»

«Мы не снова вместе», - говорит Итан.

«Переспали...»

«Ты знаешь, что я живу в Вирджинии».

«Вот почему ты в городе! Чтобы вернуть ее!»

Итан раздается смехом. «Артур, ну надо же. Нет.»

«Тогда что...»

«Если ты замолчишь на минуту, я скажу тебе». Он трясет снежный шар, улыбка застывает.

«Итак... я кое-что понял в последнее время».

Я подношу руку ко рту.

«И я все еще пытаюсь разобраться в этом. Но, может быть, ты сможешь мне в этом помочь? с этим?» Он издал быстрый, нервный смешок. «Ладно, ты выглядишь таким взволнованным».

Я молча киваю, ухмыляясь в руку.

«Итак...» Он делает паузу. «Эм. Я думаю, что я могу быть би?»

«Я ТАК И ЗНАЛ!»

Итан выглядит испуганным. «Ты знал?»

«Не так... прости, я не имею в виду, что знал с самого начала. Ты просто подавал очень сильные флюиды, связанные с выходом в свет. Итан!» Я качаю головой, сияя.

«Что тебе от меня нужно? Могу я быть твоим наставником по квирам? Боже мой. Ладно, я замолкаю. Расскажи мне все».

Итан опускает снежный шар, розовощекий и улыбающийся. «Ну...»

«Подожди!» Я обхватываю его руками, чтобы полностью обнять. «Я люблю тебя. Но ты же это знаешь. Ладно, теперь я действительно затыкаюсь».

«Я тоже тебя люблю. И... да. Это странно. Я все время думаю о выпускном, и о том, как ты так давно все знал и просто прикидывал, когда сказать это. Но это было как внезапное начало. Как аллергическая реакция».

«У тебя аллергия на моносексуальность!»

Он смеется. «Может быть? Нет, я имею в виду... знаешь, как бывает скрытая аллергия, которая просто сидит в твоём организме, ожидая подходящего, а потом БАМ». Он легонько шлепает себя по груди. «Я хоть что-то понимаю?»

«Безусловно. Да. Я все понимаю. Куча научного материала, потом еще больше научных исследований, а потом тебя запустили».

«Что-то вроде этого». Он ухмыляется. «Наверное, я пытаюсь сказать, что эта вещь, это прозрение или что-то еще, кажется действительно новым, но в то же время похоже на что-то, что уже было? Как будто это было спрятано на виду все это время, а потом, две недели назад, я такой: *«Вот дерьмо»*».

«Это, сэр, то, что мы называем», - я делаю паузу, хватаю рубашку с одной из вешалок Прайда и сую ее ему в руки, - «пробуждение би».

Это буквально то, что написано на футболке, оформленной в виде *весеннего пробуждения* в красной коробке.

Итан смеется. «Боже мой, это идеально».

«Так как это произошло? Расскажи мне об этом!»

Его щеки становятся еще краснее. «Ну. Забавно, что ты спрашиваешь, потому что... во многом это твоя заслуга».

«Правда?» Я встаю ровнее. «Расскажи мне больше».

«Ты действительно хочешь, чтобы я это сделал?»

«Итан! Да!»

Он кивает, прижимая к груди футболку *«Пробуждение Би»*. «Итак. Помнишь. когда ты позвонил мне из «Дейва и Бастера», потому что сходил с ума из-за нового горячего парня Бена, а потом отправила мне его фото в Instagram. чтобы я мог подтвердить твою потребность в том, чтобы тебе сказали, что ты сексуальнее его?»

«Это абсолютно не...»

«В любом случае. Этот парень - Марио. Я начал просматривать фотографии, и я типа, ага, симпатичный чувак. А потом - стоп. Это действительно симпатичный парень».

Я уставился на него. «Подожди. Так...»

«Не знаю», - быстро говорит Итан. «Что-то в Марио переключило меня. Это было дико. Я начал вспоминать всех тех парней, которых я как бы вычеркнул из своей жизни. Похоже, все началось с начальной школы. Ты помнишь того парня, Акселя из Флориды?»

Я неопределенно киваю, но на самом деле мой мозг перевернулся, как только он произнес имя Марио. И теперь Итан перечисляет все эти детали восстановленных прошлых влюбленностей, и я просто, блядь, не могу поверить...

Марио? Пробуждение Итана было связано с *Марио*? Это должно быть шутка. Извините, но это вселенская хуйня в совершенно новой стратосфере.

«Итак» Я моргаю. «У тебя не было никаких догадок?»

«Я имею в виду, что было множество подсказок. Это так очевидно в ретроспективе, но да, я не осознавал этого, потому что... я не знаю? Мне нравятся девушки. Я был нелепо влюблен в Джесси. Но я думаю, что даже когда я встречался с ней были все эти знаки, которые я пропускал, и, Артур, они были как *рекламные щиты*. Но Джесси тоже их не замечала? Не знаю. Я не знаю. Как бы то ни было, в последнее время она рассказывала мне об этом».

«О.» Я слабо киваю.

«Ну, да. Я чувствую себя... просто. Спасибо тебе большое». Он смотрит на меня, глаза блестят.

«Боже. Конечно. Я так рад за тебя. И я покупаю тебе это». Я выхватываю рубашку из его рук.

«Ты имеешь в виду... би-би?»

«Вау, ты и правда би, да?» Я снова обнимаю его. «Черт, я так *горжусь* тобой!»

«Спасибо». Он улыбается. «И извини, что я был назойлив насчет Прайда. Вообще-то я не пришел сюда, ну, знаешь, с какими-то би-планами. Я просто все еще немного... это я совсем недавно. Оно еще не прошло экспертную оценку».

«Хорошо!» Я сжимаю руки. «Как насчет того, чтобы поменьше бессмысленных научных метафор и побольше нареканий на результат для вашей первой гордости».

«Нет, серьезно...»

«Нет. Все уже решено. Теперь я твой напарник. И знаешь что? Тебе нужна шляпа». Я беру две шапки с витрины «Прайда» и взял по одной в каждой руке. «Выбор джентльмена! *Les Bisexuales* или *Queer Evan Hansen*?»

«Мы действительно только что за десять минут перешли от угрюмого Артура-Расставателя к странному Артуру-игре словами?»

«Найдите себе мужчину, который умеет делать и то, и другое», - самодовольно говорю я, впихивая шляпу Эвана Хансена в руки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

БЕН

Суббота, 27 июня

Прошло уже больше недели с тех пор, как я слышал об Артуре, и, думаю, мне не стоит удивляться. Это все тот же старый фокус: чем лучше дела у Майки, тем больше он исчезает.

Но сегодня я не могу позволить себе думать об этом. Артуру не позволено проливать дождь на мой радужный парад. Это мой последний Нью-Йоркский прайд, и он уже кажется сном. Марширую по улицам, держа Марио за руку. Наши щеки раскрашены радугой, которую мы нарисовали друг другу. Марио сшил для нас футболки «*Я с ним*» с разноцветными стрелками, указывающими друг на друга, и это здорово, потому что люди продолжают обращать на него внимание.

«У тебя здесь много фанатов», - говорю я, когда мы пересекаем переполненную Юнион-сквер.

«И у тебя, Алехо, тоже», - отвечает Марио.

Я не видел никаких доказательств этого, но это неважно. Я не пытаюсь привлечь внимание. Я просто пытаюсь присутствовать на этом параде: пообщаться с людьми, которым, возможно, было труднее, чем мне; слушать Марио, когда он подпевает песням, звучащим из динамика драг-квин, таким как Robyn «Dancing On My Own» и Carly Rae Jepsen «Cut to the Feeling»; радуясь, когда разноцветные конфетти сыплется с крыши; покупая значки с местоимениями у продавца с синей помадой; фотографировать двух латиноамериканцев с табличками, одна из которых гласила «*Ура, я гей!*», а другая «*О, Боже, я би!*»; и присоединиться к массовым аплодисментам, когда подросток взял мегафон и объявил, что он транс.

Почему каждый день не может быть таким прекрасным, как сегодня?

Я спрятал телефон в кармане, потому что мне было все равно, напишет мне Артур или нет. Я не хочу упустить ни одного момента. Солнце ласкает мое лицо, и я готов к тому, что мои веснушки высыплются, как маленькое созвездие Прайда.

И как бы весело мне ни было в обществе, трудно не смеяться каждый раз, когда я вижу своего любимого союзника.

На Дилане футболка *ALLY AF*, а также радужная повязка на голову, и радужным ожерельем со знаком мира и радужными браслетами. В общем, Дилан эстетика *GAY AF*. А поскольку ему нравится внимание, он просит людей подписать его футболку в знак уважения к этому дню. Никто из нас не сказал ему, что три разных человека нарисовали члены на его спине.

«Все выглядят так, будто проходят прослушивание для клипа Леди Гаги», - говорит Дилан.

Саманта кружится в своем радужном платье-сетке с высокой талией. «Дилан!»

«Это не оскорбление! Ты гомофоб, раз так думаешь».

Солнце немного припекает, но у меня такое чувство, что даже если бы было ниже нуля, некоторые люди, празднующие сегодня, все равно ходили бы в одних трусах. Вся сила в том, что всем сейчас так тяжело живется, даже если это единственный уик-энд, когда они чувствуют себя комфортно, одеваясь или раздеваясь? - вот так.

«Я буду скучать по этому», - говорит Марио. «Мы тоже только что пропустили LA Pride».

«Тогда извлеки из сегодняшнего дня максимум пользы», - говорю я с улыбкой.

«Уже делаю, Алехо».

Саманта целует Дилана в щеку, а он вдруг объявляет: «Мне нужно отлить».

«То же самое», - говорит Саманта. «Но не так грубо».

«Становись змеей!» кричит Дилан.

Он придумал «Змею» как способ связать нас всех вместе руками, чтобы мы могли пробираться сквозь толпу, чтобы «ни один человек, ни одна Саманта не остались позади». Мы пробираемся через парад, пока не нашли кафе в квартале от «Дуан Рид», за вход в которое в мой день вы бы не заплатили. Дилан и Саманта встают в очередь, и обе выглядят так, будто танцуют, извиваясь.

«Сколько у тебя наличных?» спрашивает Дилан. «Мы собираемся подкупить наш путь вперед».

Саманта лезет в сумочку. «У меня есть двадцатка».

«У меня нет денег после покупки булавок», - говорю я.

Марио наблюдает за очередью. «Перед тобой девять человек. Я пойду разобью эту двадцатку, и у нас все получится».

Он берет купюру у Саманты и бежит к тележке с хот-догами.

«Доверим ли мы Марио деньги?» спрашивает Дилан.

«Неа, он полный ментиросо», - говорю я.

«Кто он?»

Я улыбаюсь, отходя в сторону, чтобы не переводить для него «лжец».

Я смотрю на проходящую мимо толпу, гадая, какие у всех истории. Через что все прошли, чтобы оказаться сегодня здесь. Кто будет здесь в следующем год. И через год после этого. Вернусь ли я? Вернусь ли я с Марио?

Я не экстрасенс, поэтому я сосредоточен на настоящем.

Здесь так много жизни, это взрывоопасно. И стиль, как ни в один другой день. Кое-кто действительно надел костюм Капитана Америки, но вместо красных, белых и синих полос, здесь радуга. По большей части люди представляют этот день в невероятных футболках, которые я бы хотел, чтобы они носили круглый год:

Звучит по-гейски, я в деле.

Буква «Т» Не пустой звук.

Транс и гордость.

Космический ас.

Ничего не предполагать.

И тут из-за угла появляется невысокий симпатичный парень в одной из этих футболок с Лин-Мануэлем Миранда *любовь есть любовь*.

Через полсекунды я понимаю, что это Артур, и мне вдруг становится все равно, что он не написал. Мое сердце колотится так быстро, потому что это должно быть работа Вселенной. Кто знает, сколько людей собралось на этих улицах, и, конечно же, я остановился на Артуре Сьюзе. Я так счастлив его видеть, что прыгаю и выкрикиваю его имя, но он не слышит меня из-за энергичной толпы и громкой музыки.

И тут, когда я уже собираюсь протиснуться сквозь всех, чтобы добраться до него, я вижу как кто-то в голубой шапочке подходит к нему, держась за руки. Это, должно быть, Майки.

Я чувствую, что потерял голос и утратила контроль над своими мышцами. Мне хочется опуститься на бордюр и спрятаться за парадом.

Я даже не понимаю, как Майки до сих пор в Нью-Йорке. Неужели он бросил работу и просто переехал сюда? Они что, серьезно не могут прожить отдельно одно лето? Я вспоминаю ту странную ночь в баре с открытым микрофоном, пытаюсь представить, как все должно было произойти. Может, Майки просто не мог заставить себя вернуться в поезд. Может, они провели всю неделю, занимаясь невероятным сексом. Может быть, Майки лично исполнял на бис свое выступление в караоке каждый вечер. Это бы точно объяснило, почему Артур не писал мне всю неделю. Это отстой, потому что я действительно думал, что мы с Артуром становимся ближе. Но я чувствую себя дальше от него, чем когда-либо прежде, даже когда

мы жили почти в тысяче миль друг от друга.

Он мог бы хотя бы сообщить мне, что будет на Прайде.

Но, наверное, я тоже мог бы связаться с ним.

Я даже не знаю, почему меня это волнует. Все, что я знаю, это то, что именно поэтому я так чертовски готов начать все сначала в Лос-Анджелесе. Больше никаких воспоминаний, хватающих меня за горло через каждые несколько кварталов. Больше никаких поворотов и натеканий на бывших с их новыми парнями, которые получают все, что я никогда не получал.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

АРТУР

Вторник, 30 июня

Самое отвратительное, что я действительно думал, что я уже не в курсе - или, по крайней мере, я к этому шел. Конечно, было неприятно, когда я не мог написать Майки о косплеерах Animal Crossing в Pride, и я все еще проверяю Instagram Марио, как будто это моя постоянная работа, но, по крайней мере, мой рот начал вспоминать механику улыбки. На сайте были даже периоды, когда я вообще не думал ни о Бене, ни о Майки. Я был просто парнем в футболке «Гамильтон Прайд», который шел со своим лучшим другом по усыпанным радугой улицам Манхэттена.

А потом Итан ушел домой.

Мне действительно нужно начать учить разницу между *«хорошо»* и *«отвлеченно»*.

Да. Так что, оказывается, мир не останавливается для разбитого сердца. Я не могу прогуливать работу, потому что я выгляжу как недосыпающий упырь, или потому что мне плохо из-за Майки, или потому что Бен меня не любит. Я никак не могу прийти в себя за девять дней до нашей первой генеральной репетиции.

Девять дней - и еще восемь дней до открытия. Разве я не должен быть хотя бы немного взволнован этим? Вот я стою на настоящей нью-йоркской сцене, под высоким потолком и профессиональным светом. Я не говорю, что это Radio City Music Hall - это черный ящик, который, по сути, представляет собой просто выкрашенный в темный цвет куб, даже в таком престижном заведении, как «Shumaker». Но черный ящик не проблема. Проблема во мне. Потому что мой мозг не хочет заткнуться из-за парня, которого я не люблю.

Кроме тех случаев, когда он вспоминает того, кто не влюблен в меня.

«Я на это не куплюсь», - говорит Джейкоб. «Артур, извини, не мог бы ты отодвинуть кровать на несколько футов назад? Я вижу только этого жуткого ненастоящего ребенка».

Я откатываю кровать на сцену, почти к заднику. «Здесь?»

Джейкоб с минуту осматривает новую конструкцию, потом вздыхает и поворачивается к Таджу. «Может, нам принести настоящего ребенка? Нам придется принести ребенка, не так ли?»

«Ты имеешь в виду плачущего?» спрашивает Тадж.

Джейкоб потирает переносицу. «Может быть, мы состарим его до трех или четырех лет? Я

поиграю со сценарием...»

«Абсолютно. Я тебя прекрасно понимаю. Но...» Голос Таджа нервирующе спокоен. «Мне интересно есть ли способ избежать изменения всего сценария? Поскольку до премьеры осталось меньше трех недель?»

Я перекидываю свой вес с одной ноги на другую, взгляд скользит по рядам пустых стульев - справа налево, как при чтении на иврите. Пятьдесят мест расположены на платформах, поднимающихся вверх, как лестница. Но первый ряд находится на одном уровне с крыльцом и сценой, и именно там сидят Джейкоб и Тадж.

«Да...» Джейкоб вздыхает. «Ладно, почему бы нам не нажать на паузу на секунду. Мы вернемся к этому через пятнадцать минут». Он встает и потягивается, постукивая по экрану своего телефона. К тому времени, как я добираюсь до первого ряда кресел, он уже на полпути к фойе.

«Вот это да. Тяжелый день для ГДБ», - говорит Тадж, снимая крышку с контейнера с соевым йогуртом.

Я достаю из сумки упаковку сырных крекеров и сажусь рядом с ним. «Он ведь не собирается делать ребенка старше, верно? Например, тебе пришлось бы переписать всю сцену укладывания спать, плюс все, что происходит в парке, и это просто...»

«Бананы», - говорит Тадж. «Это целая банановая роща. Но он действительно ненавидит этих кукол».

Я поворачиваюсь обратно к сцене, которая в данный момент напоминает интерьер квартиры - гостиная, детская и кухня. Дизайн скорее наводящий на размышления, чем буквальный - это всего лишь несколько ключевых предметов мебели, расставленных перед тремя холщовыми задниками. Хотя, когда вы видите его с установленным освещением и актеры переходящие из комнаты в комнату, это действительно похоже на дом.

Но даже я должен признать: Джейкоб прав насчет проклятого ребенка. Думаю, он достаточно реалистичен для бутафорской куклы, но нельзя притворяться, что от него не исходит энергии трупа. Или отсутствие энергии.

«Должен быть более простой выход», - говорю я.

Внезапно я встаю со своего места, преодолевая несколько футов пространства между первым рядом и сценой. На мгновение я замираю перед трио декораций. Они пугающе огромны, но, по крайней мере, они на колесиках. Я экспериментально толкаю центральную панель.

«Переделывать?» спросил Тадж.

«Просто пробую кое-что».

Тадж откладывает свой йогурт и встает.

Пять минут спустя мы откинули центральную панель и придвинули боковые и втянули боковые панели, и теперь это уже не три смежные комнаты в квартире. Теперь это просто гостиная и кухня, а за ними - намек на детскую метр голубого фона с зубной пастой и край детской кровати.

«Значит, ребенок всегда здесь», - объясняю я. «Она просто немного на сцене».

Я смотрю, как Тадж впитывает все это, следя за его взглядом от панели к панели. Это дико, как простейшая мелочь может изменить все ощущение от пространства. Общий фокус и дополнительная глубина делают квартиру более реальной. Как и есть намек на жизнь, существующую за границами этих декораций. Не знаю, что подумает Джейкоб, но я уверен, что мне это нравится.

«Хорошо, - говорит Тадж. «Допустим, мы Адди и Беккет, середина восьмой сцены, когда они ссорятся, и Лили просыпается...»

«Точно! А что, если Бекетт на самом деле находится на сцене во время этой сцены?

Например, мы получим звуковую подсказку, где она плачет, и вы видите, как он заходит в детскую...»

«Ха!» Тадж поджал губы. «Итак... мы держим Адди в гостиной... они просто разговаривают между комнатами? Может, он высовывает голову сбоку, и мы чувствуем его там?»

«Именно», - говорю я, и впервые с тех пор, как Итан уехал, в моем мозгу загорается свет.

Обычно на работе я чувствую себя таким пройдохой - даже когда не заваливаю работу, всегда кажется, что вот-вот завалю. Но сегодня что-то щелкнуло. Я не могу объяснить. Тадж продолжает кивать, когда я говорю, и набирает заметки на своем телефоне, как будто мои идеи стоят того, чтобы их записать. Как будто я не просто тупой стажер. Или, по крайней мере, я тупой стажер с *потенциалом*.

«О, вау!»

Голос Джейкоба - мое сердце подпрыгивает в горле.

«Это так интересно», - говорит он, придвигаясь к Таджу. «Проведи меня через это».

Тадж делает жест в мою сторону. «Это все Артур».

Джейкоб сжимает руки. «Творческий риск. Нам нравится на это смотреть».

«Возможно, это не сработает», - быстро говорю я. «Это просто случайная идея - у меня не было времени обдумать ее. Мне было просто любопытно. Seriously, я могу все на свои места...»

«Или, - улыбаясь, говорит Джейкоб, - ты можешь рассказать мне об этом».

Десять минут спустя Джейкоб и Тадж уже бегали и фотографировали сцену со всех сторон, переписываясь с менеджером сцены, переходя на второй язык аббревиатур и театрального жаргона. Обычно я чувствую себя дилетантом, но сегодня все по-другому. Сегодня это просто еще одна часть волшебства, которое я помог привести в движение.

Я наблюдаю за происходящим из первого ряда в ошеломленном неверии.

Джейкобу понравилась моя идея. Он даже задохнулся, когда я объяснил ему, в чем дело. Он назвал меня *гением*.

Да, я полная катастрофа. Да, Бен переезжает. Да, я облажался с Майки. Нет, я никогда не смогу завязать галстук так, как это делает Тадж.

Но.

Джейкоб Демски. Назвал меня. Гением.

Когда они вернулись, Джейкоб обнимал GDB, как будто это его настоящий ребенок. «Мы заключили перемирие, - объясняет Тадж.

Так приятно смеяться.

«Артур, ты изменил игру». Джейкоб наклоняется к Таджу, чтобы толкнуть меня. «Я сегодня вечером я посоветуюсь с Майлзом, чтобы закрепить пару новых приемов, но я думаю, что мы в хорошей форме. Даже не знаю, как тебя благодарить».

«Я так рад помочь». - гордо заявил я.

«Seriously. Боже, забери выходной на остаток дня. Или возьми пятницу! Сходи в «Грейхаунд», сделай сюрприз своему парню...»

Тадж толкает его локтем, и он резко останавливается на полуслове.

На мгновение никто не говорит.

«Хм...» Мой голос звучит на октаву выше. «У меня нет. У меня его нет».

«Один из...»

«Парень. Больше нет».

«О.» Джейкоб поворачивается к нам с Таджем. «О, Артур. Мне так жаль».

«Нет, это не так!» добавляю я, немного слишком быстро. «Я тот, кто инициировал это. Он мне небезразличен, но... думаю, я понял, что не люблю его. Я действительно этого хотел».

«Тогда, похоже, ты сделал правильный выбор», - говорит Джейкоб так просто, что это поражает меня до глубины души.

Вся история вылилась наружу. «Это просто отстой, потому что на самом деле нам было очень хорошо вместе, а теперь я скучаю по нему. Очень сильно. Но это просто не то. И как я мог это исправить? Не знаю, может быть, мы могли бы в конце концов прийти к этому?» Комок набухает в горле. «Наверное, отчасти я понял, что все еще заиклен на ком-то другом, что, очевидно, было несправедливо по отношению к Майки. Он не должен ждать, пока я забуду Бена - это мой второй бывший. Мой первый бывший. Но этого тоже не происходит. Раз уж он едет за своим парнем в Лос-Анджелес».

«Последовать за ним, то есть переехать туда?» - спрашивает Тадж.

Я киваю на свою сумку, и ее коричневая поверхность как будто немного расплывается.

«Нет. Это просто одна из тех вещей, верно? Вселенная не строилась к финалу с Артуром. Так бывает».

«Но ты же его не забыл», - говорит Джейкоб.

«Ну, нет. Я влюблен в него». Мой голос немного ломается, и я вздрагиваю. Не знаю почему я думал, что могу говорить непринужденно, когда бросаю эту бомбу. Я кривлю губы в подобие улыбки. «Как-то жалко, да?»

«Нет, вовсе нет», - говорит Тадж.

«Мне так любопытно. Почему ты думаешь, что игра окончена?» - спрашивает Джейкоб.

«Ты имеешь в виду с Беном?» Я бросаю на него косой взгляд, и он кивает. «Ну... я думаю та часть, где он переезжает в Калифорнию со своим новым парнем».

«Так, значит. Парнем, а не мужем», - говорит Джейкоб. «Этот переезд, типа, навсегда или только на лето, или как?»

«То есть, он *говорит*, что пока просто пробует, но не то, чтобы он собирался ненавидеть жить в Калифорнии бесплатно со своим горячим парнем-телесценаристом. Это просто мечта сценарий».

«Конечно, но... ладно, послушай. Я писатель. Я должен смотреть на это как на историю. Парень, в которого ты влюблен, переезжает в Калифорнию с другим парнем. Такова наша история, верно?»

«В общем-то, да».

Джейкоб кивает. «Так что очевидный вопрос заключается в перспективе, верно? Чью историю мы рассказываем? Какова твоя роль в ней?»

«Я тот парень, который понял это слишком поздно?»

«Хорошо. Ты - препятствие? А Калифорния - это счастливый конец? Или...» Джейкоб делает паузу. «Ты тот парень, который бежит в аэропорт, чтобы остановить его? Ты главный герой?»

«Я...» Я моргаю. «Откуда мне вообще это знать?»

«Вот тебе подсказка». Джейкоб улыбается. «Это твоя жизнь. Ты всегда главный герой».

Мое сердце подскакивает, но я сдерживаю его. «Верно, но, мой бывший тоже главный герой. И его парень тоже».

«Безусловно», - говорит Джейкоб.

«Так что все не так просто. Я не могу объявить себя главным героем только потому, что я хочу быть в этой истории».

«Конечно. Конечно ты не можешь контролировать, как все будет происходить. И если Бен скажет нет, то так тому и быть. Но если ты хочешь быть в этой истории, иди и будь в ней! Беги за ним в аэропорт!»

«Я думаю, он за рулем».

Тадж наклоняется ко мне. «Это метафора. Он говорит, что ты должен сказать Бену, что ты чувствуешь».

«О! Боже, нет. Это... да, нет. Ха-ха. Ни в коем случае».

«Почему нет?» спрашивает Тадж.

«Потому что я не пытаюсь испортить его счастье?» Я поморщился. «У него новые отношения. Я не хочу вмешиваться в них».

«Ты вмешиваешься, только если у него есть чувства и к тебе», - замечает Тадж.

«Я даже не сказал ему, что мы с Майки расстались. Это просто не...» Я оборвал себя, сердце колотится. «Я просто боюсь, что усложню ему жизнь».

Джейкоб смотрит на меня. «Или ты боишься, что он отвергнет тебя?»

«Я боюсь, что он меня отвергнет, - говорю я без колебаний.

Я почти уверен, что он уже отверг. Джейкоб постоянно говорит мне, чтобы я шел домой, но я предпочитаю с головой уйти в работу. Я едва успеваю уйти со сцены, как Джейкоб

выпроваживает нас в пять. Прошло несколько часов с тех пор, как я не смотрел на свой телефон, но чувствую, что он звонит в моей сумке еще до того, как я выхожу на улицу.

Это Джесси, которая обычно пишет смс, поэтому я спешу ответить. «Привет! Все в порядке?» Спрашиваю я.

«Ты в порядке? Ты ведь получил мои сообщения?» В ее голосе слышно раздражение и беспокойство одновременно, и я с ужасом понимаю, что уже слышал эту фразу.

Старший класс, первые несколько недель после того, как мы с Беном расстались.

«Абсолютно в порядке». Я роюсь в сумке в поисках наушников. «Прости, я был на сцене весь день. Они работали над репликами и...»

«О, хорошо. Извини. Я просто хотела узнать, как прошло воскресенье, но все это есть в сообщениях. Я не хочу повторяться. В общем, я просто хотела узнать, можем ли мы перенести пятничный вечер с Грейсоном на воскресный ужин».

«Мне подходит. Не могу дождаться встречи с ним». Я вставляю наушники, чтобы видеть свои сообщения, пока мы разговариваем.

«Я тоже! Думаю, вы поладите», - говорит она, и в следующее мгновение я понимаю, что она перечисляет рестораны. Но я полностью теряю нить разговора, когда вижу сообщение Дилана. Ладно, Сьюзикал, в пятницу вечером в квест-комнату, братский вечер. Приходи.

«Так, может, в семь?» - спрашивает Джесси.

«Конечно». Я смотрю на свой экран. «Эй, так. Дилан только что пригласил меня в пятницу?»

«О, круто. Это очень весело. Я проходила такую в «Providence».

«Да, но...» Я делаю шаг вправо, чтобы пропустить семью, которая проходила мимо меня.

«Тебе не кажется странным, что Дилан приглашает меня потусоваться? И в квест-комнату? Зачем мне запираяться в комнате с Беном и Марио? Если только он не пытается сорвать калифорнийскую затею...»

Я останавливаюсь, пытаюсь отогнать крошечное семя надежды, угрожающее пустить корни в моем мозгу. Потому что даже если Дилан пытается что-то подстроить, Бену не обязательно соглашаться с этим. В конце концов, Дилан не имеет права голосовать за личную жизнь Бена. И я тоже.

«О да. Фу, - говорит Джесси. «Я не знаю».

«Я должен отказаться, верно?»

«Конечно, если только ты не хочешь...»

«Я совершенно не хочу». Мой голос звучит так громко, что собака роняет свою палку. «С

меня хватит. Мне не нужно впутываться в эту группу и все их странными дружескими связями. Я просто хочу общаться со своими людьми. Например, с тобой и Итаном. И я не могу дожидаться встречи с Грейсоном, и - о, я почти у метро, но послушай, я знаю, что Грейсон не сможет быть там, но если ты все еще хочешь потусоваться в пятницу вечером, дай мне знать. Я свободен. Разумеется».

«О, эм. Вообще-то.» Джесси колеблется. «Надеюсь, это не странно, но я... тусуюсь с Самантой этой ночью?»

«О!» Я киваю - вовремя аудиовызова мозг «гэлакси» всегда сообщает правильно. «Да, нет. Ладно, круто. Это... Отлично.»

Я смотрю на экран в течение целых тридцати секунд после того, как мы повесили трубку.

Всю дорогу домой я думаю только о своей последней ночи в Нью-Йорке. *Мой первый* последний вечер, когда мы с Беном провели весь вечер, занимались химией. Я помню, как поднимались уголки его губ каждый раз, когда он решал вопрос правильно. Разве было ли когда-нибудь что-то столь же прекрасное, как лицо Бена Алехо, когда он гордится тем, что знает что-то?

Он рассказал мне о разнице между физическими и химическими изменениями - мне даже не пришлось заглядывать в карточки. Физические реакции - это несерьезные виды изменений, поверхностные. Но химические реакции разрушают связи и образуют новые до тех пор, пока состав вещества не изменится безвозвратно. «Например, выпечка пирога», - сказал Бен. «Ты можешь бросить выпечку на полпути, но ингредиенты уже не вернешь. Химическое изменение».

См. также: Дружба Джесси с Самантой. Дилан в моих сообщениях. И тот факт, что я не могу проехать ни одной поездки в метро, не думая о Бене, потому что он привязался к каждой клетке моего мозга, и мне начинает казаться, что он перестроил мое сердце с нуля.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

БЕН

Пятница, 3 июля

Я готов играть.

Давненько я не участвовал в квест-комнатах. Я люблю игры, но иногда кажется, что на меня давят, чтобы решить головоломку, а я не люблю, когда меня считают недостаточно умным. Из-за этой неуверенности в себе я также ненавижу Скрабл. Все клянутся, что я буду доминировать в этой игре, потому что я писатель, как будто я знаю все слова в мире. А потом я замираю и играю в слова вроде «палка» и «машина». Единственная игра в «Скрабл», которая не вызвала у меня желания все сломать, была онлайн-игра с Артуром в выпускном классе. Мы оба сразу же потеряли интерес и в итоге сделали скриншот доски, чтобы написать кучу грязных слов с помощью приложения Paint.

Но, знаете что? Я уверен, что не стал бы ненавидеть «Эрудит с Марио» тоже. Готов поспорить, что играть против него будет даже расслабляюще, потому что я знаю, что ему равно, что мой самый большой вклад в Скрабл - это слово из трех букв. Точно так же, как ему будет все равно, если я не внесу свой вклад в эту комнату побега.

Мы все в холле, ждем пресловутого Патрика. Марио переписывается на оранжевом диване. Дилан смотрит на таблицу лидеров, бормоча о том, что мы ни за что не победим, если Патрик будет в нашей команде. Я перебираю корзину с пенопластовыми табличками «победа/поражение», с нетерпением ожидая, чем все это закончится.

«Невероятно», - говорит Дилан. «Этот парень так опоздал».

«Зачем ты его пригласил?» спрашивает Марио, оторвавшись от своего телефона. «Ты, кажется, ненавидишь его».

«Потому что я люблю свою девушку и...» Дилан ставит воздушные кавычки и насмешливо говорит: «Я должен быть милым с ее лучшим другом, потому что она мила с моим».

Он закатывает глаза и показывает на меня. «Кто может не любить этого веснушчатого ангела?»

«По-настоящему», - говорит Марио.

Эти слова поразили меня по-другому. Неужели он хочет сказать, что любит меня? Я имею в виду, разве люди переезжают друг к другу, если они не влюблены? Разве они переезжают страну ради них, если они не влюблены? Я должен задать себе тот же вопрос: Люблю ли я его?

Мне нравится проводить с ним время, мне нравится, как много мы делаем вместе, но люблю ли я *его*?

Я должен это знать.

Сотрудник квест-комнаты, Лиам, выходит из-за стойки, протирая свои очки. «Ваше время начинается через три минуты. Ваш четвертый почти пришел?» спрашивает он с английским акцентом. «Фантастический вопрос, Лиам. Дай-ка я позвоню этому ублюдку», - говорит Дилан.

Он достает телефон как раз в тот момент, когда в зал входит парень, похожий на модель. У него черные вьющиеся волосы, сильная линия челюсти, извиняющиеся карие глаза, и он такой бледный, мне кажется, что могу разглядеть на его лице солнцезащитный крем; он похож на печального вампира. «Дилан, чувак, мне так жаль. Я бы обвинил метро, но мне следовало выйти на полчаса раньше».

Это Патрик.

«Это Не», - бормочет Дилан.

«Вы, должно быть, Бен и Марио», - говорит Патрик, пожимая нам обе руки своими. «Дилан постоянно говорит о вас».

«Он и о тебе кое-что говорил», - говорю я.

Патрик трогает свое сердце. «О, это мило».

Раздается громкий рингтон Марио. «Это компания по переездам», - говорит он. «Un momento».

«Но...»

Я знаю, что разобраться с грузовиком для переезда очень важно, особенно потому, что Марио перенес дату переезда на понедельник. Но я очень хочу, чтобы это воспоминание с ним.

Мы раскладываем вещи по шкафчикам, а Лиам рассказывает о правилах и запретах пока мы ждем Марио - к счастью, Марио уже знает, как играть. Правила просты: у нас есть час на побег из запертой комнаты, и мы можем просить подсказки в любое время.

«Тема - Z-вирус», - говорит Лиам, проводя рукой по своим светлым волосам. «Глобальная пандемия превращает людей в зомби. Очень страшно. Ваша миссия - исследовать заброшенную лабораторию и сбежать с противоядием. Или миру конец».

Патрик притворяется, что дрожит от страха. «О-о-о. Нам придется потрудиться!»
Дилан делает вид, что хочет ударить Патрика в спину.

«Вы готовы начать?» спрашивает Лиам, открывая дверь в комнату.

«О, Марио должен вернуться в любой момент», - говорю я.

Лиам проверяет часы. «За вами идет вечеринка. Нам действительно пора начинать».

Глаза Дилана расширяются. «А что будет, если мы не сбежим?»

«В каком смысле?» сухо спросил Лиам.

«Мне кажется, что мой вопрос ясен».

«В истории или в реальности?»

«И то, и другое?» спрашивает Дилан.

«В истории, ты умираешь. В реальности мы вас выпустим».

Дилан медленно кивает головой, словно переваривая этот ответ. «А что, если...» Он оборачивается к входной двери, где Марио все еще разговаривает по телефону. «Что если мы не хотим выходить из комнаты?»

«Ты тянешь время?» спрашивает Лиам.

«Как ты смеешь...»

«Ну, сейчас у вас забронировано время. Если вы не уйдете сейчас, мы все равно возьмем с тебя деньги. У тебя есть тридцать секунд, прежде чем я закрою дверь».

Дилан издает низкий рык. Он поворачивается ко мне и Патрику. «Значит, остались только мы...»

Патрик потирает руки. «Я так взволнован! Это мой первый раз». Он заходит внутрь.

«Убей меня», - говорит Дилан.

«Десять секунд», - говорит Лиам.

«Я собираюсь пойти за Марио», - говорю я.

Дилан хватается за запястье и тащит внутрь.

Лиам закрывает за нами дверь.

«Ди!»

«Я ни за что на свете не заперся бы один в комнате с Патриком на целый час», - шепчет Дилан.

«И теперь у меня нет Марио».

«Ты будешь жить». Дилан показывает на Патрика. «А он бы не выжил».

Это отстой. Нельзя уйти пораньше, не потеряв ничего. Может быть, у Лиамы проснется сердце и нарушит правила, впуслав Марио.

В лаборатории горит пепельно-красный верхний свет с негромким звуком тревоги. Здесь Пахнет пенопластом и краской. На некоторых документах засохшая искусственная кровь, документы и грязное увеличительное стекло. Патрик надевает лабораторный халат с оторванным рукавом.

«Это так круто», - говорит Патрик.

Дилан передразнивает его одними губами.

«С чего начнем?» спрашиваю я, не обращая на него внимания.

Патрик берет в руки аптечку. «Может, это что-то значит?»

«Сомневаюсь», - говорит Дилан.

Я осматриваю аптечку - там есть кодовый замок. Это определенно что-то. Мы ищем нужные нам номера, и Патрик быстро находит их внутри окровавленных документов. Я предоставляю ему честь открыть аптечку самому. Мы находим перчатки, стетоскоп, пузырек и ключ.

«Ха, они заперли ключ», - говорит Патрик. «Умно». Он уходит с ключом.

«Нам нужно открыть замок».

«Шерлок Холмс», - бормочет Дилан.

«Ди, он просто отдыхает. Будь вежлив».

На другом конце комнаты Патрик пытается открыть все ящики в письменном столе. Мы с Диланом проверяем несколько шкафов.

«Извини за Марио. Стресс от переезда не дает ему покоя».

«И теперь нам предстоит пережить зомби-апокалипсис... и Патрика».

Несуществующие зомби и один из самых милых людей на планете. Как мы выживем?

У некоторых из нас есть реальные варианты побега, о которых мы думаем.

Я все думаю о том, как тяжело было видеть Артура и Майки на параде. Наверное, я всегда думал, что именно я покажу Артуру его первый нью-йоркский York Pride. Такое ощущение, что у меня в голове хранится целая коллекция гипотетических моментов, связанных с Артуром. В основном это случайные вещи, вроде вырезания тыкв или мытья посуды. Или даже просто держаться за руки на улице, или соединять руки, как Артур и Майки.

Иногда кажется, что Артур уже живет той жизнью, о которую как я всегда думал, мы могли бы разделить вместе.

Но я знаю, что эти «что-если» не реальны. Реальны те воспоминания, которые я собираюсь пережить в Калифорнии. С Марио.

«Ди, я должен тебе кое-что сказать».

«Я знаю, что ты гей».

«Я хочу, чтобы в этот раз ты услышал это от меня. Я думаю, что могу уехать с Марио в понедельник». Дилан перестает рыться в шкафу. «Что?!»

«Поездка сэкономит мне кучу денег».

«Ты ни разу не проявил интереса к путешествию».

«Я пытаюсь изменить свою жизнь».

Дилан качает головой. «Ты не можешь. В следующие выходные у Саманты будет барбекю, и ты мне там нужен».

«Из-за...?» Я показываю на Патрика, который возится со стрелками часов.

«С тобой все будет в порядке».

«Нет, к черту его. Ты должен быть там. Ты можешь переехать, когда я уйду, но я здесь».

Я закрываю шкаф. «Дилан, разве ты не хочешь, чтобы у меня было то же, что и у тебя?»

«Да, хочу! Но я также хочу, чтобы ты...» Дилан делает глубокий вдох, затем еще один и начинает отсчет капучино. «Восемь капучино, семь капучино...ты не можешь уйти. Поверь мне, Бен Хьюго Алехо. Ты нужен мне здесь. Я достану тебе деньги, чтобы уехать в Лос-Анджелес после следующих выходных. Но пока ты не можешь меня оставить».

Я начинаю нервничать. Он не шутит о том, что я нужен ему рядом, чтобы заниматься сладкой любовью. А его дыхание все учащается. «Что происходит?»

«Просто не уходи».

«Скажи мне, почему я должен торчать в этом городе, который меня преследует!»

«Потому что мы с Самантой устраиваем свадьбу-сюрприз в следующие выходные, потому что мы еще и беременны - сюрприз! Она беременна, я не беременна, но вы поняли. И она попросила меня не говорить о беременности никому, даже тебе, потому что мы пытаемся все выяснить. Ее семья была вокруг нас, но теперь ты знаешь, и мне нужен мой шафер на свадьбу! И было бы замечательно, если бы шафер не переехал в Лос-Анджелес, так как мы возвращаемся в Нью-Йорк, чтобы наши семьи могли помочь нам - включая тебя, крестного отца ребенка!»

В комнате тихо, только слышно дыхание Дилана и стук зомби за дверью.

Лиам говорит через громкоговоритель: «Тебе нужна подсказка?».

Патрик робко поднимает руку. «Да, пожалуйста».

Дилан оборачивается и говорит поверх Лиамы. «Почему ты не вложил в эту бомбу, которую я бросил?»

Патрик вздрагивает. «Саманта уже сказала мне...»

«ЧТО?» Голова Дилана может взорваться. «Но мне не разрешили сказать... Бен, тебе лучше появиться на моей свадьбе и возразить!»

«Я не собираюсь этого делать».

«Ладно, я ее заставлю».

«Она была напугана», - говорит Патрик. «Я знаю ее вечность и...»

«Я знаю Бена дольше, чем вечность», - говорит Дилан.

«С Самантой все в порядке?» спрашиваю я.

«Она в порядке, ребенок здоров, и все такое».

«Подожди.» Я хватаю его за плечи. «Ты станешь папой».

Дилан плачет, и я тоже.

Мой лучший друг станет папой и мужем!

Патрик решает головоломку, и из стены вырывается струйка пара. «Я открыл форточку», - говорит он, пролезает в нее и исчезает.

«Тебя здесь не будет», - говорит Дилан. «Я всегда думал, что ты будешь здесь».

«Слушай, я не поеду с Марио на этой неделе, не волнуйся. Я здесь. Мне просто жаль, что я мог бы поддерживать тебя все это время».

«Бен Алехо, я люблю тебя. Я бы никогда не сделал этого без тебя. Я имею в виду, я должен был сделать это без тебя, но я *не смог бы* без тебя». Дилан хватается за руку. «Ты был рядом на всех основных этапах. Я попросил тебя примерить костюм, чтобы я мог его купить на заказ. Дегустация в кафе была для приема. Вечер открытых микрофонов был для того, чтобы мы могли увидеть живое выступление группы. Цветочные композиции - для свадьбы.

А это, - он жестом показывает на комнату для побега, - мой мальчишник!»

У него такой необычный ум.

«О Боже, вас будет двое».

Дилан улыбается, как тот дьявольский эмодзи.

«Прости, что я столько раз отменял планы. Между визитами к акушери и тем, как мы были истощены борьбой с ее семьей и переезда домой, это было очень тяжело. Мама и папа тоже расстраивали. Я ненавижу, что не могу поговорить с тобой об этом, но я думал, что мы никому не скажем, пока...» Дилан оглядывается по сторонам. «Где Патрик? Неужели зомби забрали его?»

Патрик выползает из вентиляции с маленьким пузырьком. «Я решил головоломку».

«Сам?» спрашиваю я.

«Ага.»

«Молодец».

«Лиам помог ему», - говорит Дилан.

Затем из динамика доносится голос Лиама: «Нет, не помог. Ты говорил вместо меня. О, и поздравляю со свадьбой и ребенком».

Дилан смотрит в камеру и бормочет: «Поздравляю со свадьбой и ребенком».

«Не самый лучший вариант», - говорю я.

«Папин мозг».

Патрик ставит пробирку в штатив для пробирок, и дверь открывается. «Мы сделали это!»

Это была не совсем групповая работа, но он очень мил, что включил нас.

Марио находится в холле и поднимается с дивана, когда видит нас. «Алехо!»

«Привет. Все в порядке с компанией по переезду?»

«Все будет хорошо, но мне так жаль, что я пропустил комнату побега».

Я обнимаю Дилана за плечи. «Это не все, что ты пропустил».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

АРТУР

Воскресенье, 5 июля

Я ошеломленно смотрю на Джесси. «Беременна, как *беременна?* С ребенком?»

«Я имею в виду, я надеюсь, что это именно то, что там написано».

«И они собираются пожениться». Я сажусь рядом с ней на кресло, натягиваю мохнатое коричневое одеяло, накрыв им наши ноги и ступни. Моя новая любимая утренняя рутина выходного дня: «Двухголовый гризли».

Руки Джесси обхватывают кружку с кофе. «Ага. Замужем. Меньше чем через неделю».

«Но они же наши ровесники! Как это случилось?»

«Ну, когда два человека любят друг друга очень, очень сильно...»

Я быстро пинаю ее под одеялом. «Я имею в виду, как мы только сейчас узнали об этом?»

«Они даже не собирались рассказывать кому-то об этом так скоро. Это было целое событие. Мы были в доме родителей Саманты», - Джесси делает паузу, потягивая свой кофе.

Я, ее сестра и еще несколько человек, и Саманта устроила турнир по видеоиграм. Прошло около трех часов, и тут у Саманты начинает звонить телефон, и сначала она не обращает на него внимания, потому что в это время она разделяется со своей кузиной Алиссой, но потом он звонит снова, верно? И она отходит, чтобы проверить, а это Дилан, и она как бы сидит там на и разговаривает с ним, очень тихо, и в этот момент ее лицо становится вот таким».

Джесси закатывает глаза к потолку, позволяя своему рту повиснуть открытым. «Итак. Она заканчивает разговор и минуту просто смотрит в пространство, и очевидно мы все немного обеспокоены. Но потом она смеется и говорит: «Похоже, мне есть что рассказать вам».

Я подношу руку ко рту. «Дилан сделал предложение по телефону?»

Джесси просто смотрит на меня. «Артур».

«Ты имеешь в виду беременность? Как он мог узнать об этом раньше нее?»

«Это серьезный вопрос?» Я киваю, и она медленно закрывает глаза. «Твоя невежественность просто поразительна. Ты ведь знаешь это, правда?»

«Это звучит как комплимент, но я не уверен, что это комплимент».

«Это не комплимент». Джесси смеется. «Черт возьми, я так тебя люблю. Да, так. Саманта,

вынашивающая ребенка в своем теле, знала о беременности. -»

«Некоторые люди не знают! Было целое шоу о...»

«Ты хочешь это услышать или нет?»

Я быстро киваю и изображаю молнию на губах.

«Так вот, оказалось, что Саманта на четвертом месяце беременности, но они только сказали только ближайшим родственникам, потому что-это долгая история, но в основном план состоял в том, чтобы объявить о беременности на их свадьбе, что тоже было сюрпризом - они сказали людям, что это барбекю».

Я моргаю, думая о внезапном интересе Дилана к обладанию модным костюмом от Bloomingdale's. «Дай угадаю - кузина Саманты не выходит замуж».

«Алиссе двенадцать», - говорит Джесси.

Я прижимаю руку к щеке. «Так почему они решили объявить обо всем в эти выходные?»

«Не думаю, что они хотели этого. Похоже, у Дилана был приступ паники, может быть, и это просто вырвалось наружу? Он не писал об этом в твиттере или что-то в этом роде, но он сказал Бену и Патрику и...»

Марио, думаю я, но отгоняю эту мысль. «С Диланом все в порядке?»

«Да, полностью, просто ему было плохо. Но я думаю, они рады, что наконец-то могут поговорить об этом».

«Вау». Я еще глубже зарылся под одеяло.

«Я знаю».

«Что они собираются делать со школой?»

«Не уверена», - говорит Джесси. «Не думаю, что они решили на сто процентов. Ребенок должен родиться в декабре, так что они попытаются провести нормальный семестр, я думаю. Но после этого - неизвестно».

«Думаю, мне стоит написать ей, да? И Дилану».

Но когда я открываю свои сообщения, имя, которое я ищу, принадлежит Бену.

Только что узнал новости!! Боже мой, печатаю я. Ты НЕ ОШИБСЯ насчет того, что с Диланом что-то происходит!!!!

Бен тут же пишет в ответ. Я ЗНАЮ. Это еще не кажется реальностью. Значит, я теперь дядя Бен??? Как рис???

Мгновение спустя он добавляет: Я просто не представляю, как это сделать. Я буквально сейчас нахожусь в детском магазине, и это агрессивно мило, но так подавляюще, как я могу

знать, что этот ребенок хочет??? Ведь он еще даже не родился?

Я ухмыляюсь, глядя на свой телефон. Хаха, не знаю. Думаю, мне стоит купить что-нибудь и для них когда-нибудь, а?

ПОДОЖДИ, пишет Бен. Ты сейчас дома? Я в верхнем Вест-Сайде, на углу Колумба и 80-й, это прямо напротив музея. Пойдем встретимся?

Мы с Беном ходим по магазинам.

В воскресенье днем.

Как пара молодоженов. А что если...

Неа. Точно нет. Пирожные с маслом, убирайтесь к черту из моего желудка. Знаешь, чего я не собираюсь делать в этот раз? Надеяться на какой-нибудь *M Moment*, когда я прекрасно знаю, что Бен, возможно, стоит рядом с Марио с большой буквы *M* в эту самую секунду.

Двадцать минут спустя я заметил Бена, читающего свой телефон, возле дорогих бутиков. Но он засовывает его в карман и обнимает меня, как только видит меня.

«Как раз вовремя», - говорит он. «Они начали пристально смотреть на меня там. Кажется, они думают, что я преступник из детского магазина?»

Я смеюсь, чувствуя легкое головокружение. «Я слышал, что это настоящая проблема в этом городе».

«Преступления в детских магазинах?»

«Они думали, что все закончится, как только они поймают бандита в одном белье, но...-»

«Мило». Он тычет меня в руку. «Может, зайдем?»

«Конечно! Если только ты не хочешь подождать, пока приедет Марио?»

«О, нет, он собирает вещи». Бен почесал затылок, внезапно разволновавшись. «Я, наверное, приду чуть позже, чтобы помочь ему». Он делает паузу. «Или нет. Думаю, он уже почти закончил? Мы-эм...Он собирался уехать завтра, но он отложил аренду внедорожника на неделю. Он не мог пропустить свадьбу Дилана».

«Точно». Я иду за ним в магазин, стараясь не обращать внимания на боль в груди. *Мы*. «Ты был прав - это место агрессивно милое».

Я оглядываю помещение, сферические светильники и ярко-белые витрины, на которых лежат искусно разложенные детские и постельные принадлежности. Бен указывает на стопку

органических одеял, каждое из которых украшено разными иллюстрированным принтом.

«Видишь, это именно то, о чем я говорю. Нравится ли ребенку макароны? У него уже есть пищеварительная система? Кто, блядь, знает!»

Я улыбаюсь. «Ладно, но у них есть единороги. И нарвалы!»

«Абсолютно, блядь, нет. Я не хочу, чтобы Дилан еще полгода издевался надо мной о том, что нарвалы настоящие».

«Подожди, Дилан думает, что нарвалы настоящие?»

Бен наклонил голову. «Они настоящие».

«А-а-а...»

Бен разразился смехом. «Правда? Я так и сказал! Артур, это было так ужасно. Я придумал всю эту сцену с водой для продолжения *Войны злых волшебников*, и да. Итак, я рассказываю об этом Дилану - сейчас рождественские каникулы, - и он такой: «Бенион, я люблю тебя, но я не могу позволить тебе снимать сцену с нарвалами на Карибах». И я, как последний засранец, начинаю говорить о том, что это моя *интерпретация* фантастического существа, а Дилан? Он, блядь, выходит из себя. Смеется так сильно, что я думал, он подавится. Потому что, как оказалось...» Бен достает свой телефон, набирает что-то в строке поиска и показывает мне.

Это фотография кита с длинным острым рогом.

«ПОДОЖДИ...»

«Абсолютно стопроцентная реальность».

«Я и понятия не имел».

Бен делает лицо, которое каким-то образом раздваивается между улыбкой и гримасой. «Мы единственные два человека на земле, которые не знали».

«Жизнь приходит к тебе быстро».

«Кстати говоря...» Бен издал быстрый, задыхающийся смех. «Представляешь, Дилан и Саманта спланировали свадьбу прямо у нас под носом?»

«Я знаю. Настоящие легенды».

«Ты ведь идешь, да? Возьмешь с собой Майки?» - спрашивает он. «Я не знаю, говорил ли Дилан с тобой, но вы, ребята, точно приглашены».

Я замираю.

«Я... я не приведу Майки. Потому что...» Я прикусил губу. «Мы вроде как расстались?»

Рука Бена все еще лежит на комбинезоне с цветочным принтом. «Правда?»

«Да. Примерно две недели назад. Когда он был здесь?» Круто. Мне нравится, с какой прямотой я говорю. Король уверенности.

Бен открывает рот, закрывает его и снова открывает. «Ты в порядке?»

«О, да. Конечно. Это было после всего того, что случилось с открытым микрофоном, и я просто понял... Не хочу вдаваться в подробности, но это просто не работает, и я рассказал ему, и...» Я пожимаю плечами. «Вот и все».

«Я понятия не имел».

«Прости. Да, я не хотел сваливать это на тебя. У тебя столько всего произошло за последнее время»

«Это не...» Бен покачал головой. «Не делай этого. Ты не должен скрывать это от меня. Я хочу быть рядом с тобой».

«Я знаю. Просто это сложно. Но, правда, я не могу».

Бен на мгновение замолчал, сведя брови вместе. «Прости, я просто...» Он изучает меня, словно решая, стоит ли говорить что-то. «Я могу поклясться, что видел вас на Прайде?»

«Подожди, что?»

«Может, у меня галлюцинации. Это было у Стрэнда? Мы ждали, пока Дилан и Саманта заканчивали писать. Опять.»

«Я был на Стрэнде! Но не с Майки. Ты уверен, что не видел Итана? Он был в городе в те выходные».

Бен прищурился. «На нем была шляпа? Я не видел его слишком близко...»

«Да! Шляпа Queer Evan Hansen!»

«О!» - глаза Бена расширились. «Итан...»

«Скажем так, он прозрел». Я улыбаюсь.

«Молодец», - говорит Бен и тут же поднимает глаза. «Подождите, вы что...»

«О Боже, нет!» Я смеюсь. «Это было бы похоже на то, как если бы ты встречался с Диланом... Ладно, плохой пример, потому что я вполне могу представить, как ты встречаешься с Диланом...»

«Могу ли я напомнить тебе, что мы буквально в этот момент выбираем подарки для ребенка, который родится у него от его девушки, на которой он женится в следующие выходные -»

«Ладно, справедливо, но я не встречаюсь с Итаном. Я одинокий молодой стажер».

Бен улыбается. «Стажеры - это круто. И еще, вау! До шоу осталось меньше двух недель, да?»

«Ага, семнадцатого! И первая генеральная репетиция через четыре дня».

«Черт. Ты с ума сходишь?»

Я смеюсь. «Странно, я действительно думаю, что это будет очень хорошо? Реклама только что вышла в эфир, и я просто помешан на ней. Хочешь посмотреть?» Я поднимаю картинку на своем телефоне и показываю ее.

Глаза Бена округляются. «Подожди, это...»

«Амелия Чжу и Эм...»

«Ты говоришь мне... все это время, каждый раз, когда ты упоминал Эммета и Амелию...» Он покачал головой, выглядя потрясенным. «Эммет Кестер играет в твоей пьесе?»

«Да! Он потрясающий, и очень милый...»

«Ты с ним разговаривал?» Голос Бена скачет на целую октаву, как в закуской с нашей официанткой. Бен, театральный фанат. Я не знаю, смеяться мне или целовать его или и то и другое. Определенно, и то, и другое.

«Если ты придешь на представление, я могу вас познакомить», - говорю я, надеясь, что мои щеки не такие красные, как кажется.

В его глазах что-то краснеет. «Вообще-то. Думаю, к тому времени я буду в Калифорнии».

«О». Я пытаюсь улыбнуться, но это длится едва ли миллисекунду.

«Да. Извини, я еще не сказал многим, но я думаю, что просто собираюсь отправлюсь туда, когда Марио уедет. После свадьбы».

На мгновение никто из нас не говорит.

«Ты действительно уезжаешь, да?» говорю я.

«До меня это еще не дошло».

Я хватаюсь за край ближайшего стола. «Думаю, нам стоит разобраться с малышом. Тебе, наверное, нужно собрать вещи».

«Да...» Щеки Бена розовеют. «Нет, это...»

«Я иду за одеялом нарвала», - быстро говорю я, заставляя себя улыбнуться. «Я скажу Дилану, что это ты предложил».

«Засранец». Бен ухмыляется.

Мы выбираем по одеялу и несем их к кассе, чтобы оплатить - я картой, Бен - свернутой в рулончик пачкой наличных. Затем Бен переходит на станцию метро «Семьдесят девятая улица» и провожает меня до входа в мое здание.

Я останавливаюсь у двери. «Наверное, увидимся на свадьбе?»

«Конечно! Или даже раньше. Дай мне знать, чем ты занимаешься на этой неделе».

Я смотрю, как он идет по Семьдесят пятой улице, пока не исчезает, свернув направо на Бродвей. Пора собираться в Калифорнию. Вот тебе и долбаная погоня в аэропорту, верно?

Я чувствую себя абсолютно пустым, в легких не осталось ни капли воздуха.

Он уезжает.

Я рассказал ему о Майки, и это не имело значения. Думаю, я даже не осознавал, как много надежд я возлагал на это. Как будто Бен вдруг отменит все свои планы на Лос-Анджелес. Как будто Марио был каким-то запасным планом.

Он действительно уезжает.

Нью-Йорк станет просто другим без Бена. Нью-Йорк без всех его «что-если». Зачем я вообще сюда приехал? Зачем я вообще пытаюсь притворяться, что я здесь свой? Я не чертов житель Нью-Йорка.

Я просто хочу домой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЭТО МОЖЕМ БЫТЬ МЫ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

БЕН

Воскресенье, 5 июля

Я смотрю на коробки в комнате Марио.

Он собрал все свои вещи в подвале. Большая часть вещей поедет с ним в Лос-Анджелес; часть зимней одежды, которая не нужна его братьям, он отдаст в местный приют. Я не могу не думать о своей истории с коробкой для разрыва для Хадсона, которая привел меня к Артуру, которого я отправил домой в Джорджию с коробкой для дружбы. Иногда коробки несут прощание. А иногда начало новой жизни.

«Алехо», - говорит Марио, действуя как пушка для стрельбы по рубашкам.

Я ловлю футболку и разворачиваю ее. На ней написано *LA Wizard* с рисунком палочки подчеркивая слова. «Это круто. Спасибо».

Не могу поверить, что это происходит на самом деле. Я буду в Лос-Анджелесе. Этот может стать рубашкой, которую я надену в день нашего приезда. И как тогда будет выглядеть моя жизнь? Лежать на пляже с Марио, читать друг другу книги и сценарии - это может быть потрясающе. Мы могли бы проводить больше времени в ресторанах, чтобы я мог попробовать заказывать еду на испанском, и пусть Марио помогает, когда нужно.

Как бы весело все это ни звучало, я нервничаю, прощаясь со всеми, кого знаю. Мамой, папой. Диланом, Самантой. Особенно сейчас, когда ко мне возвращается мой лучший друг.

А тут еще Артур. Я даже не знаю, выдержу ли я это прощание целым и невредимым.

Не помогает и то, что Артур заставляет меня сомневаться в каждом моем выбор. У меня голова идет кругом с тех пор, как я узнал, что они с Майки расстались. То есть, очевидно, что это совершенно бессмысленно. Слишком поздно думать о том, что да как.

Но мысли «что-если» продолжают закрадываться.

Я заклеиваю очередную коробку, когда что-то привлекает мое внимание. Это медвежонок, которого Артур выиграл в автомате «Когти Дэйва и Бастера» и подарил Марио. Именно в тот вечер я думал, что встречу с Майки.

Наверное, мне просто трудно поверить в то, что расставание с Майки останется в прошлом. Я даже не могу допустить, что Артур может быть в моей голове. Я не могу переписать свою

следующую главу только потому, что он снова одинок. И где я окажусь, когда Артур и Майки неизбежно решат пойти на третий раунд?

Я закрываю коробку и смотрю в пространство.

«Все хорошо?» спрашивает Марио на испанском.

«Я в порядке. То есть, все хорошо. Просто думаю о том, что ты единственный человек, которого я буду знать в Лос-Анджелесе».

Марио улыбается. «Есть люди и похуже».

«Давай не будем с ними знакомиться».

«Не будем, но заводить новых друзей - это часть приключения. Это тот опыт, который ты хотел получить, уезжая в колледж. Все, кого ты любишь, здесь, когда ты вернешься. Так что же тебя пугает?»

Он прав. Возвращаясь к метафоре с коробкой, скажу, что иногда вещи уходят на хранение ненадолго. Вы не берете их с собой, но и не выбрасываете. Они ждут вас, когда вы вернетесь домой. Так было и с моей семьей. Дилан и Саманта.

Но не все, кого я люблю, будут здесь, когда я вернусь.

«А что, если ничего не получится?» спрашиваю я.

«Что, если что не сработает?»

«Мы», - говорю я.

Я так привык к тому, что именно я пытаюсь вспомнить слово на испанском, что никогда не видел, чтобы Марио терял дар речи.

«Просто мы никогда даже не говорили о том, что будем парнями, Марио. И скоро я поеду домой собирать коробки, чтобы поехать за тобой через всю страну».

«Я не считаю, что ты едешь за мной через всю страну. Это твой побег из города, который, как ты неоднократно говорил, тебя достал».

«Наверное, я боюсь, что переезд в другое место не поможет мне дышать».

Марио то начинает предложения, то останавливается. Он явно не готов к этому разговору. Даже я не планировал поднимать эту тему. Так долгое время я хотел убедиться, что не нарушаю наши отношения, потому что хочу, чтобы он захотел меня, чтобы увидел, что во мне нет ничего сложного. Таких парней, как он, так трудно встретить. Мы настолько

подходим друг другу, что кажется, будто мы созданы друг для друга. Но тогда почему это решение не кажется более легким?

«Еще не поздно отказаться», - говорит он. «Если ты решишь остаться здесь, но я не уверен, что мне хватит сил на дальнюю дорогу».

Буду ли я сожалеть о Марио так же, как об Артуре, если не последую за ним? Я не уверен, что хочу это делать. Мне потребовалось столько времени, чтобы оправиться после того разрыва, что я не хочу снова оказаться в такой ситуации - неважно, с кем.

«Я тебя слышу», - говорю я.

Потом становится очень тихо. Возможно, даже ненадолго, но это некомфортно. Я чувствую, что все испортил. Как будто я должен был заткнуться, быть счастливым, и позволить всему идти своим чередом.

«Мы можем продолжать говорить об этом», - говорит Марио.

«Нет, я в порядке. Это просто большая неделя, еще и свадьба Дилана».

«Ты также только что узнал, что у него на подходе ребенок. Это очень много, Алехо».

«Я боюсь пропустить и это».

«Они будут в одной восьмой. Это Лос-Анджелес, а не Марс», - говорит он с улыбкой с тех пор, как разговор принял такой оборот.

Дело в том, что Лос-Анджелес вполне может быть Марсом. Не имея денег, чтобы сесть на самолет, когда я захочу, может означать, что мой лучший друг находится на расстоянии планеты.

«Абсолютно», - говорю я, чтобы не раскачивать лодку.

У меня все получится. Я найду работу в Лос-Анджелесе. Создам специальный сберегательный счет для поездок в Нью-Йорк. Я закончу свою книгу и, надеюсь, продам ее за большие деньги, и у меня будет лучшее из двух миров.

«Это твоя жизнь, Алехо», - говорит Марио, положив руки мне на плечи.

«Просто убедись, что ты живешь для себя, а не для кого-то другого».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

АРТУР

Вторник, 7 июля

Вечерняя морось превращается в дождь, как только я дохожу до парка Томпкинс-сквер. Я должен был догадаться, что Вселенная идеально завершит штрих к этому дерьмовому моменту. Это может быть последний раз, когда я остаюсь наедине с Беном Алехо до конца жизни, а теперь я появляюсь мокрый и задыхаясь, как грустный гей-мистер Дарси.

Я бегу к первому попавшемуся строению - наполовину беседке, наполовину статуе, с на крыше которого крупными буквами выгравировано слово «Благотворительность». В центре фонтан с водой. В центре фонтан, и дождь просачивается сквозь его широко распахнутые бока. Но это достаточное укрытия, чтобы защитить мой телефон и подарок Бена, так что пока этого достаточно.

У меня дрожат руки, поэтому я звоню, а не пишу сообщение. «Привет! Извини... ладно, вау, дождь очень громкий. Ты меня слышишь?»

«Ты в порядке?» спрашивает Бен. «Где ты?»

«В парке Томпкинс-сквер, и там идет ливень. Но я в беседке, так что я просто пережду немного...»

«Беседка...» Он делает паузу. «А наверху есть бронзовая дама?»

«Да! И куча добродетельных слов».

Он смеется. «Ладно, подожди здесь. Я возьму зонтик и приду за тобой».

«Что? Бен, нет...»

«Уже иду. Увидимся через секунду!»

Я смотрю на дождь и впадаю в такое оцепенение, что даже не замечаю Бена пока он не оказался прямо передо мной, держа в руках зонтик с павлиньим узором. Он улыбается, когда замечает, что я смотрю на него. «Это мамин. Он такой лишний, я знаю, но это самый большой, который я смог купить».

«Нет, мне нравится», - говорю я. «Спасибо, что спас меня».

«Конечно», - говорит он, поднимая зонт, чтобы я могла проскользнуть под ним. Затем он опускает его на дюйм над своей головой и на полфута или около того над моей, как

маленький нейлоново-металлический кокон. Я прекрасно понимаю, как близко он стоит - между нами висит только моя сумка.

Я едва успела ступить в этот момент, а уже скучаю по нему.

«Эта гребаная погода», - говорит он.

У меня перехватывает язык, чтобы говорить. Мы уже практически вышли из парка, когда я откашлялся даже от самого бессмысленного из всех вопросов. «Как идет упаковка?»

«Нормально, я думаю? Могло быть и хуже». Бен переключает руку на ручку зонтика на секунду, чтобы почесать зуд. «Я же не собираю всю свою комнату или что-то в этом роде. А гостевой дом дяди Марио обставлен, так что это просто одежда и что я хочу взять с собой».

«Лучше возьми что-нибудь для красной дорожки».

Бен смеется. «По-моему, это уже перебор».

«Ну, это то, что ты заслужил».

«Спасибо, Артур».

Мы вытираем ноги о коврик возле квартиры Бена, и он бросает зонтик в стойку у двери.

«Мои родители на работе», - говорит он. В другой вселенной, думаю я, это могло бы быть приглашением. Он нажимает на кнопку телефона, и из динамика, похожего на его комнату, доносится музыка. Но только когда он открывает дверь своей спальни, я узнаю его. Я поднимаю глаза на него, улыбаясь. «Это мой бродвейский плейлист?»

«Надо впитать весь Нью-Йорк, пока есть возможность».

Спальня Бена - это зона боевых действий: разбросанная одежда, книги и несколько наполовину упакованных картонных коробок. *Мальчик с коробками*, вспоминаю я, и сердце резко замирает.

Бен осматривает хаос. «Прости за все это». Он пересекает комнату, стаскивая черную сумку с кровати и продевает ее вешалку через оконные жалюзи. Затем он садится обратно на кровать, освобождая место.

Я колеблюсь. «Тебе нужна помощь с чем-нибудь из этого? Я не хочу отвлекать тебя от упаковки вещей».

«О, не надо. Я могу передохнуть».

Я устраиваюсь рядом с ним, поглядывая на сумку на молнии, которая теперь висит на его окне. «Это костюм из Bloomingdale's?»

«Мой подарок шаферу от Дилана и Саманты. Не знаю, как я не заметил его. Оглядываясь

назад, я думаю, зачем Дилану понадобилось тащить меня в «Блумингдейлз», чтобы я примерил дорогой костюм и пригласил продавца-консультанта, чтобы подобрать правильно?»

Я смеюсь. «Потому что это Дилан, а он делает такие штуки?»

«Я знаю». Лицо Бена омрачается. «Я до сих пор не могу поверить, что все так вовремя. Я переезжаю через всю страну, а теперь у него будет ребенок».

«Но ведь ребенок должен появиться только в декабре, верно? Может, ты сможешь приехать на несколько недель?»

«Если только я смогу найти дешевые билеты». Он улыбается, немного нервно. «Это будет мой первый раз на самолете».

«Я и забыла, что ты еще ни разу не летал».

«Я, типа, уже боюсь».

«О нет! Не бойся. Это странно - большую часть полета ты почти не чувствуешь, что двигаешься. Ты быстро привыкнешь». Я делаю паузу. «И ты будешь с Марио, верно?»

«Думаю, да. Он, наверное, захочет провести Рождество здесь, если сможет, так что...»

«Это поможет».

«Да.» Он прислонился спиной к стене, подтянул ноги и вздохнул. «Ладно, честный вопрос. Я самый большой засранец, раз ухожу?»

«Подожди, почему?»

«Я имею в виду, как часто у твоего лучшего друга рождается первый ребенок?»

«Один раз? Если только все остальные его дети - не первые дети?»

Брови Бена взлетели вверх.

«Ладно, перестань быть болезненным. Первый ребенок жив и здоров. А тебе» - я тыкаю его в руку, - тебе нужно перестать перечитывать ту книгу для взрослых, где все умирают в конце».

Он поднимает ладони вверх. «Это хорошая книга».

«И ты не засранец», - добавляю я. «Ты не должен откладывать свою жизнь ради жизни Дилана».

«Да. Нет, ты права. Я веду себя странно». Он смотрит на свои колени, не моргая.

«Давай я возьму твой подарок», - говорю я, когда молчание становится слишком невыносимым. Я достаю свою сумку.

«Тебе действительно не нужно было ничего мне дарить».

«Он маленький. Вот увидишь». Я копаюсь в сумке с минуту, умудряясь вытащить конверт из папки, даже не расстегнув застежку. Это обычный белый конверт делового размера,

запечатанный и, к счастью, сухой.

«Мне открыть его сейчас?»

Я киваю, и он осторожно вскрывает его, показывая крошечную полноцветную фотографию на картоне. Вдоль боковой стороны, стилизованной под билет, расположены слова: Play It Again: Dress Rehearsal, Admit One. «О, потрясающе!» говорит Бен.

«Переверни это».

Он поднимает его, глаза расширяются, когда он читает написанные от руки слова вслух.

«Бен, надеюсь увидеть тебя в четверг! Твоя, Эм Кестер». «Бен поворачивается ко мне, озираясь.

«ЧТО?»

«Сюрприз!»

«Артур! Черт. Это невероятно». Он перевернул его обратно, чтобы изучить билет.

«Я... вау. Я даже не знал, что они делают билеты для генеральной репетиции».

«Не делают. То есть делают, но только на последнюю генеральную репетицию, а ты к тому времени ты уже уедешь. Но Джейкоб сказал, что ты можешь прийти на эту. И я приготовил билет, чтобы Эммету было что подписать». Я делаю паузу, сердце колотится. «Если ты захочешь прийти, я уверен, что смогу познакомить тебя с Эм после».

«О.» Бен несколько раз быстро моргнул. «Вау».

«Никакого давления», - быстро говорю я. «Я знаю, что у тебя сейчас много дел, с упаковкой и свадьбой, и, кроме того, ты не должен решать сейчас. Или вообще. Просто. Если ты хочешь, ты можешь».

«Я имею в виду, это звучит потрясающе. Мне нужно понять, что у меня будет на этой неделю...»

Мои щеки пылают жаром. «Серьезно, даже не беспокойся об этом».

«Это такой удивительный подарок. Просто. Спасибо.»

«Без проблем!» говорю я, тут же смущаясь. «Вау, я не просто так это сказал. Что бы ты ни подумал, что услышал...»

Он смеется. «Я буду скучать по тебе».

«Я тоже». Я выдыхаю. «Это так нелепо, потому что я даже не живу здесь. В буквальном смысле, какая разница, верно?»

«Нет, я понимаю», - говорит он, и мои глаза начинают слезиться.

Я резко встаю. «В любом случае, я дам тебе закончить собирать вещи».

«Не надо! Тусуйся сколько хочешь».

Я смотрю на его лицо, пытаюсь запомнить все его детали. Я знаю, что увижу его снова на свадьбе, а может, и на спектакле. Но лицо Бена всегда выглядело немного когда мы оставались вдвоем. «Я должен... скоро увидимся».

Он вскакивает и обнимает меня. «Хорошо. Спасибо тебе большое. За то, что просто... да».

Я киваю ему в плечо, едва способный говорить.

Дверь захлопывается за мной, и я с трудом перевожу дыхание в течение минуты. Я не знаю, чего я вообще ожидал. Большого поцелуя? Жгучего отказа? Это что имеет смысл в кино, но рассыпается в прах в реальности, когда это Бен, когда крыша его спальни завалена коробками с вещами. Когда он говорит мне оставаться здесь столько, сколько я хочу, но не умоляет меня остаться.

Интересно, сколько любовных историй заканчиваются вот так - неопределенно долгими объятиями и миллионом вещей, оставшихся недосказанными.

Я дохожу до лестницы и смотрю вниз, словно заглядывая в окно. Мой телефон несколько раз пикает в кармане, и я достаю его, чтобы обнаружить целую длинную цепочку сообщений от Бена. Первое - просто слово: «Я...».

За ним следует серия скриншотов, каждый из которых все ближе и ближе к Эмметта, написанное от руки «Твое».

Твоя. У меня перехватывает дыхание.

Он снова пишет сообщение. ЭМ МОЙ???

Его. Эммета. Не моя. Никогда. Если только...

Я едва осознаю, как мои ноги возвращают меня в коридор, едва слышу как костяшки моих пальцев ударяются о дерево двери Бена. Бен открывает ее, улыбаясь. «Что ты забыл?»

Я прохожу мимо него в квартиру. «Ладно, послушай», - говорю я. «Я не пытаюсь и не хочу портить тебе жизнь. Я даже не знаю, как это произойдет, потому что я не могу... не могу представить, что скажу тебе это, но также не могу представить, как выйду за дверь, не сказав этого». Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, и мои губы дрожат. «Бен, мне чертовски жаль».

Он смеется, выглядя ошеломленным. «Почему?»

Я начинаю закрывать лицо руками, но останавливаю себя, зажав их под подбородок. «Я ничего не понимаю».

«Буквально ничего».

Я смеюсь, немного задыхаясь. «Точно. Я просто должна трахаться. У них это выглядит так

легко, а я...» Я поднимаю руки вверх, и они дрожат.

«Ладно, ты меня немного пугаешь».

«Я все еще люблю тебя», - пролепетала я.

Губы Бена раскрываются. «О...»

«И я знаю, что не должен был этого делать, и обещаю, что не буду стоять здесь, ждать, пока ты скажешь мне это в ответ. Я знаю, что этого... не произойдет, но это так». Я пытаюсь улыбнуться. «И я хочу, чтобы ты знал, что я счастлив за тебя и Марио». Я останавливаюсь. «То есть. Вроде того». Я снова останавливаюсь. «Ладно, знаешь что? Нахуй это. Я не буду».

Бен испускает быстрый удивленный смех.

«Слушай, я хочу, чтобы ты был счастлив. Но не с ним, потому что он... в смысле, он замечательный». По моей щеке скатывается слеза. «На самом деле он мне очень нравится. Но я хочу, чтобы ты был со мной». Я прижимаю руки к груди, к бьющемуся сердцу.

«А он - не я».

«Артур...»

«Подожди, дай мне сказать остальное очень быстро, прежде чем я... просто. Мне просто нужно сказать это, хорошо? Я не хочу проснуться через два года и сказать следующему парню, что я не люблю его. Потому что он - не ты. И я знаю, что именно сейчас я должен перечислить все эти странные причины, например, о, мне нравится, как ты, блядь, напряженно относишься к видеоиграм...»

«Дело не в играх», - говорит Бен. «Мне просто не нравится...»

«Проигрывать. Я знаю». Я издаю придушенный, надрывный смех. «Я просто... я так *плох* в этом. Как это я так плохо справляюсь? Знаешь, что я делала прошлой ночью? Я посмотрел все признания в любви, и каждая из них напомнил мне о тебе. Все. *Ноттинг Хилл. Безумно богатые азиаты. Десять вещей, которые я ненавижу в тебе*... Бен, я плакал, когда смотрел конец сиквела «*Будки для поцелуев*», потому что для меня это всегда ты. Ты - смысл каждой истории».

По щеке Бена скатилась слеза, и он смахнул ее рукой.

«И я хочу сказать тебе, что это нормально, что ты уходишь и что я тебя переживу, я уверен, что это так, и я уверен, что так и будет. Но сейчас?» Я на мгновение закрыл глаза. «Я даже не знаю, как это - забыть тебя. Я даже не могу себе этого представить. -Боже, я не должен говорить тебе это. Это нечестно по отношению к тебе». Я вытираю глаза. «Я знаю, что это не так».

«Это не так, Арт. Ты - нет».

«Знаешь что? Я пойду», - я делаю неопределенный жест в сторону двери, - » чтобы тебе не пришлось придумывать, что и как сказать. Просто знай - я все понимаю. Понимаю, и я найду способ не быть влюбленным в тебя. В конце концов. Так что...» Я стреляю ему слабую улыбку. «Думаю, увидимся на свадьбе. Пока, Бен».

Я делаю дрожащий, глубокий вдох, а затем выхожу за дверь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

БЕН

Среда, 8 июля

Что я должен был сказать, когда Артур признался, что любит меня?

Все еще любит меня?

Я потерял дар речи со вчерашнего вечера. Когда он ушел, я просто стоял в подъезде, уставившись на дверь, которую он только что закрыл. Думала о двери, которую он только что открыл. Я не мог понять, что это такое, и до сих пор не могу. Просто не верится, что он произнес эти слова вслух. Мне. Я был так уверен, что он будет в Бостоне к концу недели, умоляя Майки о повторении. Как в прошлый раз.

Но теперь он говорит, что не забыл меня. Он даже не может представить, что может забыть меня.

И я позволил ему уйти.

Я должен был погнаться за ним.

Нет, я не должен был.

Есть время для признаний в большой любви, и это время не перед тем, как я собираюсь уехать в Лос-Анджелес с человеком, который мне очень, очень нравится. Я не просил Артура влетел ко мне, как будто это последний акт в каком-то бродвейском шоу. Я не персонаж. Я реальный человек, чье сердце он растоптал, когда снова сошелся с Майки.

Я никогда не рассказывала Артуру, как нашла автобус «Грейхаунд» до Нью-Хейвена за 15 долларов. Я собиралась попытаться сделать ему сюрприз. Я впервые уезжал из Нью-Йорка. Я не могла перестать представлять себе, как засветится его лицо, когда я переступлю порог в поезд, представлял, каково это - снова поцеловать его. Я был так уверен, что вот-вот все встанет на свои места.

А потом он позвонил мне из аэропорта за день до Нового года. Как будто кто-то повернул ручку и сделал весь мир тусклее. Как будто мое сердце раскололось прямо посередине. Я никогда не чувствовал такой боли в сердце даже когда смотрел, как Артур уходит с поста в свой последний день в Нью-Йорке. Весь январь я провел в черной дыре. Не думаю, что

Артур знает об этом.

Дело в том, что Марио - единственная вещь, которая помогла мне почувствовать себя почти нормальной за последние месяцев.

А теперь все, о чем я могу думать, - это Артур с руками, прижатыми к груди. *Потому что для меня это всегда ты. Ты - смысл каждой истории.*

Я набрасываю тексты в голову, но потом трижды обдумываю каждое слово, прежде чем отправить их. Зная Артура, он умирает от желания получить от меня весточку. Но если я не протягиваю руку помощи, чтобы сказать, что *тоже люблю тебя*, то какой в этом смысл?

Мне нужно время, чтобы разобраться в своих чувствах.

В дверь моей спальни стучат.

«Entra, por favor», - говорю я.

Родители заходят в мою спальню. У мамы тарелка с крекерами, намазанными арахисовым маслом. Папа оглядывает все коробки, и я клянусь, он сдерживает слезы.

«Aquí estás», - говорит мама, протягивая мне закуски.

«Спасибо».

У меня почти нет аппетита, даже после пропущенного завтрака. Я просто хочу упаковать себя в коробку и спрятаться в темноте.

«Еще не поздно передумать», - говорит Па.

Я поднимаю на него глаза. «О чем?»

«О переезде?» говорит Па. «Мы еще не сдали твою комнату».

«О. Точно».

Ма садится на крышу рядом со мной. «Я не буду спрашивать, все ли у тебя в порядке, потому что знаю, что нет». Она расчесывает мои волосы. «Расскажи нам, mijo».

Я даже не отрицаю, что со мной не все в порядке. Я просто избегаю смотреть ей в глаза, потому что чувствую, что могу сломаться, а я стараюсь быть сильнее этого. Я окружен коробками, потому что я должен быть... нет, *я уезжаю* в Лос-Анджелес. Дела с Марио, а признание Артура затягивает меня, и я не могу двинуться вперед. Это несправедливо. Не после того, как он успел завести еще одни прежде чем он понял, что хочет быть со мной.

Па присоединяется к нам на крыльце. «Мы всегда будем рядом с тобой, Бенито, даже когда тебя не будет с нами. Вот только ты будешь на три часа позже нас в Калифорнии, так что не звони нам после девяти вечера, потому что мы с мамой уже будем спать». Он хлопывает

меня по спине. «Поговори с нами, пока мы здесь все вместе».

В последнее время я так часто жалею о том, что не могу остаться с ними наедине. Все изменится, когда я не смогу выйти из своей спальни и застаю их на диване.

«Итак...» Я делаю глубокий вдох. «Вчера вечером Артур сказал, что все еще любит меня».

Мои родители обмениваются взглядами. Как будто пытаются понять, кто ответит первым. Потом я думаю, что это нечто большее. Это напоминает мне о том, как пару лет назад я пришел домой с новостью, что мне придется пойти в летнюю школу. Они знали, что мои оценки ухудшились. Они не были удивлены. И я не думаю, что они удивлены сейчас.

«Как ты себя чувствуешь?» спрашивает мама.

«Как будто я не знаю, что делать».

«Я не спрашиваю, что ты планируешь делать, я спрашиваю, что ты чувствуешь».

«Не бывает неправильных ответов», - говорит Па.

«И легких тоже не бывает», - говорю я. «Я так долго хотел, чтобы Артур сказал все, что он сказал, и я корил себя за то, что не сказал этого, когда у меня был шанс. Но мне казалось, что между нами никогда не будет смысла, и все еще и сейчас не имеет смысла. А может, и есть? Я явно готов переехать. Но тогда я испорчу жизнь Марио, который не сделал ничего плохого. Все было бы проще, если бы один из них поступил как Хадсон и изменил мне. Но они этого не сделали. И они оба замечательные».

Кто-то пострадает.

«Опять, Бенито, ты не отвечаешь на вопрос. Что ты чувствуешь?»

Не знаю, почему ма так одержима желанием получить от меня этот ответ.

«Я боюсь, что буду жалеть о том, что не воспользовался шансом все исправить с Артуром. И я ужасно боюсь, что если ничего не получится, то я потеряю единственного человека, который хочет быть со мной».

«Не волнуйся об этом», - говорит Па. «Есть еще Дилан».

«Очень верно», - говорит Ма. «Нет клятвы, достаточно сильной, чтобы держать его подальше от тебя».

Я одариваю родителей крошечной улыбкой за то, что они пытаются подбодрить меня. Ма берет меня за руку. «У тебя есть два замечательных молодых человека, которым повезло быть с тобой, и в мире есть еще много тех, кто был бы счастлив иметь шанс быть с тобой. Сейчас ты сам должен понять, какой риск сделает твое сердце самым счастливым. Не стоит торопиться с решением».

«Хотя у тебя нет вечности, чтобы сделать выбор», - говорит Па. «Скоро будет грузовик для переезда. И как только я помогу тебе погрузить вещи, моя работа будет закончена».

«Никакого давления».

«Давление есть, - говорит Па, удивляя меня. Большинство родителей солгали бы.

«Это часть взросления. Ты не всегда сможешь угодить и защищать всех, кого любишь.

Лучшее, что ты можешь сделать, когда жизнь трудна, - это постараться изо всех сил». Он целует меня в макушку и встает. «Я верю в тебя».

«Я тоже», - говорит Ма, беря Па за руку, пока он помогает ей подняться.

«Подождите. Может, вы скажете мне, в какой вы команде? Артур или Марио?»

«Мы всегда в твоей команде», - говорит Ма, закрывая за ними дверь моей спальни за ними.

«Не поможет!» кричу я.

Это очень мило, но я хочу, чтобы кто-то облегчил мне задачу.

Я хватаю телефон и звоню Дилану. Я пыталась обдумать прежде, чем рассказать ему обо всем, потому что он задаст кучу вопросов. Надеюсь, он поможет мне ответить и на них.

Он отправляет мой звонок на голосовую почту и отвечает на него сообщением. В здании суда.

Почему? Я пишу.

Подаю в суд на Саманту за то, что она сообщила Патрику новости раньше, чем я успел сказать тебе.

Перевод?

Бумажная работа. Брак - это скучно!

Хаха. Ну, повеселись с этим. Позвони мне позже.

Ставлю свою милую задницу, что позвоню.

Я похлопываю себя по спине за рост характера. Вместо того, что Дилан живет своей жизнью, я уважаю его. Он не призрачный и не ведет себя странно. Его приоритеты изменились, и это часть взросления. Мой лучший друг больше не может быть рядом двадцать четыре часа в сутки. Но я верю, что когда мы встретимся, он будет нерадивым и раздражительным в течение часа, а потом выдаст что-нибудь мудрое, прежде чем снова заговорит о моей милой заднице.

Слишком странно вспоминать признание Артура Марио. Я расскажу, но не сейчас. Я

прокручиваю контакты в телефоне, надеясь, что кто-нибудь поможет мне разобраться во всем этом. мне разобраться во всем этом. Все меняется, и я не хочу ни о чем сожаления.

Я останавливаюсь на чем-то имени.

Это кажется безумием, но.

Я собираюсь спросить совета о любви у своего первого бывшего парня.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

АРТУР

Четверг, 9 июля

Прошло тридцать девять часов после моего дерьмового признания в любви, а от Бена не было ни слова. Это совершенно нормально и не вызывает паники, если не считать кроме того факта, что я проверяю телефон каждые десять секунд уже два дня подряд, потому что, очевидно, мой мозг думает, что Бен может прийти с сообщением *я люблю тебя* в девять тридцать утра в четверг.

«Знаешь что?» Джейкоб осматривает сцену, задумчиво подперев подбородок рукой. «Может быть, нам лучше изобразить Эдди в этом монологе?»

На лице Амелии медленно загорается свет.

«Хорошо, отлично». Он делает паузу. «Эй, можно мне сделать несколько быстрых снимков из задней части дома? Я хочу посмотреть, как это читается».

«Уже делаю». Тадж похлопывает меня по плечу, и мы оба встаем.

Джейкоб не стесняется менять освещение в последнюю минуту. Я делаю несколько фотографий и почти забываю отправить их Джейкобу, потому что слишком занят проверкой настройки своего телефона. Просто чтобы убедиться, что я случайно не включил режим «Не беспокоить». Мне бы очень хотелось, чтобы меня побеспокоил Бен Алехо. Это действительно невыносимое молчание - даже прямой отказ был бы лучше. Мне просто хочется, чтобы он *что-нибудь* сказал. Хотя, может быть, молчание и есть то самое, что еще оно может означать, кроме того, что Бен не любит меня? Это не заявление о приеме на работу. Он не обзванивает мои рекомендации и не взвешивает все мои «за» и «против». Любить кого-то - это не осознанное решение. Это просто так. Ты просто любишь.

Или, как в случае с Беном, не любишь.

Все, что я могу сделать, - это пережить свой самый длинный рабочий день. Даже если все пройдет вовремя, генеральная репетиция закончится не раньше восьми тридцати вечера. Из-за сбоя в расписании, нам придется сразу же после этого убрать декорации и привезти все в студию на неделю. Это заставляет меня задуматься, почему Джейкоб вообще затеял генеральную репетицию. Столько труда и заботы вложено в это дело, которое закончится почти так же быстро, как и начнется.

Я снова проверяю свои сообщения. Ничего.

Уверен, что кому-то пора забрать у меня этот телефон и похоронить его. Давно пора. Почти

уверен, что самое время было, когда мама прислала мне фотографию нового щенка моей тети сегодня утром, и я заплакал, потому что, очевидно. Я достиг стадии разбитого сердца, «пошел ты, щенок, ты не Бен». Сорок часов, и я считаю. Кажется, я схожу с ума. Неужели мое большое признание из романтической комедии все-таки произошло? Оно мне приснилось? Бен пытается заставить *думать* меня что мне это приснилось? Он просто никогда не упомянет об этом, не так ли? Это вообще разрешено? Кто бы мог *так* поступить?

Что-то останавливается в моем мозгу.

Я. Я бы сделал это. Собственно, именно это я, блядь, и сделал.

Три недели. Я три недели не давал Майки ответа, а когда я все-таки дал ответ, я был просто мудаком. А потом он сел на поезд до Нью-Йорка, взял микрофон и поставил свое сердце на кон перед полным залом незнакомцев. И тогда я быстро растоптал его и ни разу не оглянулся назад.

«Итак, дайте мне знать», - ярко говорит Тадж.

Я поднимаю глаза. «Прости... что?»

«Старбакс»? Выглядишь так, будто тебе это не мешает. Мокко фраппе с дополнительными взбитыми сливками, верно? Какой размер?»

«Высокий, наверное?»

«Давай возьмем venti», - говорит он. «На случай, если Джейкоб решит изменить все звуковые сигналы».

«О Боже. Почему?»

«Потому что он Джейкоб?» Тадж пожимает плечами. «Ты привыкнешь к этому. Поверь мне, к следующему лету ты будешь предугадывать каждый его шаг».

«Следующим летом?»

«Он уже подал заявку на грант, чтобы мы могли платить тебе как следует», - говорит Тадж.

«Если ты, конечно, согласен».

У меня открывается рот. «Как бы продолжение?»

«Скорее, как заслуженный выход на бис», - говорит Тадж, взъерошивая мои волосы.

Сорок один час. Я снова смотрю на приложение с текстом, но теперь это имя Майки на котором я застрял. Последние дюжины сообщений в нашей теме выделены синим цветом. Все от меня.

Я не могу его винить.

Головой я всегда понимал, что Майки - тот, кто упал сильнее, но я не уверен, что полностью верил в это. Просто это казалось немного нелепым, что я могу кому-то так нравиться. Я не оставляю такого следа. Или я так не думал, что оставляю.

Я должен позвонить ему.

Или нет. Определенно нет. Я не хочу ставить Майки в затруднительное положение. Лучше написать сообщение. Тогда он сможет не торопиться, ответить смайликами или еще чем-нибудь. Может, он даже не ответит.

Я пялюсь на пустое текстовое поле целую гребаную минуту.

Эй, - пишу я.

Немедленного ответа нет, но это не страшно.

Я продолжаю. Я знаю, что ты, вероятно, занят свадьбой Робби, так что нет необходимости отвечать на это сразу.

Или вообще

Серьезно, никакого давления.

Я просто хочу еще раз сказать, что мне чертовски жаль. Чем больше я думаю о том, как я обращался с тобой, тем больше ужасаюсь.

И как будто

Ты был так честен со мной, и я не могу представить, каково это, когда я оставил тебя в подвешенном состоянии. Я бы хотел быть смелее и более осозанным.

Хотел бы я лучше заботиться о твоём прекрасном сердце.

Мне так жаль, Майки Маус.

Я нажимаю «Отправить», и как только я выхожу из текста, появляется уведомление из моего фотоприложения.

9 июля. Два года назад, сегодня.

Небоскребы, снятые с такого низкого ракурса, что кажется, они падают. На заднем плане яркость, проглядывающая сквозь фон. Я помню этот момент так отчетливо. Я практически чувствую солнце на своих щеках.

Артур, сделавший этот снимок, не знал, что находится на пути к почте. Он не знал, что через

несколько минут встретит мальчика с коробкой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

БЕН

Четверг, 9 июля

Я не был у Хадсона почти полтора года.

Я звоню в домофон и все еще удивляюсь, что он меня впускает.

Вестибюль почти не изменился. Пакеты оставляют перед почтовым ящиком, заляпанное зеркал, лифт сохранил свой лимонный запах. Тусклый коридор ведущий к его квартире, всегда пахнет так, будто кто-то готовит ужин, независимо от времени суток, но для такого раннего вечера - самое то. Я звоню в дверь, которая звучит все так же громко, как и всегда.

Мое сердце колотится, когда дверь отпирается и открывается. Хадсон первый раз в очках.

Они ему очень идут.

«Привет, Бен».

«Привет».

Хадсон приглашает меня внутрь, но не раскрывает руки для объятий. Теперь мне невероятно неуютно в этом помещении, которое раньше казалось мне вторым домом. Но он не обязан оказывать мне теплый прием, особенно когда знает, почему я здесь. Я благодарен ему за то, что он не настолько холоден, чтобы не захотеть говорить о моей личной жизни. Особенно если учесть, что мы не виделись с прошлой весны, когда я в последнюю минуту сбежал из боулинга на день рождения Гарриетт.

Он начинает идти в свою комнату, и я даже не уверен, хочет ли он, чтобы я шел за ним. Но он отодвигает стул у стола, а потом садится на кровать. Это настолько хорошее приглашение, какое я только могу получить.

«Как дела?» спрашиваю я.

«Дела есть дела», - отвечает Хадсон.

Мне начинает казаться, что я приехал сюда зря. «Может, мне просто уйти?»

«Делай, что хочешь», - говорит Хадсон. «Или не хочешь».

«Значит, ты все еще расстроен из-за дня рождения Гарриетт», - говорю я.

«Ты имеешь в виду, когда ты отвернулся от нас, когда мы пытались наладить с тобой отношения?»

«Я бы не сказал, что кто-то из вас особенно старался».

Хадсон скрещивает руки, явно немного защищаясь. Но мы не должны были касаться всего этого. Я приехал сюда по своим делам, а он раздул из мухи слона о прошлом, как будто мои преступления больше, чем его. Это он изменил мне. И это он до сих пор счастлив в новых отношениях, в то время как моя личная жизнь - это крушение поезда.

«Значит, Артур все еще любит тебя», - говорит Хадсон.

«Очевидно».

«И ты понятия не имел?»

«Не совсем. Артур и Майки казались идеальными друг для друга».

«В каком смысле?»

«Они помешаны на Бродвее...»

«Если тебе нравится одно и то же, это не значит, что кто-то идеально подходит тебе. Это значит, что вам нравится то же самое, и это делает вас хорошей компанией». Атмосфера Хадсона вполне приятная. «Ты упомянул, что подумываешь переехать в Лос-Анджелес со своим парнем».

«Марио не мой парень».

«Он не твой парень». Это даже не вопрос. Хадсон констатирует факт, и от этого становится еще больнее. «Теперь ты понимаешь, что в этом плохого». Опять же, не вопрос.

Я делаю глубокий вдох. «Мы хотим попробовать».

«Мне кажется, Дилан вбил тебе в голову, что все в нашем возрасте должны иметь какую-то крутую историю любви».

«Ну, Дилан и Саманта женятся и у них будет ребенок».

Хадсон смеется.

«Я не шучу».

«Я знаю», - говорит Хадсон. «Это так нелепо. Дилан действительно втянул бедную девушку в свое безумие».

«Они действительно счастливы. Для них это реальность. Так же, как и для его родителей».

«Нет никакой гарантии, что они станут такими же, как его родители».

«Он не хочет быть похожим на своих родителей. Он хочет быть с Самантой».

«Бен, ты говоришь так, будто у тебя уже есть ответы. Если хочешь рискнуть, переезжай в Калифорнию со своим *приятелем* и докажи, что я ошибаюсь. Если ты хочешь быть с Артуром, будь с Артуром».

Это не то, чего я хотел. Я хотел немного зрелости. Хадсон взял на себя часть ответственности, но ему также могло быть наплевать, уеду я из Нью-Йорка или останусь.

«Хадсон, ты единственный человек, с которым я встречался. Ты был моей первой любовью, и для меня это была настоящая любовь. Я не знаю, как это было для тебя, но мне было так больно. Но я смог жить дальше, и ты тоже. Это здорово - я не пытаюсь общаться с тобой и Рафаэлем, но вы мне не мешаете.

«Потому что теперь у тебя есть выбор?»

«Потому что я хочу, чтобы все было по-настоящему».

Я встаю, не находя в этом ничего полезного.

«Бен, для меня тоже все было по-настоящему», - говорит Хадсон. «Но это не мешает мне любить кого-то еще, или даже радоваться кому-то еще, но это было по-настоящему. Я до сих пор чувствую себя очень паршиво из-за того, как все закончилось. Измена тебе была худшим поступком что я когда-либо делал. Я просто сделал плохой гребаный выбор, и я всегда об этом жалел. Но теперь мне придется с этим жить».

«Именно этого я и боюсь. Что, если я сделаю неправильный выбор? Я не хочу жить с сожалениями».

«Но это не одно и то же», - говорит он. «Это не то же самое, что изменять или не изменять. Здесь нет объективно плохого выбора. Ты просто должен понять чего ты на самом деле хочешь».

«Я просто не хочу никому сделать больно».

Хадсон смеется, покачивая головой. «Но ты причинишь кому-то боль! Иногда так бывает, и это отстойно, но какая альтернатива? Никогда не делать настоящий выбор? Полностью закрыться в себе? Ты должен быть честен, по крайней мере хотя бы с самим собой. Бен, я научился этому у тебя. Будь честным! Либо скажи Артуру, что ты чувствуешь или скажи Марио, чтобы он жил дальше без тебя». Он встает и идет ко мне, и я думаю, что он вот-вот обнимет меня. Но вместо этого он берет меня за руку и смотрит мне в глаза. «Ты писатель, Бен. Если бы ты мог написать свою идеальную концовку, какой бы она была?»

Кому-то разобьют сердце.

Мне действительно потребовалось услышать это от моего бывшего парня-изменщика, чтобы это сообщение дошло до сознания.

Неважно, сколько раз я подвергал Бенджамина и его команду испытаниям, боль, которую я собираюсь причинить сегодня вечером, намного сильнее, чем любое семиглавое чудовище или волшебный пожар. Это будет по-настоящему.

Я всегда ненавидел любовный треугольник - возможно, потому что всегда считал себя человеком, которого не выберут. Теперь я - человек, у которого есть выбор. Два невероятных выбора. Честно говоря, я испытываю искушение не выбрать ни одного из них, чтобы мы все вместе были одиноки и несчастны. Но тогда три сердца будут разбиты просто так. По-моему, это плохая математика.

Я еду в поезде, в одной остановке от дома Марио. Всю поездку я провел разглядывая футболку *LA Wizard*, которую он мне сшил, и бутлег-билет Артура на сегодняшнюю генеральную репетицию *Play It Again*. Эти маленькие подарки - личное напоминание о том, как сильно эти ребята хотят видеть меня в своей жизни. В это трудно поверить, но я должен продемонстрировать рост характера. Вот что я готов сделать, когда сел в поезд.

Я не спеша добираюсь до дома Марио. Я пишу ему сообщение, чтобы он вышел, потому что я не готов сделать это на глазах у его семьи.

Мое сердце колотится, как будто все шло к этому моменту.

Входная дверь открывается, и Марио спускается по ступенькам в одной лишь комбинезоне. Ни нижней рубашки, ни носков. Один ремень свисает вниз, демонстрируя голую грудь. Марио, кажется, ничуть не обеспокоен тем, что здесь прохладно. Он только смотрит на меня своими карими глазами и дарит мне мятный поцелуй. И я прижимаю наши губы друг к другу, проводя руками по его рукам.

Я разрываю поцелуй и делаю глубокий вдох. «Привет».

«Не мог остаться в стороне, Алехо?»

«Видимо, нет...»

Марио хватается меня за руку. «Ну, почему мы здесь? Пойдем.»

«На самом деле я не могу задержаться. Мне нужно идти к Артуру».

«О, точно! Его шоу. Я так рад за него. А ты не опоздаешь?»

«История моей жизни». Я сжимаю его руку, боясь отпустить. «Я должен признаться тебе кое в чем». Я делаю глубокий вдох. «Артур влюблен в меня. На самом деле он никогда не переставал любить меня».

Наступает тишина. Как будто он уже предвкушал этот разговор.

«Так вот почему он расстался с Майки». Марио потирает лоб. «Когда он тебе все это

рассказал?»

«Пару дней назад».

Потом он замолчал. Не слышно ничего, кроме звуков проезжающих машин и смеха, доносящегося изнутри дома.

Марио садится на ступеньки. «Я так понимаю, он не хочет, чтобы ты ехал в Лос-Анджелес».

«Он понимает, почему я хочу поехать. Но когда я читаю между строк он не хочет, чтобы я переезжал. Что все равно не имеет смысла, ведь он даже не живет здесь».

Марио смотрит мне в глаза. «Может быть, есть еще одна причина, почему это не имеет смысла...в виде меня».

Я сажусь рядом с ним. «Конечно, ты - главная причина, почему это не имеет смысла. Все остальное с Артуром можно решить, если я этого захочу. Но даже несмотря на все, что нас с тобой объединяет, есть что-то такое чего у меня не было, когда я встречался с Артуром».

«Стал лучше понимать испанский?»

«Ладно, две вещи», - говорю я. «Другая вещь - это сомнения, Марио. Я не знаю, что ждет нас с Артуром в будущем. Я просто знаю, что когда я был с ним, я знал, что он хочет быть со мной. Я не могу сказать того же о тебе».

Он кивает. Налетает еще один ветерок, и он потирает руки, чтобы согреться. Мне хочется прижаться к нему, но сейчас неподходящее время. Возможно, для нас никогда не будет подходящего времени.

«Ты заслуживаешь знать, что кто-то чувствует к тебе», - говорит Марио. Его взгляд такой пристальный, что я почти отворачиваюсь. Я чувствую, как сильно я ему небезразлична. «Но вы уже попробовали. Почему ты думаешь, что теперь все будет по-другому?»

«Может, и не будет. Может не получиться. Но ты настолько особенный для меня что я не хочу причинять тебе больше боли, чем уже причинил. И правда в том, что, после разрыва я потратил столько времени на то, чтобы забыть Артура. Я практически каждый день лгу себе о том, что мне все равно, с кем он встречается, а на самом деле меня это ломает. Это нечестно - уехать и начать жизнь с тобой, когда я все еще испытываю к нему огромные чувства».

«Ты все еще любишь его? Неважно. *Не отвечай.* Мне не нужно знать». Марио поднимает глаза к небу, глядя на удаляющийся солнечный свет. «Я действительно думаю, мы могли бы стать чем-то замечательным, Алехо. Надеюсь, я смогу быть счастливым за тебя однажды. Но это не сегодня».

«Ты никогда не должен быть счастлив за меня, Марио».

«Я знаю. Но я хочу».

Мы сидим вместе в тишине, и когда Марио вздрагивает, я протягиваю ему футболку *LA Wizard*.

«Вот. Сейчас для тебя это имеет больше смысла. Тем более что ты собираешься творить невероятное волшебство в Лос-Анджелесе».

Я действительно в это верю. Однажды я увижу рекламный щит телевизионного шоу где Марио будет указан как сценарист. И я буду фотографировать его как гордый друг, даже если к тому времени мы потеряем связь.

Марио смотрит на футболку, но не надевает ее. «Я собираюсь пойти туда, Бен».

Не использовать больше мою фамилию - это как будто сразу понизить уровень где мы были в романтическом плане. Это странно, но для нас это правильно.

«Можно тебя обнять?» спрашиваю я.

«Лучше тебе».

Он обнимает меня, и я упираюсь подбородком в его плечо.

«Спасибо за все хорошее и lo siento за все плохое».

«Не за что. За все хорошее и за все плохое».

Он сдерживает крик и отпускает меня, поворачиваясь так быстро, что я даже не успеваю увидеть его лицо в последний раз. А потом он возвращается в свой дом, быстро, как по волшебству.

Я стою на месте, чувствуя себя слишком тяжелым, чтобы двигаться. Неважно, что бы ни случилось с Артуром, я знаю, что сделал правильный выбор, покончив с Марио. Хадсон спрашивал меня об идеальном финале. Но я собираюсь сосредоточиться на начале.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

АРТУР

Четверг, 9 июля

Уверен, что в этот момент мой телефон просто издевается надо мной. Как будто моей зияющей пустоты не хватало переписки с Беном, теперь еще и радиомолчание от Майки. Интересно, сколько раз можно провести по экрану блокировки, прежде чем большой палец начнет покрываться мозолями.

Я должен полностью отказаться от сети. Я должен переехать в фермерский дом в постапокалиптической версии Нью-Гэмпшира, где почти все мертвы и нет ни сотовой связи, ни электричества, потому что, когда дело доходит до отсутствия текстовых сообщений? Оказывается, я полный ебанутый эксперт.

Но это круто. Я просто буду сидеть здесь и перечитывать каждую строчку этой программы, как будто я Баббе и ее друзья по школе приехали пораньше из Нью-Хейвена на воскресный утренник. Потому что сегодняшний вечер не имеет никакого отношения ни к моему телефону, ни к мальчикам, ни к их отсутствию. Дело в том, что я нахожусь здесь, в театре «Шумейкер Блэкбокс». Театр Шумейкер Блэкбокс, в одном ряду с моим любимым режиссером. Дело в том, что я вижу мою новую любимую пьесу в ее почти полной форме и знать, что я помог ей появиться на свет.

Джейкоб бормочет что-то в гарнитуру, от чего свет в зале мигает.

Затем: движение, мягкий толчок стула. Бен опускается на в кресло рядом со мной с поразительной беспечностью, как раз перед тем, как свет в доме выключается.

Я уверен, что мое сердце только что подскочило на целую октаву.

Я вглядываюсь в темноту, мой желудок завязывается узлом. Я вообще не сплю? Это происходит на самом деле? Бен бросает мне быструю косую улыбку, но это не страшно, потому что... кому вообще нужны легкие? Почему мы все так помешаны на дыхании?

Это совершенно сюрреалистично. Сам факт того, что он здесь. Знает ли он, что я бы пел «Дайену» из-за текстового сообщения? Одного GIF было бы достаточно.

Как я могу вести себя нормально, когда мое сердце выстукивает восьмые ноты?

Время продолжает мчаться вперед - каждый раз, когда я моргаю, проходит еще одна сцена. Акт первый, очевидно, длится десять секунд. Либо кто-то накручивает вселенной, либо в

моем мозгу произошло короткое замыкание.

Когда спектакль заканчивается, Эммет и Амелия вываливаются на сцену, как подростки. Я ошеломленно поворачиваюсь к Бену. «Тебе понравилось?»

«Конечно. Это было здорово». Он быстро кивает.

Я оглядываюсь на сцену, где Джейкоб и Майлз, менеджер сцены, уже пристроились рядом с Эмметом и Амелией. «Они просто дают актерам записки», - объясняю я. «Это не займет много времени, а потом я смогу представить тебя Эммету».

«Я здесь не для того, чтобы видеть Эммета». Голос Бена неожиданно напряжен. «Может мы можем куда-нибудь пойти? Хотя бы на секунду?»

«Да. Да. Конечно. Позволь мне просто... пойдём со мной».

Я веду его за кулисы, за черный занавес и за задней двери. *Будь крут, ладно, будь крут, будь крут, будь крут, будь крут. Но крутости нет. Ее не существует нет.* Не для меня.

Кажется, мой мозг наклонился в сторону. Я чувствую себя как небо перед рассветом, пауза между *двумя, одним и взлетом*. Я поднимаю на него глаза. «Это нормально? Ты в порядке?»

«Да. Я не знаю». Он выпускает слегка истерический смех.

«Бен, мне очень жаль. Я не должен был ничего говорить. Я тебя ни в чем не виню. Ты ведь знаешь это, правда? Даже близко нет. Ты такой... Боже, я не могу поверить, что ты пришел на шоу. Я так рад, что могу быть твоим другом. Это не...»

«Ты действительно никогда не пересташь говорить, не так ли?» говорит Бен, улыбаясь так заманчиво, что у меня перехватывает дыхание.

«Никогда».

Он слегка смеется. «Ну что ж, моя очередь. Я просто... я не могу перестать думать о вторнике. Обо всем, что ты сказал Артур, я понятия не имел. Ни малейшего.»

«Я знаю. Я не должен был...»

«Нет». Бен укоризненно покачал головой. «Послушай. Как только ты ушел, я вернулся в свою комнату, и сидел там, смотрел на эти гребаные коробки и думал - *о Боже мой, Калифорния*. Как будто это должна быть большая кнопка перезагрузки, да? Я должен был начать всю свою жизнь заново, в двадцати пяти сотнях миль от всего и всех. Кроме тебя - Артур, ты как безбилетный пассажир в моей голове. Я не знаю, как не взять тебя с собой. Каждый раз, когда я думаю о чем-то странном, я думаю: *Артур бы это понял*. Ты понимаешь, что каждый раз, когда кто-либо улыбался мне за последние два года, я сравнивал это с твоей улыбкой? Вот *уже два года*. Как будто кто-то другой может выиграть эту игру». Он прижимает руку к лбу.

«И главное в том, чтобы быть писателем, - это не только рассказывать истории другим людям, верно? Это еще и то, что я рассказываю сам себе?». Все, что я могу сказать, чтобы заставить себя поверить в то, что я счастлив. Но мне надоело переписывать свои чувства, потому что боюсь снова пострадать. Все, что это сделает только разобьет мне сердце, когда я не получу свой идеальный конец. А идеальный конец моей истории - это ты».

«Ты...» Я прижимаю палец ко рту. «Я сейчас заплачу».

«Ты уже плачешь. Буквально сейчас». Он сдавленно смеется, берет меня за руки, чтобы притянуть ближе. Затем он прижимает свои губы к моему лбу, оставляя их там достаточно долго, чтобы превратить меня в жидкость. «Я люблю тебя. Те amo». Я не буду переезжать. Я покончил с Марио. Можно я тебя поцелую?» Его глаза влажные.

«Пожалуйста?»

Мои руки обхватывают его лицо еще до того, как он начинает говорить.

Мне казалось, что я помню это чувство, но, должно быть, я помню его сквозь стекло. Потому что я бы не пережил, если бы у меня не было этого. Бен обнимает меня и притягивает ближе, руки прижимаются к моей спине, и все, что я могу думать, - это *О. Точно. Это.*

Это. Как ему приходится наклоняться, чтобы поцеловать меня, как мне приходится наклонять голову вверх как будто я смотрю на звезды. Я провожу руками по его волосам, по всем этим прядям, которые я не встречал раньше. Два года стрижек, новые клетки кожи, новые веснушки. Столько обновлений, которые нужно скачать.

Он целует меня в висок. «Напомни мне, почему это заняло у нас так много времени».

«Потому что мы тупицы, которые не видят того, что находится прямо перед нами?»

Наши губы так близко, что я чувствую тепло его дыхания, когда он смеется.

«Это даже не похоже на реальность. Как будто я смотрю на себя в кино».

«Ты имеешь в виду *«Артур и Бен: перезагрузка»*? спрашиваю я. *«Месть Артура и Бена. Бен и Артур...»*

«Он действительно существует», - говорит Бен.

«Да, но как насчет *«Бен и Артур, всю ночь напролет»*?»

«Звучит как любительское порно...»

Я целую его снова, и он целует меня в ответ, и внезапно я не могу определить, чей язык где, чей рот что. Я отступаю назад, прислоняясь к задней стене здания и тяну его за собой, пока,

между нами, не остается свободного пространства. Его губы снова становятся моими, не пропуская ни одного удара, и я думаю: «*Да, вот так*».

«Я люблю тебя», - говорю я. «Я уже говорил это? Я тоже тебя люблю. Очень сильно люблю».

«*Te amo mucho*». Выражение его лица настолько искренне поражено, что я не успеваю опомниться.

«*Te amo mucho*», - говорю я, жалея, что до сих пор не знаю иврита, жалея, что не могу сказать это на всех языках мира. Слова так легко вырываются, когда речь идет о нем, как будто влюбленность в Бена - это часть моей жизни.

«Самое дикое, что ты *знал*», - внезапно говорит он. «С самого первого дня».

«Я знал, что мы будем целоваться за моим рабочим местом?»

«Ты знал, что Вселенная не сволочь».

«О, без шуток. Ты ведь знаешь, какой сегодня день?»

«Четверг? Июль...» Он останавливается. «*Ни хрена себе*.»

«День. Ты не можешь сказать мне, что это не вселенная».

«Чертова вселенная. Ого.» Он издает короткий, запыхавшийся смешок.

Я самодовольно улыбаюсь ему. «Полагаю, мы видели, что из этого вышло».

«У нас с самого начала была просто сногшибательная история любви». Он гладит меня по волосам, и я смеюсь, но в то же время у меня голова идет кругом.

А потом мы оба говорим одновременно.

«Ладно, знаешь что...»

«Ты хочешь, типа...» Он прерывает себя, хватая меня за руки, сцепляет наши вместе. «Ты первый».

«Нет, извини, не надо. Я просто хотел спросить, не хочешь ли ты куда-нибудь сходить.

Например. Не за театром». Я поднимаю на него глаза. «Что ты собирался сказать?»

«Буквально тоже самое». Он смеется. «Хочешь прийти? Моих родителей нет дома. Или, знаешь, им лучше быть. Если я скажу им, что привожу тебя домой, они наверняка уберутся для нас».

Нас. Я никогда, никогда не устану слышать это слово из уст Бена.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

БЕН

Четверг, 9 июля

Вселенная наконец-то подарила мне победу.

Победа.

Мы с Артуром, не теряя времени, добираемся до дома Алехо. Мы держимся за руки все время, даже в метро, несмотря на тот страшный эпизод два года назад. Если кто-то и бросает на нас грязные взгляды, мы никогда не узнаем, потому что наши глаза как будто мы не виделись с тех пор, как расстались. В этом есть доля правды. Впервые с тех пор, как мы попрощались, мы снова можем быть собой.

Эта история не была легкой.

Милая встреча на почте привела к тому, что мы стали искать друг друга.

Мы пытались сделать наши свидания идеальными, хотя идеальность - это миф.

Наше расставание должно было разлучить нас, но мы были практически неразлучны.

Мы добрались до дома Алехо, а моих родителей, к счастью, все еще нет дома. Я практически тащу Артура в свою спальню, как будто мы в моей книге и убегает от злых волшебников. Я натываюсь на коробки, опрокидывая их. Меня это не беспокоит, так как там только одежда, но я бы швырнул свой ноутбук через всю комнату если бы он стоял на нашем пути.

Я падаю обратно в постель первым, скидываю кроссовки и расстегиваю пуговицы на рубашке Артура пока он целует меня. С каждым прикосновением мы все ближе подходим друг к другу, мы оба опытнее, чем в прошлый раз, и, сами того не желая, мы выкладываем эти истории на простыни. Несмотря на то, что я так чертовски готов снова быть с ним обнаженным, я не тороплюсь раздевать его.

«Я так скучал по тебе», - шепчу я.

Он отвечает, что скучает по мне еще одним поцелуем.

Обнимая его, я чувствую себя как во сне. Но это реальность. Я держу его гладкие руки. Я чувствую его дыхание на своем лице. Его голубые глаза смотрят на меня. Его губы продолжают касаться моих, и я хочу, чтобы они остались.

Я ждал столько, сколько мог, когда потянулся за презервативом в ящике стола.

И когда мы принимаемся за дело, мне уже хочется делать это снова и снова.

Чем глубже я погружаюсь, тем ближе мы становимся.

С каждым поцелуем и каждым вздохом я все больше убеждаюсь, что Артур и я никогда не позволим ничему разлучить нас снова. Вы можете запустить нас на противоположные концы Солнечной системы, и мы вернемся друг к другу. Вселенная всегда хотела, чтобы мы были вместе.

Когда мы закончим, я хочу начать все сначала. Но я устал, а бедный Артур ужасно старается сдерживать зевок.

«Спи, Арт».

«Ты же не будешь в Лос-Анджелесе, когда я проснусь?»

«Я никуда не поеду без тебя».

«Это очень мило», - Артур снова зевает и теряет, - «мило».

«Куда бы ты ни пошел этим летом, туда пойду и я. Я надеюсь, что ты будешь следовать за мной тоже. Может быть, даже на свадьбу Дилана. В качестве моей пары».

Артур вскакивает, словно на него вылили ведро холодной воды.

«Я хочу, я пойду!»

Суббота, 11 июля

Мой лучший друг женится. И ему нужен дезодорант.

«Бенито Франклин, ты должен был принести дезодорант».

«Нет, не должен был».

«Как шафер, ты должен предугадывать все мои потребности».

«Ди, если ты достаточно взрослый, чтобы жениться, ты достаточно взрослый, чтобы упаковать дезодорант».

Мы пользуемся гостевой ванной комнатой в доме О'Мэлли, который находится в прекрасном Саннисайде, Квинс. Я боюсь, что мои штаны порвутся, пока я ищу дезодорант в каждом ящике. Возможно, это и к лучшему. Меня бы больше возмутило, если бы Дилан использовал чужой запах, а не свой собственный.

«Может, мне использовать зубную пасту?» спрашивает Дилан. Он стоит в одних боксерах.

«Ди, именно из-за таких мыслей я очень рад, что ты переезжаешь сюда, чтобы растить своего ребенка». Я иду в душ и беру мыло Дилана. «Вот. И не проси меня помочь тебе».

Дилан натирает мылом подмышки. «Худший шафер на свете». Он уже принял душ, но нервному поту на это наплевать. «Лучше?»

«Твой нос достает до твоей собственной подмышки».

«Второй удар, шафер. Еще один - и ты вылетишь со свадьбы».

«То есть, меня вышвырнут с территории или я смогу посидеть с Артуром во время церемонии?»

«Ты одержима своим будущим мужем».

«Не начинай», - говорю я, завязывая галстук, как учил меня Артур.

«Брак - это замечательная вещь, Бен. Тебе понравится».

«Ты еще не женат».

«У тебя еще есть время сделать свой шаг ко мне».

«Я не собираюсь быть домоседом из уважения к малышу Богтсу».

«Этот парень меня уже достал».

Мы заканчиваем одеваться, и я помогаю Дилану завязать галстук.

«Кролик Бенни?»

«Дилан Пикл?»

«Я очень рад за тебя».

«Заткнись. Это день твоей свадьбы. Я рад за тебя».

«Я знаю. Я люблю тебя и я в команде Артура. Заткнись!»

Я качаю головой. О браке я пока не думаю. Но когда этот день наступит, я знаю, в какой команде я буду. «Я счастлив, что вы с Самантой справляетесь я верю в вас, ребята, и мне так хочется пообщаться с твоим ребенком».

«Лучше сделай для них *«Злых волшебников-младших»*».

Мы заканчиваем собираться. Дилан выглядит так эффектно, что ему стоит подумать о карьере моделью. Его пучок удерживается желтой лентой с медальоном, которая дополняет его карманный платок. Черный костюм идеально сидит на нем.

«Эти брюки ничего не делают с моей задницей», - говорит Дилан.

Почти идеальная форма, я думаю.

«Ты готов к этому, Ди?»

«Готов уже много лет, Бен».

Он держит меня за руку, когда мы выходим из гостевой ванной, и ждет всего одну секунду, прежде чем броситься в перед, чтобы его родители увидели. Мистер и миссис Боггс, также известные как Дейл и Эвелин, на самом деле два самых нормальных человека в мире. Вы даже не можете выругаться в присутствии Эвелин, не заставив ее чувствовать себя неловко. А вот Дилан ведет себя так, будто мы только что занимались сексом в ванной. Его, наверное подменили при рождении. А это значит, что где-то в этом мире есть и негромкий Дилан не соответствует грубому юмору своих веселых родителей.

Но я все равно не променяю нашего Дилана ни на кого другого.

(В большинстве дней.)

«Ты выглядишь очень красиво, Дил», - говорит Эвелин, сдерживая слезы. «Ты тоже, Бен».

«Брюки скрывают мою задницу», - говорит Дилан, словно ожидая, что его мама это исправит.

«Мы очень гордимся тобой, сынок», - говорит Дейл, не обращая внимания на жалобу Дилана; у него за плечами целая жизнь практики. Он поправляет Дилану галстук.

Дилан обнимает родителей. «Спасибо, что показали, что я могу это сделать».

Его мама не выдерживает, размазывает тушь и спешит в ванную, чтобы привести себя в порядок. Его отец сжимает плечо Дилана, прежде чем последовать за своей школьной возлюбленной.

«Это было очень мило, Ди».

«Особый случай. Но это все!»

«Надеюсь, ты приберег несколько красивых слов для клятвы».

«Я собираюсь пойти туда с шаблоном «ты-беременна-поэтому-я-должен-жениться-на-тебе-сейчас».

Дилан оглядывается через плечо на боковую дверь. Очень скоро мы выйдем туда, где на заднем дворе ждут гости. Он снова вспотел, и я протираю ему лоб своим карманным платочком. Он радуется этому, как собака когда ему чешут за ушком.

«Спасибо, шафер».

Он обнимает меня. «Я люблю тебя, Ди.

«Мой Д тоже тебя любит», - говорит Дилан. «Я тоже».

Дверь в ванную открывается, и Эвелин снова плачет, видя, как мы обнимаемся. Эта свадьба надерёт ей задницу. Но вместо того, чтобы убежать, она достает телефон и фотографирует

нас; мне понадобится, чтобы она прислала мне это смс. Позже.

«Так мило», - говорит мама Саманты, Донна, когда она поворачивает за угол коридора. «За дверью меня ждут родные и друзья, а одна великолепная невеста готовая выйти за тебя замуж». Она называет себя свадебным директором, и я клянусь, что у нее есть клон, потому что, похоже, все идет идеально. Она уже полностью одета в кремовое платье со светло-розовым блейзером. Я даже не хочу знать, во сколько ей пришлось проснуться, чтобы так элегантно завить свои русые волосы по спине.

«Как ты себя чувствуешь, Дилан?»

«Готов увидеть эту великолепную невесту», - говорит он.

«Тогда давай отправим тебя туда», - говорит Донна.

Дилан в последний раз обнимает родителей, прежде чем Донна провожает их на места снаружи.

Все это происходит на самом деле.

Свадьба моего лучшего друга вот-вот начнется.

Из динамиков доносится песня процессии. Это инструментальная версия песни «Into the Wild» Льюиса Уотсона, которую Дилан пел со своими родителями в детстве. Дилан выходит на улицу, наслаждаясь солнцем и аплодисментами, которые он только поощряет, пока люди не начинают радоваться и свистеть.

Я стою прямо за ним и думаю о том, почему я становлюсь таким фанатом этой Вселенной. Одна из причин в том, что у Дилана не было достаточно времени, чтобы отрепетировать один из тех танцев у алтаря. Но моя любимая причина - сидеть среди гостей. Сегодня я впервые вижу Артура лично, и он сказал, что будет сюрприз - он надел галстук с хот-догом с того дня, когда мы познакомились.

Я почти забыл, что это не наша свадьба. Я готов подбежать и поцеловать его когда вспоминаю, что я здесь, чтобы быть шафером.

Всему свое время.

Пока что я улыбаюсь ему. Проходит слишком много времени, прежде чем я замечаю, что он сидит между Джесси и моими родителями.

Стоя под навесом, к нам с Диланом присоединяется Патрик. На нем темно-зеленый костюм и простые черные туфли. Он улыбается нам и машет рукой.

«Пссс...» Дилан привлекает мое внимание. «Он пытается превзойти мой костюм. Какая наглость этот ублюдок...»

«Дилан. Чувак. Он тебе не конкурент. А даже если бы и был, ты буквально в нескольких минутах от женитьбы на Саманте. Я думаю, ты выиграл».

Дилан кивает. «Чертовски верно, я выиграл». Он самодовольно улыбается Патрику.

Вдоль прохода из белого шатра выходят все участники группы Рас-Рeople все они в черных рубашках, с галстуками и инструментами соответствующего цвета. Все затихают, когда группа начинает исполнять версию песни Израэля Камакавиво'оле «Over the Rainbow».

Все гости встают, ожидая.

Затем створки белого шатра снова расступаются, на этот раз открывая Саманту и ее отца.

На Саманте белое платье с кружевными рукавами и серебряное ожерелье в виде ключа. Я уже хочу вписать это в свою книгу во время королевского бала. Но я не могу написать ее улыбку, когда она впервые видит Дилана.

«Я сейчас заплачу», - говорит Дилан. Он дрожит. «Не позволяй мне плакать, Бен».

Я кладу руку ему на плечо. «Держись, Ди», - говорю я, сдерживая свои собственные слезы.

Саманта обнимает отца, прежде чем присоединиться к нам у алтаря.

Дилан тут же опускается на одно колено. «Привет. Ты прекрасна. Выходи замуж за меня».

Она смеется. «Я стараюсь, мистер Красавчик».

Когда всеобщий смех стихает, ведущий начинает церемонию.

Я не могу поверить, что стою рядом со своим лучшим другом на его свадьбе. Я думал что до этого дня оставались годы. Но он действительно пошел по стопам своих родителей и женится молодым. Я не сомневаюсь, что у Дилана и Саманты получится. Я лишь немного беспокоюсь о ребенке и о том, будет ли Саманта будет достаточно сдержанной, чтобы компенсировать инфантильность Дилана. К счастью, я буду рядом, чтобы наблюдать, как растет этот ребенок.

Саманта начинает свою клятву. «Дилан, когда ты сделал мне предложение первого апреля в День дураков, я ни разу не подумала, что ты шутишь...»

Я так счастлив, что стою здесь с Диланом, но я с нетерпением жду, когда смогу скоро сесть с ним и Самантой и узнать всю предысторию их тайной саги. Я так много пропустил. Например, что в Саманта говорит о том, как она нервничала, рассказывая об этом своей семье, но когда Дилан сказал ей, что все будет хорошо, она поверила ему, потому что она

никогда никому не доверяла так, как ему.

«Я обещаю любить тебя, Дилан, даже в те дни, когда мне хочется тебя осадить», - заключает Саманта.

«Можно я уже поцелую ее?» спрашивает Дилан.

«Уже можно», - с улыбкой отвечает ведущий. Он передает ему микрофон.

«Не хотите ли вы произнести свои клятвы?»

Дилан крутит микрофон между пальцами. «Саманта, в честь того, что я встретил тебя в кофейне, я подумал о том, чтобы дополнить эти клятвы каламбурами. Типа ты так прекрасна, и как я люблю тебя, угощаю латте и спрашиваю, где ты пропадала всю мою жизнь? Вместо этого я бы хотел вернуться к тому Дню дураков, когда у меня не было кольца, чтобы подарить тебе, но вместо него я подарил тебе ключ...» Он поворачивается к гостям, как будто он комик на сцене. «Почему ключ, спросите вы? Ну...» Он обхватывает руками микрофон и кричит: «ПОТОМУ ЧТО Я ЕГО ЗАКРЫЛ!»

Когда все смеются, в том числе и Саманта, она выхватывает микрофон. «Скажи им настоящую причину, или я уйду».

«Ты уже поклялся любить меня!»

«Дилан...»

«Фиииал». Он сжимает в руке ключ, висящего у нее на шее. «Это ключ от нашей комнаты в общежитии, то есть от нашего первого совместного дома. И я говорил тебе, что хочу иметь с тобой больше домов».

Моя рука подносится ко рту от того, насколько это мило.

«Отлично, теперь все знают, какой я милый», - говорит Дилан.

«Это делает тебя человечным», - говорит Саманта, поглаживая его по щеке.

Дилан поворачивается к ведущему. «Ради всего святого, можем мы теперь поцеловаться?»

Ведущий смеется, завершая церемонию. Мы с Патриком дарим нашим лучшим друзьям кольца. У Дилана простое кольцо, а золотое кольцо Саманты досталось ей от ее бабушки.

«Теперь?» спрашивает Дилан, страстно желая поцеловать Саманту.

«Я объявляю вас мужем и женой», - говорит церемониймейстер. «Теперь вы можете поцеловать...»

Дилан не теряет времени и целует девушку, которую когда-то называл своей будущей женой.

Мой лучший друг женился.

Я никогда в жизни так сильно не хлопал. Сквозь слезы на глазах я наблюдаю, как Дилан кланяется держа Саманту за руку. Вместе они идут к алтарю, и все их семья и друзья поддерживают их.

И Артур поворачивается, чтобы посмотреть на меня, как будто его глаза слишком долго не виделись с моими. Я так счастлив, что он вернулся в мою жизнь, и я готов к тому, чтобы стать лучшими из нас, какими мы всегда знали, что можем быть.

Когда-то я задавался вопросом, были ли мы историей любви или историей о любви.

Теперь я знаю ответ.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

АРТУР

Суббота, 11 июля

Единственное, что лучше, чем Бен под навесом, - это та часть, где он идет прямо ко мне, когда церемония заканчивается. И та часть, где он целует меня с такой непринужденной уверенностью, что я почти таю в аккуратно подстриженной траве.

Это все еще так волнующе и странно - эти быстрые поцелуи в присутствии бабушек и дедушек, обслуживающего персонала и горячего дяди Дилана Джулиана. Я так давно не был дома, что даже не задумываюсь о том, насколько сильно я сдерживаюсь в некоторых местах. Но правда в том, что пятнадцатилетний я едва ли осмеливался мечтать о поцелуе с парнем на публике. Я уверен, что тринадцатилетний я думал, что два парня, целующиеся на свадьбе, бывают только на чужих фотографиях.

Бен берет обе мои руки, переплетая наши пальцы. «Итак. Насколько хорош был шафер?»

«Самый лучший. Лучший шафер. Я не мог отвести от него глаз. А там был вообще жених?»

«Не знаю», - говорит Бен. «Я был слишком занят, разглядывая какого-то парня в галстук с хот-догом».

Я улыбаюсь ему. «Особый случай, да?»

Клянусь, мои молекулы перестраиваются, когда он рядом со мной. Воздух между нами кажется настолько плотным, что я могу проделать в нем дыру. Он наклоняется, чтобы поцеловать меня снова.

Я даже не знаю, как я до сих пор стою на ногах.

«Ай-ай-ай!» вопит Дилан в мегафон.

Мы с Беном расходимся в разные стороны, утертые и улыбающиеся.

«Я не хочу прерывать...»

«Дилан!» Я заключаю его в крепкие медвежьи объятия. «Мазлтов! Как ты себя чувствуешь?»

«Мне хочется сделать несколько непристойных снимков, вот как я себя чувствую», - говорит Дилан.

Бен произносит слово «вау». «Похоже, это больше подходит для послесвадебное развлечение».

«Напротив, мой лучший Бен. Ты незаменим», - говорит он, поправляя галстук Бена и похлопывает его по плечу. «Приказ фотографа. И, - добавляет он, вздергивая брови, -

бойфренды определенно допускаются».

Бойфренд... мой желудок делает сальто, когда он это произносит. Именно так Дилан представил меня своим родителям сегодня утром. *Парень Бена*. Я так стараюсь сохранить спокойствие, ведь мы с Беном еще не обсуждали это. Но я не могу не заметить, что Бен не возражал ни разу.

Он берет меня за руку. «Пойдем со мной?»

Как будто это вообще вопрос. Мы идем за Диланом, мимо трех накрытых столов и импровизированной танцевальной площадки, увешанной гирляндами. На окраине поместья О'Мэлли есть обсаженная деревьями беседка, где женщина во всем черном фотографирует Саманту с различными сочетаниями родственников. Когда она видит нас, ее привычная улыбка на фотографии превращается в ослепительный оскал.

Саманта в роли невесты - все еще самая странная концепция, но нельзя отрицать, что ей это очень идет. Она так прекрасна, что даже я немного заморожен. Ее платье выглядит как из экранизации Джейн Остин - с высокой талией и с кружевами цвета слоновой кости и рукавами-шапочками. *Шик для беременных*, назвала она его сегодня утром, стягивая ткань вокруг живота, чтобы показать нам, насколько чертовски мы не замечали уже несколько недель.

Фотограф втаскивает Дилана в кадр, между Самантой и ее бабушкой. Я наклоняюсь поближе к Бену, чтобы посмотреть, как она суетится вокруг него, делая миллион снимков со всех сторон, периодически останавливаясь, чтобы добавить или убрать очередного родственника О'Мэлли.

«Я все думаю о том, что это *свадебные фотографии* Дилана», - говорит Бен, слабо улыбаясь. «Как будто мы наблюдаем за созданием образа, который будет передаться их внукам».

Я наблюдаю, как Дилан лениво потягивается, а затем резко останавливается, чтобы понюхать подмышку.

«Для внуков», - говорю я.

Бен целует меня в щеку, прежде чем прижаться к Дилану для свадебной фотографии после чего по просьбе жениха была проведена фотосессия лучших друзей. Саманта пробирается по траве прямо ко мне, протягивая руки для объятий.

«Артур! Я так рада, что ты здесь. Спасибо тебе огромное. Просто. За все».

«Ты шутишь? Спасибо, что пригласили меня. За эту свадьбу. И за тебя!» Я прижимаю обе руки к сердцу. «Ты испортила меня для всех остальных невест».

«Отстой. Видимо, тебе не стоит выходить замуж за такого».

Я смеюсь. «Думаю, нет».

«Я так рада за вас, ребята». Она смотрит на Бена и Дилана, которые в данный момент изображают позу из «Сумерек» на траве. «Я никогда не видела, чтобы Бен так сиял».

Мое сердце делает этот быстрый, крошечный прыжок. «Правда?»

«Артур, он влюбился с головой. Ты же видишь, да?»

«Эй, нынешняя жена», - окликает Дилан, поднимаясь на ноги.

«Вернись сюда».

«Ух ты. Не люблю это...»

«Извините.» Дилан прочищает горло под шум смеха Бена. «Моя вечная жена».

Саманта ухмыляется.

«И ты тоже, премия Макартира Сьюза. Иди сюда».

Саманта хватается меня за руку. «Наш папарацци ждет».

Это такая радость, которая почти слишком яркая, чтобы смотреть на нее прямо. Как я мог просить о чем-то, кроме руки Бена на моей талии и щелчка фотоаппарата? Документальное доказательство того, что этот момент существовал, что мы с Беном принадлежим друг другу.

Вечер перетекает в ночь, в одно счастливое пятно из еды, соусников и танцев. Все это время я провел в объятиях Бена, уже скучая по каждому проходящему мгновению.

«Может, прогуляемся куда-нибудь?» - спрашивает он через некоторое время после того, как торт уже разрезан.

И так мы оказываемся в усаженной деревьями беседке на краю двора, где были сделаны фотографии. Музыка звучит приглушенно. Мы совершенно одни, лицом к лицу с тенью. Между нами нет ничего кроме наших переплетенных рук. Мне хочется остаться здесь.

Я хочу запереть себя в этом моменте. Я продолжаю представлять себя в будущем, один в своей комнате в общежитии, пытаюсь представить себя таким, каким я был раньше.

Интересно, будет ли Бен скучать по мне этой осенью? Будем ли мы все еще вместе к тому времени? На этот раз у нас все получится, правда? Междугородние отношения - это не конец света, а Коннектикут гораздо ближе, чем Джорджия. Мы просто будем ездить на поезде...в течении трех лет

«Эй.» Бен притягивает меня ближе. «О чем ты беспокоишься?»

«О, я... просто. Не знаю. Я рад быть здесь». Я улыбаюсь ему. «Я все еще не могу в это поверить».

«Что Дилан и Саманта поженились?»

«И в это тоже». Мое сердце замирает. «Но нет, я имею в виду нас. Что мы, знаешь, снова вместе... Наверное?»

«Догадываешься?» Бен наклоняет голову, и я смеюсь.

«Я не знаю! А мы? Как это происходит?»

Музыка сменяется - и даже с другого конца двора я узнаю песню с первых же тактов. Уверен, что узнал бы ее и во сне.

«Marry You». Бруно Марс.

Бен разражается хохотом. «Ух ты, это что, толпа собирается, или...»

Я закрываю лицо. «Я не планировал этого. Боже мой. Вселенная, какого черта? Отдыхай хоть раз в день...»

Бен целует меня.

Я удивлено поднимаю на него глаза. «Ну ладно.»

Он целует меня снова, его руки скользят по рукавам моего пиджака, оставляя мурашки по коже даже сквозь слои ткани. Я обхватываю его руками, обнимая его ближе, прижимая его губы к своим, потому что воздух - это хорошо, но дыхание Бена лучше. Его руки меняют направление, возвращаясь к моим плечам, к шее, и я не могу перестать думать о том, сколько историй, рассказанных этими руками на крошечных квадратных клавишах. Его кончики пальцев касаются кожи над воротником и под ним, обводя бирку моей рубашки - не знал, что это движение, но это точно так.

То, как его прикосновения возбуждают меня, заставляют наклоняться вперед. Мне кажется, он выделяет меня курсивом.

«Послушай, - говорит он, его голос задыхается от поцелуев. «В этом вся суть. Тебе нужно попробовать что-то новое, или... понимаешь? В этом нет никакого смысла».

Мое сердце замирает. «Ты считаешь, что в этом нет смысла...»

«Нет, Боже. Прости. Я хочу сказать, Артур, черт». Он делает глубокий вдох. «Я говорю, что да, черт возьми, я хочу, чтобы мы снова были вместе. Мы никогда не должны были расставаться. Артур, в прошлый раз мы ошиблись с выбором. Давай попробуем еще раз. Мне плевать на расстояние. У нас все получится, хорошо?»

«Да. Давай... да». Внезапно я плачу и смеюсь одновременно. «Вот за то, чтобы все было как

прежде, верно?»

«За нас», - добавляет он, обнимая меня. Я зарываюсь лицом в его пиджак.

«Я так счастлив». Мой голос, приглушенный тканью, представляет собой мешанину из слез и захлебывающегося смеха. «Это мой любимый день».

«Любимый до завтра», - говорит Бен.

Я вытираю слезу с его щеки. «Пожалуйста, скажи мне, что ты можешь остаться на ночь», - говорю я. «Ты нужен Дилану для... я не знаю...»

«Его брачной ночи?»

«Слушай, это же Дилан».

Он смеется. «Я скажу ему, что я нужен в другом месте».

«Хорошо, потому что лошади дяди Милтона спрашивали о тебе».

«Я в теме», - говорит он. «И знаешь, чем еще я увлекаюсь? Не быть окруженным всем моим гардеробом».

Мое сердце радостно сжимается, как это бывает каждый раз, когда я вспоминаю, что он остается. *Он остается, он остается, он остается, он остается.*

«Завтра я первым делом помогу тебе распаковать вещи».

«Ты не должен этого делать...»

«Привет, ты бросил Калифорнию. Ради меня», - напоминаю я ему. «И тот факт, что я могу оставить тебя на своем побережье? Я буду убирать всю твою комнату каждый день, пока не начнется школа. Мне даже все равно».

Он смеется. «Как долго ехать до Уэслиана?»

«Два часа или около того на поезде. Это около двадцати пяти баксов, но есть скидка, если купить кучу билетов заранее. Например, если знаешь, что собираешься часто...». Я улыбаюсь.

«Нам следует часто видеться».

«Хорошо, но...» Бен внезапно поворачивается ко мне с выражением, которое я не могу расшифровать. Но когда его глаза встречаются с моими, они практически стреляют искрами.

«А что, если мы этого не сделаем?»

ЭПИЛОГ
МИР РУШИТСЯ

БЕН

Четыре года спустя

Бруклин, Нью-Йорк

Не у каждой истории есть счастливый конец.

Иногда вы пытаетесь и пытаетесь, но ничего не выходит. В итоге вы тратите столько времени, пытаясь заставить чего-то, что никогда не сработает, вместо того чтобы перейти к следующему этапу. Это очень тяжелый урок, особенно когда речь идет о годах комфорта и счастья. Еще сложнее, когда речь идет о больших мечтах. Но прощание может быть действительно освобождающим и открывающим новые двери для вас.

Так было и с *«Войной злых волшебников»*.

Я очень, очень хотел, чтобы она продалась. Это была книга, которую я начал в старших классах и бросил колледж, чтобы закончить ее, потому что очень в нее верил. Даже если мои злые волшебники смогли очаровать моего литературного агента, чтобы тот представил меня, книга не произвела того же эффекта, когда попала к издателям. Мой агент, Перси, посоветовал мне начать следующую книгу. Это был популярный совет, но у меня не было на это сил. Я думал, что стану исключением из всех правил, и чувствовал себя совершенно бессильным, когда не мог воплотить в жизнь свои самые смелые мечты.

Но я снова обрел свою силу благодаря своему самому большому поклоннику.

Мой невероятный бойфренд Артур Сьюз.

Когда я приехал за Артуром в Коннектикут в начале его второго курса. Я снимал спальню рядом с Уэслианом и ЭрДжей Джулией, где устроился на работу в качестве продавца книг. Артур знал, каким жалким я себя чувствовал после того, как *«Война злых волшебников»* не продалась. Но он не позволил мне бросить писать.

Идея моего современного романа, казалось, пришла из ниоткуда. Я помню, голова Артура лежала у меня на плече, когда я открыл чистый документ и начал писать. Десять месяцев спустя, когда я закончил тот жестокий первый черновик, Артур уже умолял прочитать его. Когда несколько недель назад мой агент позвонил и сообщил, что *«Лучшие из нас»* проданы издателю после аукциона в четырех домах. Артур открыл бутылку просекко, и мы закружились в танце по нашей крошечной бруклинской квартире.

Я бы позвонил родителям и команде Боггса на следующее утро, чтобы поделиться новостями, но тут Артуру пришла в голову потрясающая идея стильно объявить о моей сделке с издательством. Я еще даже не приступил к редактированию книги, но Артур

подумал, что будет здорово, если мы устроим встречу, на которой я смогу прочитать пару страниц. Он назвал это генеральной репетицией, потому что у него всегда на уме Бродвей. Особенно с тех пор, как Джейкоб нанял его на работу сразу после окончания школы.

Так что на сегодняшний вечер мы превратили нашу квартиру в небольшой магазинчик - кафе «Барт».

Наш дом кажется не достаточно большим для нас двоих, не говоря уже о нашем бордер-колли Борегарде, который становится по-настоящему возбужденным, когда мы возвращаемся откуда бы то ни было, даже если это происходит в конце коридора, чтобы выбросить мусор. Но сейчас, учитывая, сколько людей мы принимаем, это прямая угроза пожара.

Это немного перегружает. Но, похоже, все прекрасно проводят время.

Артур со своими родителями, мамой и папой, которые до сих пор восхищаются тем как им понравилось вчерашнее шоу. Артур и вся команда Demsky Theatrics действительно вложили все силы в «*За городом*», и это принесло свои плоды. Критики, присутствовавшие на премьере, дали ей действительно отличные отзывы, и мне удалось отвлечь Артура от просмотра той, которая была немного не очень.

Итан и его парень Джереми, участник а капелла, на нашей импровизированной сцене - пуфик с потайным отделением для игрушек Борегара, и они поют «Here's to Us» группы Halestorm. Это Абуэлига, Баббе, моя соседка из Коннектикута. Яэль, Джесси и Грейсон, а также мои друзья-книготорговцы были заморожены. И Тадж - абсолютный герой, записывающий их для совместного аккаунта Итана и Джереми в TikTok.

Дверь моей спальни открывается, и мой четырехлетний крестник Сэмми выбегает со стеклянными часами со съемочной площадки пилотного выпуска телешоу, которое Марио и его дядя завершили в прошлом месяце, потому что он звучит потрясающе. Таких часов было выпущено всего сорок штук, так что я буду очень признателен, если Сэмми не сломает их, как он сломал мой контроллер Nintendo.

«Сэмми, привет, приятель», - говорю я. «Могу я взглянуть на эти часы?»

Сэмми смотрит на меня голубыми глазами своей матери, в которых сверкает отцовское озорством его отца. «Ты можешь их купить».

«Купить? Они мои».

«Но они у меня».

«Это не совсем так, но ладно. Сколько ты хочешь? А? Доллар?»

«Одиннадцать долларов и семнадцать центов».

«Одиннадцать долларов и... Это так случайно. Откуда ты вообще взял это число?»

«Я не знаю».

А я знаю. Генетика.

Дилан и Саманта выходят из спальни, подкрадываясь к Сэмми. Я незаметно приподнимаю руку, говоря им, что у меня все схвачено.

«Как насчет того, если ты отдашь мне эти часы, я отведу тебя в книжный магазин завтра утром».

Сэмми делает утиные губы, обдумывая это. «Зоопарк. А я хочу сладкую вату».

«Договорились».

Мыжимаем друг другу руки, и он протягивает мне часы. Потом он убегает, чтобы напугать моего отца.

«Не приводи его домой, пока сахар не выветрится», - говорит Саманта.

«Или оставьте его в зоопарке с другими змеями», - говорит Дилан. Его телефон звонит, и он озаряется улыбкой. «Это Патрик. Секунду, Пэтти! Как поживает Куба, ты, сексуальный ублюдок?»

Саманта качает головой, пока Дилан идет поговорить со своим третьим лучшим другом.

«Пожалуйста, позволь мне переехать, Бен. Я так устала. Я знаю, что Борегард не пользуется своей кроватью».

Я смеюсь и обнимаю ее.

Долгое время Дилан называл плод Сидром. Мне это даже понравилось. Я не шучу. У Саманты не было имени, которое бы ей нравилось, но когда Дилан увидел все, что она сделала для появления их сына на свет, он сказал, что они должны назвать ребенка в ее честь. Забавно, что она никогда не позволяла никому, кроме своей матери называть ее Сэмми, а потом назвала так своего сына. Может, это станет новой традицией.

Через час, кажется, все, кто должен быть здесь, уже пришли.

Я протискиваюсь сквозь толпу и беру Артура за руку. «Извините», - говорю я всем родителям и веду его в нашу спальню. «Нам, наверное, пора начинать пока наши соседи не пожаловались».

«Я не понимаю, почему они не могут насладиться шоу», - говорит Артур. «Я практически привожу Бродвей в Бруклин».

«Иногда Бродвею стоит отдохнуть», - говорю я, целуя его в щеку.

«Богохульство», - говорит он. «А еще по понедельникам».

Мы идем в нашу спальню, и я беру картонную коробку с моей рукописью, которую Артур напечатал и переплел в Staples. Когда он принес ее домой я не мог поверить, что держу в руках физическую версию книги. Мы возвращаемся в гостиную, где Артур привлекает всеобщее внимание. Он стоит на пуфике и говорит в бутафорский микрофон.

Добро пожаловать на вторую часть «Артура и Бена», - говорит Артур. «Спасибо всем, кто пришел сегодня на шоу, и спасибо, что пришли сегодня чтобы узнать о большой новости Бена...»

«Ты завел еще одну собаку?» спрашивает Сэмми, поглаживая Борегара.

«Нет. Пока только Бо».

«Заведи еще одну».

Дилан показывает на Сэмми и поворачиваясь к жене. «Контролируй своего тезку».

«Контролируй свою ДНК», - говорит она.

У меня дрожат ноги, когда я осознаю все, что сейчас произойдет. Насколько по-другому я предстану перед всеми своими близкими. Как этот день и через что я прошел, чтобы получить такой момент.

«Поэтому я очень долго молчал. Я писал что-то настолько личное, что это меня пугало. Я не хотел говорить об этом, потому что я был очень унижен, когда моя фантастическая книга не продавалась. Но...» Я потянулся в коробку и достаю рукопись.

«Ты закончил!» говорит Ма.

Все хлопают. А я поворачиваюсь к Артуру, у которого голова идет кругом от волнения.

«Я не просто закончил писать книгу», - говорю я. «Я заключил договор на издание книги... Я буду опубликованным автором».

Мои родители теряют дар речи. Дилан и Саманта аплодируют громче всех, а Сэмми просто кричит, чтобы кричать. Все так рады за меня, но я все еще дрожу от того, что последует дальше.

«Артур подумал, что будет здорово, если я прочту для всех вас первые страницы. Но это та версия, которая была продана...» Я открываю первую страницу и останавливаюсь. «Вообще-то, я не могу».

«Буу!» говорит Дилан. И, конечно, Сэмми тоже вступает в разговор.

«Артур, не мог бы ты почитать за меня?» спрашиваю я. «Я слишком нервничаю».

Артур выглядит удивленным. «Но я не репетировал. Можно мне минутку чтобы вжиться в

роль?»

«Я люблю тебя, но ни в коем случае».

Мы снова меняемся местами на пуфике.

Артур открывает книгу, я жду, а он читает: «Глава первая...».

«Подожди. Арт. Мне кажется, ты пропустил страницу».

Он смотрит на меня. «Ты пролистал пролог? Я думал, ты против пролога...»

Он переходит к странице с посвящением.

«Артуру», - читает он. «Моему вечному мужу».

Его голубые глаза заблестели, и все затаили дыхание.

Я опускаюсь на одно колено и достаю из кармана кольцо. «У вас есть какие-нибудь правки?»

АРТУР

Два года спустя

Миддлтаун, штат Коннектикут

Как вы назовете момент, который настолько идеален, что вы боитесь, что он вам приснился?

Я достаточно близко, чтобы разглядеть некоторые лица в толпе, и это странное скопление людей. Муса и его жена Рахми сидят рядом с друзьями Бена-писателями. Миссис Ортис из соседнего квартала целуется с одним из малышей Джейкоба. Джульетта и Эмеральд. Намрата и Дэвид. И столько родственников – например, дядя Милтон и его особая леди-подруга с севера штата, не говоря уже о самом лучшем дуэте старушек: Баббе и Абуэлите. Все эти люди, из разной эпохи нашей жизни.

Но никаких бывших парней. Мы не удивились, когда Хадсон и Рафаэль отказались от нашего приглашения, а Майки и Зак удивили нас еще меньше. Марио – единственный, кто выглядел подавленным, что не смог прийти – он не мог оторваться от своей писательской комнаты, но он прислал нам видеосообщение с множеством поздравительных поцелуев от своего счастливого медвежонка *I Love You Beary Much*.

Зазвучала инструментальная версия песни «Marry You», и Бен шагнул к алтарю. Я не настолько близко, чтобы разглядеть его выражение лица, но я могу представить его – маленькая застенчивая полуулыбка, когда он понимает, что люди смотрят на него. Я называю это его лицом для подписания книг. За ним стоят его родители, и они двигаются так медленно, наверное, потому что Изабель постоянно цепляет людей за руки, когда проходит мимо.

«Еще дышишь?» – спрашивает моя мама.

Я качаю головой. «Я выхожу замуж».

За Бена. За парня, в которого я был влюблен с шестнадцати лет.

Мы с Беном не виделись несколько часов, но мы проснулись рано, чтобы побродить по главной улице вдвоем, только мы. Бен подписал контракт на акции в магазине RJ Julia, и мы пообедали в закусочной «Форд Ньюс». И, конечно же, мы зашли в «Барк-ери» за домашним печеньем для собак, ведь мы впервые выезжаем из Борегарда с кем-то, кроме родителей Бена, и Бен не очень хорошо это воспринял. Мне удалось отговорить его звонить по FaceTim няне, не выходя из магазина, чтобы Бо мог видеть все свои возможности. Можно сказать, что теперь у меня есть неплохое представление о том, каким Бен будет отцом.

Это странно, что я не могу дождаться?

Песня переключается на «Only Us» из Dear Evan Hansen, что, очевидно, послужило сигналом для Сэмми сделать кувырок и отправился к алтарю. Понятия не имею где его подушечка для колец, но это круто, потому что у нас есть настоящие кольца в наших карманах. Прошлые Артур и Бен прекрасно понимали, что нельзя подпускать к себе кого-то, в ком так много ДНК Дилана. Сэмми подбрасывает свои кулаки в воздух, как боец, выходящий на ринг.

Отец похлопывает меня по спине. «Думаю, пора идти. Ты готов?»

Из моего рта не вылетает ни слова, но он просто смеется и поправляет мне галстук.

Затем мои родители обнимают меня за плечи, и я смутно осознаю, что сотни лиц повернулись, чтобы посмотреть на меня.

Но все, что я вижу, - это Бен. Он стоит так прямо в своем темно-сером костюме... кажется, он слишком нервничает, чтобы сутулиться. Наши глаза встречаются, и он прижимает руку ко рту, словно пытаюсь сдержать рыдания.

Я просто не могу поверить, что выйду замуж за этого человека.

Бен пытается поцеловать меня, как только я подхожу к алтарю, но Дилан бьет его по голове свернутым листом бумаги. «Никаких спойлеров!»

«Это свадьба», - говорит Бен.

«Ты еще не замужем!» Дилан оборачивается к толпе. «Друзья! Враги!» Затем он делает паузу, слегка кланяясь. «Любовники».

Саманта недоверчиво качает головой.

«Я хочу начать, - продолжает Дилан, - с обращения к богоподобным писаниям моей церкви, церкви, откуда исходит... всеобщая жизнь. Друзья, странники, мне брошен вызов! Я прошел испытание! Мой путь к небесному исполнению был сопряжен с большими трудностями! Но с того дня, как я отправил свои данные в эту святейшую из контактных онлайн-форм, я остаюсь», - он сурово закрывает глаза. - «человеком непоколебимой веры».

Бен смотрит на меня, и я сдерживаю смех.

«Итак, я с божественным удовольствием приветствую вас здесь на священном браке Бенджамина Хьюго Алехо и Артура Джеймса Сьюза. Это - без всякого преувеличения, самое гоморомантическое событие в истории человечества».

Он делает драматическую паузу. «Итак, без лишних слов я хотел бы передать слово нашим женихам, которые дали обет написать свои собственные клятвы. Давай, Бен. Сделай мой день... нет». Дилан улыбается, жестом указывая на меня. «Сделай его».

В следующее мгновение Бен достает из кармана пиджака слегка помятый лист бумаги, издавая звук, который можно назвать чем-то средним между смехом и выдохом.

«Как мы все знаем, я не... - начал он, голос слегка дрожал. «Простите, могу я... позвольте я начну сначала». Я сжимаю его руку и улыбаюсь ему, а он нервно улыбается в ответ. «Ладно, пора начинать. Как мы все знаем, я не тот автор фэнтези, которым, как я думал стану. Это было тяжелое время. Но я справился с этим благодаря тебе... ты мой самый большой поклонник и мой самый большой защитник. И ты снова и снова доказываешь, что реальный мир более волшебный, чем все, что я когда-либо мог написать, потому что *ты* в нем».

У меня перехватывает дыхание. Столько радости невозможно пережить.

«Бывает так много дней, когда я все еще не могу поверить, что ты есть в моей жизни. Что, если бы я не пошел на почту в тот день? Что, если бы ты не вернулся в Нью-Йорк? Что, если бы я уехал? Когда я думаю о том, как ужасна была бы моя жизнь без тебя, я думаю обо всем, что я сделаю, чтобы удержать тебя. Например, позволю тебе петь мелодии перед сном, несмотря на жалобы соседей. И никогда не злоупотреблять вежливым пятиминутным опозданием, которое ты так щедро предоставил мне».

Я смеюсь, вытирая глаза.

«Артур, я люблю тебя и очень хочу написать эту следующую главу вместе с тобой», - говорит он. «И каждую главу».

«Сьюзикал, *святые угодники*», - говорит Дилан, качая головой. «Что ты собираешься сказать на это?»

«Да... напомни мне, почему мы отпустили опубликованного автора первым?»

Бен ухмыляется, и я ухмыляюсь в ответ.

«Тебе повезло, что меня не так легко запугать», - говорю я, а потом делаю паузу. «Или что меня так легко запугать, что я привык быть запуганным, что вроде как не быть запуганным, я полагаю?»

Несколько человек хихикают, а я разворачиваю листок бумаги, чувствуя странное отстранение от своего тела.

Глубокий вдох.

«Дорогой мальчик из почтового отделения».

Я украдкой бросаю взгляд на Бена, который уже вытирает глаза в уголках.

«Восемь лет назад мы проговорили несколько минут в почтовом отделении на Лексингтон.

Я был парнем с галстуком-хот-догом. Ты был парнем, который отправлял письмо своему

бывшему парню. А теперь я выхожу за тебя замуж».

Раздается коллективное «ой-ой-ой», но, должно быть, за миллион миль, потому что сейчас здесь только мы. Я и Бен.

«Как нарвал, - говорю я, опустив взгляд на свою бумагу, - я с трудом могу поверить, что этот момент реален».

Бен смеется, и от этого смеха у меня перехватывает горло.

«Я так влюблен в тебя. И всегда любил. Ты это знаешь. И я знаю, что должен поклясться, но я не знаю, с чего начать». Я вдыхаю. «Я просто хочу сделать тебя счастливым», - говорю я. «Но я буду рядом, когда тебе будет грустно, тоже. Если тебе грустно, я посижу с тобой. Я знаю, что иногда я буду ошибаться, но я обещаю, что буду часто просить прощения, потому что именно так поступают люди, когда хотят, чтобы у них что-то получилось».

Бен кивает, быстро моргая.

«Бен, я хочу засыпать рядом с тобой и начинать каждый день с тобой. Я хочу бесконечных перемен. Я хочу, чтобы ты смеялся и знать о тебе все. Я хочу увидеть, как ты будешь выглядеть, когда *состаришься*, и я даже не говорю о том, о папиной старости. Я имею в виду старого-престарого». Бен снова смеется и вытирает очередную слезу. «Я хочу всю твою историю. И бонусные кадры. И историю с ляпами. Я просто... люблю тебя больше, чем я думал, что это возможно. Честно говоря, это смешно. И я все время думаю о том первом лете в Нью-Йорке и о том, как я тосковал по дому». Мой голос срывается. «Но теперь я знаю, что ты - мой дом».

Я складываю лист. Выдыхаю. Мы с Беном смотрим друг на друга.

Дилан вытирает глаза куском рукава. «Народ, я не знаю, что вам сказать вам. Они не совсем честные, но они попали прямо в наши сердца». Он сжимает свою грудь на мгновение. «Да, мне лучше закончить эту сделку. Выкладывайте, ребята!»

«Кольца», - вклинивается Саманта из первого ряда. «Он имеет в виду кольца».

Я замечаю, что у Бена дрожат руки. И тут я понимаю, что мои тоже.

Дальше все как в тумане. С этим кольцом. Как символ. *С этого момента вперед. Без всяких оговорок.*

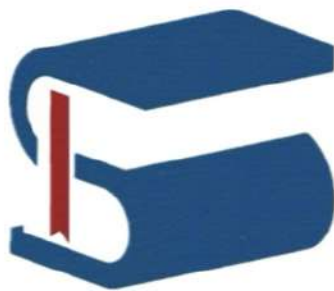
Я люблю.

Я хочу.

«Тогда властью, данной мне Интернетом, Богом и штатом Коннектикут, я объявляю вас

мужем и мужем!» заявляет Дилан, посылая воздушный поцелуй в нашу сторону. «Сделайте это».

И все, о чем я могу думать, это: иногда «что-если» сбывается.

SECRET.BOOKS.CLUBS